

**№ 1(2)
2020**

Евразийская научно-экспертная ассоциация
оперативно-розыскного права

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКОЕ ПРАВО

научно-практический журнал

В НОМЕРЕ:

- Луговик В. Ф.* Оперативно-розыскной иммунитет: проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности 3
- Гусев В. А.* Оперативно-розыскная деятельность: вторжение в частную жизнь 6
- Горовой С. А., Давыдов С. И., Деминова В. Ю.* О реализации права на пенсионное обеспечение граждан, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность 9
- Буряков Е. В.* Розыск в сети Интернет 14
- Васильченко Д. А.* Особенности осуществления оперативно-розыскного прогнозирования преступного поведения в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел 18
- Десятов М. С.* Классификация актов правоприменения в оперативно-розыскной деятельности 27
- Шаламов Г. В.* Признаки мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности 31
- Баженов С. В.* Осуществление органами внутренних дел прерывания предоставления услуг связи 35
- Бакланов Л. А.* Допуск участников негласных оперативно-розыскных мероприятий к государственной тайне 38
- Поправко А. С.* Проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий 41
- Лахтиков Д. Н.* Конфиденциальное содействие лиц в оперативно-розыскной деятельности: перспективы совершенствования правового регулирования 46
- Лугович С. М., Лаврентьев В. А.* Законодательное закрепление правового положения участников оперативно-розыскных правоотношений — направление совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности 50
- Лугович С. М., Карпенко Д. А.* Правовая основа получения информации сотрудниками оперативных подразделений от операторов сотовой связи при проверке сообщений по фактам пропажи мобильных телефонов 54
- Арсеньев Д. В.* Актуальные вопросы определения круга участников при организации проведения оперативно-розыскных мероприятий 57
- Дорош Е. Ю.* Блокировка банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа как мера оперативно-розыскного принуждения 59

Редакционный совет:

Гусев Владимир Александрович,
доктор юридических наук, доцент

Давыдов Сергей Иванович,
доктор юридических наук, профессор

Железняк Николай Семенович,
доктор юридических наук, профессор

Осипенко Анатолий Леонидович,
доктор юридических наук, профессор

Павличенко Николай Владимирович,
доктор юридических наук, профессор

Чечетин Андрей Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор

Редакционная коллегия:

Бакланов Леонид Анатольевич,
кандидат юридических наук

Буряков Евгений Владимирович,
кандидат юридических наук, профессор

Васильченко Денис Александрович,
кандидат юридических наук —
ответственный секретарь

Десятов Михаил Сергеевич,
кандидат юридических наук

Луговик Виктор Федорович,
доктор юридических наук, профессор —
заместитель главного редактора

Самоделкин Александр Сергеевич,
доктор юридических наук, доцент

Софронов Виктор Николаевич,
доктор юридических наук —
главный редактор

Шмидт Александр Альбертович,
кандидат юридических наук, доцент

Учредитель — Евразийская научно-экспертная
ассоциация оперативно-розыскного права

Главный редактор *В. Н. Софронов*

Свидетельство о регистрации средств массовой
информации Федеральной службы в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
ПИ № ФС77-69280 от 29 марта 2017 г.

Адрес редакции: 119049, г. Москва,
Ленинский пр-т, д. 6, стр. 7, пом. 4.

Цена свободная.

Выход в свет: 08.2020. Тираж 500 экз.

Уч.-изд. л. 8,0. Усл. печ. л. 7,4.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

© Евразийская научно-экспертная ассоциация
оперативно-розыскного права

От главного редактора

Вы держите в руках номер журнала «Оперативно-розыскное право», посвященный вековому юбилею старейшего милицейского (полицейского) учебного заведения России. Омская высшая школа милиции всегда ориентировалась на исследование оперативно-розыскных проблем. В последние десятилетия оперативно-розыскная наука обогатилась новыми достижениями, позволяющими повысить эффективность борьбы с преступностью. Серьезных успехов научная общественность добилась в разработке правовых, организационных, тактических вопросов оперативно-розыскной деятельности, куда существенный вклад внесла омская научная школа, формирование которой связано со становлением и развитием Омской высшей школы милиции (ОВШМ) МООН РСФСР (2 июня 1965 г. — 1 июля 1995 г.), а затем ее правопреемников — Омского юридического института МВД России (1 июля 1995 г. — 4 февраля 2000 г.) и Омской академии МВД России (4 февраля 2000 г. — по настоящее время).

Формирование омской научной школы происходило в тесном взаимодействии с учеными ВНИИ МВД СССР, кафедрой общей теории оперативно-розыскной деятельности и управления оперативными аппаратами органов внутренних дел, а также кафедрой управления аппаратами БХСС Академии МВД СССР. Талантливые ученые Московской высшей школы милиции МВД СССР, ВНИИ МВД СССР и Академии МВД СССР, являвшиеся основоположниками оперативно-розыскной науки, оказали мощное позитивное влияние на развитие омской научной школы. В числе таких ученых следует назвать Б. Е. Богданова, В. Г. Гребельского, А. Г. Лекаря, В. А. Лукашова, В. Г. Самойлова, Ю. С. Блинова и В. Г. Боброва.

Исследуя правовые проблемы ОРД, представители омской научной школы осознавали необходимость решения двух научных задач: доказать правовой характер ОРД и предложить варианты ее правового регулирования. В результате уже к середине 70-х гг. В. Ю. Фролов выступил инициатором разработки проекта оперативно-розыскного кодекса и предложил его структуру. Это было оригинальное, но неожиданное для научной общественности предложение. И хотя оно не осталось незамеченным, развития в трудах ученых других научных школ тогда не получило. Но научный поиск в этой части не прекращался, и в 1981 г. представителем омской научной школы Ю. Я. Вольдманом впервые было аргументировано существование самостоятельной отрасли права — оперативно-розыскного права.

Обоснование правовой природы ОРД даже с точки зрения сегодняшнего дня не является праздным вопросом и надуманной затеей, а в 60–80-е гг. прошлого века для постановки столь масштабной проблемы были нужны прозорливость и научная смелость, так как сама такая идея вызывала неприятие.

В данном номере читатель может познакомиться с позицией ученых по различным проблемам оперативно-розыскной деятельности и с широким спектром взглядов.

Оперативно-розыскной иммунитет: проблемы использования результатов оперативно-розыскной деятельности

Луговик Виктор Федорович, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры ОРД ОВД Омской академии МВД России, ведущий научный сотрудник НИИ ФСИН России

Рассматриваются проблемные вопросы использования результатов оперативно-розыскной деятельности в отношении лиц, обладающих неприкосновенностью. В основе статьи итоги изучения судебной практики и опроса сотрудников оперативных подразделений. Делаются выводы о необходимости сокращения оперативно-розыскных иммунитетов и совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскной иммунитет; оперативно-розыскная деятельность; оперативные подразделения.

Проблема иммунитетов и привилегий давно привлекает внимание юристов. Она имеет как правовое, так и нравственное содержание. С позиций права интерес к ней обусловлен поиском соотношения между принципом равенства всех перед законом и судом (ст. 7 Всеобщей декларации прав человека, ст. 19 Конституции России) и различием в правовом статусе отдельных лиц, влияющем, а точнее, усложняющем порядок их привлечения к ответственности за правонарушения. С нравственных воззрений речь идет, по сути, о справедливости. Вариативность иммунитетов в форме разнообразных преференций, индемнитетов и покровительств до сих пор устанавливает в России статусное превосходство так называемых «элит»¹, отдельных категорий должностных и публичных лиц². Действительно, сколько бы мы ни обсуждали и ни разрабатывали меры по борьбе с преступностью, это будет идеологическим блефом и социальным манипулированием, до тех пор пока существуют категории лиц, привлечение которых к уголовной ответственности затруднительно или даже невозможно. Общество воспринимает это как попрание элементарных принципов справедливости и как моральное уродство власти и закона. И если мы соглашаемся с тезисом, что правовая норма должна иметь нравственное содержание, так как право и закон следуют из морально-ценностных установок общества³, то должны признать безнравственность норм, обесценивающих принцип неотвратимости ответственности. Безусловно, «элиты» игнорируют саму идею-принцип правового ограничения власти⁴ и, по мнению криминологов, предпринимают все меры по ограничению законодательной базы борьбы с преступностью⁵.

Однако у проблемы имеется и иная сторона, а именно правовой иммунитет важен для обеспечения независимости, правовой суверенности и беспристрастности отдельных лиц (чаще всего должностных), выполняющих значимые государственные или общественные функции. Но, наделяя кого-либо иммунитетом, общество вправе надеяться если и не на морально образцовое, то хотя бы правопослушное поведение таких лиц. При этом важен баланс между социальными ожиданиями неотвратимости ответственности правонарушителей, с одной стороны, и гарантиями предупреждения неправомерного уголовного преследования данных лиц — с другой.

В юридической науке полнее исследованы общие, а также уголовно-правовые и уголовно-процессуальные аспекты иммунитета. Оперативно-розыскная наука в этой части делает лишь первые шаги. Кроме работы В. А. Лаврентьева, специально посвященной оперативно-розыскным иммунитетам⁶, нам неизвестны монографические исследования данной проблемы. Если она и затрагивалась, то лишь в прикладном плане при обсуждении иных сторон оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД). Думаю, это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, относительной «молодостью» оперативно-розыскного права и, соответственно, научных исследований правовых проблем. Традиционно в оперативно-розыскной науке приоритетное внимание уделялось решению организационных и тактических проблем выявления, предупреждения и раскрытия преступлений, а также розыска лиц, скрывшихся от следствия, суда, без вести пропавших. Правовые вопросы, к которым относится и иммунитет, были на втором плане. Во-вторых, утвердившимся и популярным суждением о подчиненном характере ОРД по отношению к уголовному процессу и обусловленной этим переносом правил уголовно-процессуальных иммунитетов на оперативно-розыскную деятельность, в том числе и негласную. Конечно, уголовно-процессуальные иммунитеты имеют традиции, преемственность и определенную «увязку» с оперативно-розыскными иммунитетами, следовательно, позиции ученых-процессуалистов заслуживают внимания и анализа. Тем не менее их механическая экстраполяция на смежную сферу правоприменения некорректна, так как ведет к упрощенному взгляду не только на оперативно-розыскные иммунитеты, но и на ОРД в целом. Распространение уголовно-процессуальных иммунитетов на оперативно-розыскную деятельность способно, по сути, упразднить инициативный оперативный поиск преступлений, совершаемых и спецсубъектами. Иммунитет гарантируется неприкосновенностью, и именно этот термин чаще всего употребляется в законодательстве в обсуждаемом нами значении⁷. И уж никак нельзя подержать идею расширения категорий лиц, обладающих оперативно-розыскной неприкосновенностью.

В. А. Сеницын с негодованием пишет, что «на сегодняшний день стала явной тенденция к продвижению

и навязыванию международными силами определенных стандартов, которые не согласуются со сложившимся опытом национальной правоприменительной практики и условиями развития российского общества». Возникает вопрос, какие же стандарты, противоречащие российскому опыту, «навязывают» «международные силы». Оказывается, речь идет о сокращении иммунитетов, затрудняющих привлечение к уголовной ответственности отдельных категорий лиц. Уважаемый автор согласился, что хотя уменьшение иммунитетов «достаточно правильное направление в развитии права, но оно может быть реализовано только после достижения определенного уровня общественного правосознания и тотальной нетерпимости к проявлениям коррупционного характера. Однако с учетом официальных статистических данных о коррупционных преступлениях обсуждение упразднения системы уголовно-процессуальных иммунитетов в нашей стране представляется преждевременным»⁸.

Итак, аргументы о невозможности сокращения иммунитетов сводятся к следующему: 1) недостаточный уровень правосознания (видимо, у российских граждан); 2) отсутствие тотальной нетерпимости к коррупции; 3) статистические данные о коррупции (?). Доводы неубедительны и лишь опосредованно связаны с выводом. К тому же мы сталкиваемся с подменой понятий.

Обоснование необходимости сохранения и расширения иммунитетов, ограничивающих возможности осуществления оперативно-розыскных мероприятий в отношении отдельных категорий лиц, должно носить более веский характер. Убедительность должна обеспечиваться не публицистическими приемами воздействия, а правовым анализом явления и его криминологического-социальных последствий. Более того, возможно, следовало бы рассмотреть вопрос о повышенной ответственности лиц, обладающих иммунитетом. Логика здесь достаточно проста: государство гарантирует неприкосновенность определенной категории лиц в законодательно установленном объеме, однако в случае совершения ими противоправного деяния обладание иммунитетом станет рассматриваться в качестве обстоятельства, отягчающего ответственность. Представляется, что при таком подходе будет соблюдена разумная пропорция между неприкосновенностью и ответственностью.

Особо следует остановиться на так называемых неформальных оперативно-розыскных иммунитетах, которые в реальности оказываются сильнее формальных⁹. В настоящее время наблюдается негативная тенденция к привнесению в оперативно-розыскное правоприменение положений, противоречащих законодательным предписаниям. Суть их сводится к негласным запретам или ограничениям на осуществление оперативно-розыскной деятельности в отношении определенных лиц. На наличие такой практики обратили внимание почти три четверти опрошенных сотрудников оперативных подразделений (руководители и оперуполномоченные уголовного розыска). Более половины из них отметили, что они даже письменно не оформляют полученную информацию о правонарушениях определенных лиц. Как отмечается

в решениях ЕСПЧ, неформальный иммунитет является одной из главных причин неэффективности расследований в отношении действий властей¹⁰.

Законодатель, излагая иммунитетные нормы, употребляет формулировку «*осуществление в отношении...*» (судьи, адвоката, депутата и др.) оперативно-розыскных мероприятий». Ключевым здесь выступает соединение из двух слов «*осуществление в отношении*», и именно это порождает неопределенность в оперативно-розыскном правоприменении. Дело в том, что с позиций юридической семантики этот оборот нельзя считать удачным, так как он не наполнен ясным правовым смыслом. Проиллюстрируем проблему ситуациями из практики. Так, если проводится оперативно-розыскный опрос гражданина, в ходе которого выясняются обстоятельства преступной деятельности третьего лица, обладающего иммунитетом, то можно ли это рассматривать как осуществление оперативно-розыскной деятельности *в отношении* спецсубъекта? Другая ситуация: с соблюдением оснований и условий (ст. ст. 7, 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 02.08.2019) «Об оперативно-розыскной деятельности») прослушиваются телефонные переговоры подозреваемого, в ходе чего фиксируется его разговор с сообщником, обладающим иммунитетом, например судьей. Допустимо ли данные действия трактовать как проведение ОРМ в отношении судьи, а полученные результаты использовать при доказывании по уголовному делу? Не ясно, как поступать при непредвиденном инициативном получении оперативно-розыскной информации о подготовке или совершении преступлений спецсубъектами. Внятных ответов на эти вопросы закон не дает, а правовые позиции высших судебных органов, изложенные по конкретным делам и в отношении отдельных категорий спецсубъектов, системно проблему не решают.

Что же касается оперативно-розыскного правоприменения, то на фоне неопределенности правового статуса оперуполномоченного и руководителя оперативного подразделения¹¹, а также под потенциальным риском необоснованного привлечения инициативных сотрудников к ответственности иммунитетные нормы объективно снижают их оперативно-розыскную активность. Решение вопроса посредством аналогии с уголовно-процессуальным законодательством пригодно не всегда, так как уголовно-процессуальные иммунитеты не учитывают всей специфики ОРД.

Выходом из сложившейся ситуации могло бы стать законодательное определение перечня оперативно-розыскных мероприятий и действий, проведение которых в отношении лиц, обладающих неприкосновенностью, осуществляется в особом порядке. К ним следовало бы отнести оперативно-розыскные мероприятия, ограничивающие конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, право на неприкосновенность жилища, а также действия с элементами принуждения.

Что касается сочетания слов «осуществление в отношении», то, возможно, в сугубо правовом значении от него следует отказаться, оставив в качестве профессионального понятия в организационно-тактической и ведомственно-нормативной сфере. Можно также предложить другой вариант: в статье-гlossарии оперативно-розыскного закона разъяснить содержание термина.

Кроме того, безусловной потребностью выступает необходимость правового регулирования использования попутно полученных результатов оперативно-розыскной деятельности в отношении противоправной деятельности спецсубъектов. Представляется, что основной посылкой здесь должны быть рассмотрение полученных результатов судьей (коллегией судей), определение законности их получения и вынесение постановления о возможности полного или частичного их использования при доказывании по уголовному делу.

¹ Мы считаем неприемлемым употребление термина «элита» именно к правовой характеристике общества. Провозглашение определенных группировок, особенно политических, элитой оправдывает их исключительный социально-правовой статус и, по нашему мнению, завуалированно корреспондирует с идеями евгеники и фашизма.

² Левчук С. В. Политико-правовые аспекты исторического толкования актуальных положений Magna charta libertatum 1215 года и Habeas corpus act 1679 года в Англии в контексте право-привилегий и идейных начал принципа презумпции невиновности // История государства и права. 2013. № 7. С. 32.

³ Вайпан В. А. Теория справедливости: Право и экономика : монография. М., 2017. С. 97.

⁴ Стенограмма презентации международного исследования «Реализация Конституции: от идей к практике развития конституционного строя (состояние и перспективы российского конституционализма на общемировом фоне)» // Государственная власть и местное самоуправление. 2009. № 1. С. 25.

⁵ Лунеев В. В. Коррупция, ученная и фактическая // Гос-во и право. 2006. № 8. С. 90.

⁶ Лаврентьев В. А. Иммунитеты в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018.

⁷ О статусе члена Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации : федеральный закон от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ (ред. от 16.12.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2020). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; О статусе судей в Российской Федерации : закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (ред. от 02.08.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 25.10.2019). Там же.

⁸ Силицын В. А. Отдельные вопросы производства по уголовным делам в отношении лиц, обладающих особым правовым статусом // Судья. 2018. № 2. С. 37.

⁹ Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы : коллективная монография / С. А. Авакьян, И. П. Кененова, А. С. Ковлер и др. ; отв. ред. и рук. авт. кол. С. А. Авакьян. М., 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁰ Российский ежегодник Европейской конвенции по правам человека (Russian Yearbook of the European Convention on Human Rights) / М. В. Агальцова, Т. К. Андреева, Е. Е. Баглаева и др. М., 2018. № 4. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Луговик В. Ф., Лугович С. М. Правовой статус оперуполномоченного при проведении оперативно-розыскных мероприятий : монография. М., 2018.

Оперативно-розыскная деятельность: вторжение в частную жизнь

Гусев Владимир Александрович, доктор юридических наук, доцент, первый заместитель начальника Омской академии МВД России (по учебной работе)

Современное законодательство, регулирующее защиту прав граждан при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, автор оценивает как бессистемное и фрагментарное. При этом органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность, фактически ограничивают весьма широкий спектр прав, свобод и законных интересов человека, по существу составляющих его частную жизнь, неприкосновенность которой гарантирована Конституцией Российской Федерации. В связи с этим предлагается легализовать оперативно-розыскную деятельность, ограничивающую конституционное право человека на неприкосновенность частной жизни, законодательно определив процедуру получения судебного решения об ограничении этого права у лица, обоснованно подозреваемого в причастности к подготовке или совершению преступления.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; конституционные права и свободы человека; ограничение права на неприкосновенность частной жизни.

Каждый человек, подобно луне,
имеет свою неосвещенную сторону,
которую он никому не показывает.

Марк Твен

По существу, оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) представляет собой процесс получения информации о человеке. В юридической литературе, посвященной оперативно-розыскной проблематике, как правило, высказывается мнение, что в ходе ОРД осуществляется сбор информации не только о гражданах, а также о фактах, событиях, предметах. Но в конечном счете о лицах, к ним причастных! Так или иначе, но оперативные подразделения собирают информацию об индивиде. Какую тактическую схему раскрытия преступления ни возьми («от преступления — к лицу» или «от лица — к преступлению»), оперативные сотрудники осуществляют сбор, накопление, систематизацию и последующее использование информации о лицах, совершающих преступления либо обладающих сведениями об их совершении.

В свою очередь, каждый индивид имеет интимную сферу, которая в юриспруденции называется частной жизнью. Неприкосновенность частной жизни человека закреплена в ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации, однако само понятие «частная жизнь» не имеет четких нормативных границ и потому весьма неопределенно по содержанию. Так, авторы первых комментариев Конституции РФ в содержание частной жизни включали личные, интимные, семейные, бытовые и другие отношения человека с окружающим миром¹. В последующем указывалось, что частная жизнь — это те стороны личной жизни человека, которые он в силу своей свободы не желает делать достоянием других². Ученые-цивилисты в 2005 г. полагали, что тайну частной (личной) жизни составляют сведения об определенном человеке, не связанные с его профессиональной или общественной деятельностью и дающие оценку его характеру, облику, здоровью, материальному состоянию, семейному положению, отдельным фактам биографии, а также его отношениям

с родственниками, знакомыми и т. п., соответственно, неприкосновенность частной жизни включает в себя неприкосновенность личной свободы, жилища, документов, телефонных переговоров, телеграфных сообщений личного характера³. В настоящее время их коллеги отмечают: «Если раньше под частной сферой понималась в основном сфера личной жизни граждан, то теперь под частными понимаются все дела и отношения, в которых государство не участвует в качестве стороны (!)»⁴.

Таким образом, частная жизнь — сложное и многогранное социальное явление. Фактически оно включает в себя все факты и сведения, которые человек хотел бы сохранить в тайне от окружающих либо которые он доверяет узкому, ограниченному кругу лиц. Например, гражданин приглашает кого-то в свое жилище или общается с кем-то по телефону, но при этом не желает, чтобы его жилище посетили или телефонные разговоры прослушали иные лица. Именно поэтому, на наш взгляд, его права на неприкосновенность жилища и тайну телефонных переговоров защищены и их ограничение допускается только на основании судебного решения и в строго установленных федеральными законами случаях.

Вместе с тем очевидно, что Конституция Российской Федерации, а затем и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) предусмотрели лишь отдельные элементы частной жизни как объекты правовой охраны. Более того, если вдуматься в смысл этих норм, то можно прийти к выводу, что защищаются не сведения о частной жизни, а места хранения и способы их передачи. Вспомните, сколько копий было сломано по поводу понятия «жилище»!⁵ Является ли жилищем купе в поезде, каюта на корабле, палатка в лесу, незарегистрированное строение и т. д.? Очевидно, что во всех этих местах могут храниться документы, записи, электронные накопители и другие предметы, которые

содержат сведения о частной жизни⁶. В том числе такие сведения могут содержаться в личных вещах человека: папке, портмоне, портфеле, рюкзаке, гаджете, телефоне! Речь не идет уже об автомобиле, лодке или другом транспортном средстве. Именно поэтому и возникали научные дискуссии между правозащитниками и правоприменителями относительно необходимости получения судебного решения о проведении оперативно-розыскного мероприятия «обследование» в этих местах и в различных правовых ситуациях.

Подобное положение дел складывается и в случае обмена личной информацией между людьми. Для передачи частных, интимных сведений вербальным способом необязательно использовать телефон. Иногда люди, не доверяя телефонной связи, встречаются для личного разговора в каком-нибудь уединенном месте: в служебном кабинете, в парке, в ресторане и пр. И, как ни странно, для прослушивания этих переговоров судебного решения не требуется!

Изложенное позволяет сделать вывод, что частная жизнь граждан защищена фрагментарно. Целостная система норм, обеспечивающих неприкосновенность частной жизни граждан, отсутствует.

Более того, в условиях динамичного развития информационно-технических устройств и технологий защищенная частная жизнь вообще превращается в некую утопическую социальную модель, в иллюзию, недостижимую цель. Так, в настоящее время граждане активно используют различные стационарные и мобильные электронные устройства-коммуникаторы (персональные компьютеры, телефоны, планшеты, ноутбуки и т. д.) для фиксации себя и своих действий в определенных местах, для обмена текстовыми, фото- и видеоматериалами в социальных сетях и между отдельными абонентами. Помимо того, события, происходящие на городских улицах, дорогах, дворах и в подъездах домов, фиксируются видеокамерами аппаратно-программных комплексов «Безопасный город» и «Поток», а также различных негосударственных организаций, учреждений и частных лиц. Большое количество автомобилей оборудовано видеорегистраторами, записи с которых регулярно попадают в интернет и средства массовой информации. Таким образом, огромный объем информации о гражданах оказывается в открытом доступе в сетевом интернет-пространстве.

Принимая во внимание указанные обстоятельства, заинтересованный субъект, обладающий необходимыми полномочиями и техническими возможностями, способен вполне легально собрать о человеке большой объем информации (где находился в определенное время, когда и с кем встречался, о чем говорил, что покупал и т. д.), при этом не контактируя ни с ним, ни с его окружением. Недостаточный объем информации добывается посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий. Соответственно, оперативные подразделения, помимо сведений о преступной деятельности лица, попутно собирают и накапливают информацию о его частной жизни, а также о частной жизни его родных, близких

и других граждан из его окружения. На этом этапе возникает вопрос об использовании собранной информации. И если относительно криминальных сведений проблем нет, то процесс использования информации о частной жизни граждан не урегулирован вообще. В частности, допустимо ли осуществлять оперативно-розыскное документирование информации о частной жизни? Если да, то каким образом, где и как долго ее хранить? Примечательно, что в оперативно-розыскной практике встречаются случаи использования информации о частной жизни граждан в целях решения задач ОРД. Например, вербовка с применением компрометирующих материалов (сведений о человеке, обнародование которых может вызвать негативную оценку окружающих).

Выводы

1. Частная жизнь — понятие широкое, охватывающее практически все сведения, которые индивид желает сохранить в тайне от окружающих.

2. Государство вторгается в частную жизнь граждан в целях обеспечения собственной безопасности и только в установленном законом порядке.

3. Органы, осуществляющие ОРД, собирают, систематизируют и используют сведения о частной жизни граждан.

Следовательно, «частная жизнь» как сакральный объект государственной защиты не что иное, как иллюзия, которая создается нормативными требованиями Конституции РФ и Закона об ОРД. В частности, наличием юридической процедуры получения судебного решения для: а) проникновения в жилище; б) прослушивания телефонных переговоров; в) ограничения тайны переписки, почтовых и телеграфных сообщений. Всё! Остальные элементы частной жизни гражданина остаются вне поля судебного санкционирования, а по сути незащищенными.

В связи с этим возникает обоснованный, на наш взгляд, вопрос. Если в рамках ОРД мы проверяем лицо на причастность к совершению преступления и собираем о нем информацию, то почему бы не получать судебное решение об ограничении права гражданина на неприкосновенность частной жизни? Данный судебный акт может представлять собой разрешение на проведение негласного расследования (оперативной разработки) предполагаемой преступной деятельности лица (группы лиц), в процессе которого допускается проведение ОРМ, ограничивающих различные права, неприкосновенность которых гарантирована Конституцией Российской Федерации и которые в своей совокупности фактически составляют частную жизнь человека.

Данная точка зрения может быть подвергнута критике как со стороны ученых-приверженцев сложившихся конституционно-правовых догм и традиционных юридических механизмов, так и со стороны правозащитников. Основным аргументом их позиции, вероятнее всего, будет предполагаемое тотальное и неконтролируемое нарушение прав граждан.

Встречная аргументация:

1. В настоящее время в условиях действующего законодательства права и свободы человека ограничива-

ются в не меньшем объеме и не менее неконтролируемо. Так, срок действия вынесенного судьей постановления о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, не может превышать шести месяцев (ст. 9 Закона об ОРД). Соответственно, в этот период **оперативные подразделения могут провести несколько ОРМ на основании одного и того же постановления.** В случаях, которые не терпят отлагательства, допускается проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, на основании мотивированного постановления руководителя органа, осуществляющего ОРД (ст. 8 Закона об ОРД). При этом обязательными условиями являются уведомление суда в течение 24 часов и получение судебного решения в течение 48 часов о проведении данного мероприятия либо прекращение его проведения. Таким образом, **оперативные подразделения могут провести любое ОРМ, собрать необходимую информацию, а затем прекратить его, не получая при этом судебного решения.** Более того, охраняемые законом сведения, составляющие банковскую, врачебную, нотариальную и другие виды тайн⁷, могут быть получены оперативными подразделениями с использованием возможностей конфиденентов⁸ без всякого на то судебного разрешения.

2. Действующее законодательством обязывает орган, осуществляющий ОРД, каждый раз обращаться в суд за разрешением на проведение ОРМ, ограничивающего то или иное право человека. Создается впечатление, что гарантированные Конституцией РФ права надежно защищены, однако это не так. **В подавляющем большинстве случаев суд дает положительное решение и при этом даже не знакомится с материалами дел оперативного учета.** Пожалуй, единственным препятствием является необходимость каждый раз готовить соответствующий пакет документов, на составление которых затрачивается определенное количество времени.

3. Предлагаемая нами юридическая процедура ограничения права гражданина на неприкосновенность частной жизни не исключает судебного контроля, прокурорского надзора и ведомственного контроля.

Во-первых, суд принимает решение в том же порядке, с тем лишь исключением, что им констатируется факт причастности лица к преступной деятельности и разрешается собирать все сведения о нем всеми допустимыми оперативно-розыскными средствами и методами.

Во-вторых, оперативное подразделение проводит ОРМ и иные оперативно-розыскные действия при наличии соответствующих оснований и условий. Например, если имеется соответствующим образом оформленная информация о том, что в жилище хранятся оружие или

наркотики, т. е. фактические основания для проведения оперативно-розыскного обследования данного помещения. Формальным основанием при этом будет постановление руководителя оперативного подразделения, а условиями проведения обследования — нормативно установленная процедура, включающая составление протокола. Если такой информации нет или отсутствует разрешение руководителя, то и проводить данное ОРМ нет оснований! Надлежащая организация ведомственного контроля и соблюдение регистрационной дисциплины оперативно-служебных документов должны исключить предполагаемый произвол оперативных сотрудников.

В-третьих, прокурорский надзор за принятием судебного решения об ограничении права на неприкосновенность частной жизни, а также обоснованностью проведения отдельных ОРМ позволит своевременно выявить и устранить незаконные действия должностных лиц оперативных подразделений.

¹ Конституция Российской Федерации : комментарий / под ред. Б. Н. Топорнина, Ю. М. Батурина, Р. Г. Орехова. М., 1994. С. 149–150.

² Бархатова Е. Ю. Комментарий к Конституции Российской Федерации : постатейный. М., 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Гражданское право : учебник / Н. Н. Агафонова, С. В. Артеменков, В. В. Безбах и др. М., 2005. Ч. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Гражданское право : учебник : в 2 т. 3-е изд., перераб. и доп. / под ред. Б. М. Гонгало. М., 2018. Т. 1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ См., напр.: Железняк Н. С. Законодательное регулирование обследования жилища // Полицейское право. 2005. № 3. С. 98–100 ; Гришин А. В. К вопросу о реализации гражданами конституционного права на неприкосновенность жилища // Наука и практика. 2014. № 1. С. 198–201 ; Новопавловская Е. Е. Неприкосновенность жилища: доктринальные основы и правоприменительная практика // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2017. № 3. С. 24–28 ; и др.

⁶ Как справедливо отмечает Ч. М. Исмаилов, сужение либо ограничение содержания понятия «жилище» может привести к нарушению конституционных прав граждан (Исмаилов Ч. М. Проблемы обеспечения судебного контроля при ограничении прав на неприкосновенность жилища: технология распознавания и преодоления (применительно к розыску безвестно исчезнувших лиц) // Рос. следователь. 2017. № 2. С. 45).

⁷ Пермяков М. В. Категория «тайна» в системе правового регулирования : монография. Екатеринбург, 2008. 156 с.

⁸ Шахматов А. В. Агентурная работа в оперативно-розыскной деятельности : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова, А. В. Федорова. СПб., 2005. 218 с.

О реализации права на пенсионное обеспечение граждан, сотрудничающих с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность

Горовой Святослав Александрович, магистрант Юридического института Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Давыдов Сергей Иванович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного процесса и криминалистики Юридического института Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Деминова Виктория Юрьевна, магистрант Юридического института Алтайского государственного университета (г. Барнаул)

Подвергается анализу проблема пенсионного обеспечения лиц, содействующих по контракту органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в качестве основного рода занятия. Уделяется внимание правовой природе отношений между конфиденнтом и органом, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. С учетом негласного характера сотрудничества граждан предлагается к обсуждению решение проблемы, связанное с определением и включением периода такого сотрудничества в страховой стаж и, соответственно, назначением страховой пенсии по старости.

Ключевые слова: конфиденнт; конфиденциальное содействие; органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность; пенсионное обеспечение; страховая пенсия по старости.

Неочевидный характер совершения значительной части преступлений требует принятия со стороны правоохранительных органов адекватных мер по их выявлению и раскрытию, основанных на активной разведывательно-поисковой работе в криминальной среде, в том числе на негласной основе. Для ее осуществления в Российской Федерации имеется достаточная правовая база. Так, действующее законодательство предоставляет органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), право устанавливать на безвозмездной либо возмездной основе отношения сотрудничества с лицами, изъявившими согласие оказывать им содействие на конфиденциальной основе. Другими словами, привлекать граждан к негласному сотрудничеству (п. 2 ч. 1 ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)¹; п. 34 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции»²; п. «а» ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности»³; п. 1 ч. 1 ст. 6 Федерального закона «О внешней разведке»⁴ и др.). Организация работы с конфиденнтами регламентируется ведомственными нормативными актами.

Важным условием эффективной работы оперативно-розыскных органов с негласными сотрудниками является их социальная и правовая защита, гарантированная государством. Социальная защита представляет собой реализацию предусмотренных нормативными правовыми актами мер в целях обеспечения прав и законных интересов указанных лиц. Право на их пенсионное обеспечение впервые в Российской Федерации было закреплено в 1995 г. с принятием Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД). В частности, часть 6 ст. 18 закона

гласила: «Период сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность в качестве основного рода занятий, включается в трудовой стаж граждан. Указанные лица имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации». Однако в связи с отсутствием механизма реализации этой нормы вопросы оформления пенсий лицам, сотрудничающим с оперативно-розыскными органами, решались крайне сложно. Еще более ситуация усугубилась в связи с принятием в 2001 г. Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации»⁵ и в 2013 г. Федерального закона «О страховых пенсиях»⁶.

Отметим, что через два года законодатель скорректировал нормы Закона об ОРД, согласовав их с новеллами пенсионного законодательства. Так, в 2015 г. Федеральным законом «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пенсионного обеспечения некоторых категорий граждан» ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД была изложена в следующей редакции: «Граждане, сотрудничающие по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, в качестве основного рода занятий, имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации. Период такого сотрудничества засчитывается в страховой стаж указанных граждан на основании сведений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Порядок передачи таких сведений определяется руководителем соответствующего государственного органа, в состав которого входят оперативные подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность»⁷.

Этим же законом часть 1 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях» дополнена пунктом 9, в котором предусматривается учитывать период сотрудничества граждан по контракту (в качестве основного рода занятий) с органами, осуществляющими ОРД, для установления страховой пенсии по старости.

Обобщенных сведений о состоянии пенсионного обеспечения конфиденентов по понятным причинам в открытой печати нет. Обратимся к публикации А. И. Тамбовцева, где приводятся результаты опроса 647 действующих сотрудников оперативных подразделений, проводившегося в период с 2010 г. по 2013 г. На связи у респондентов состояло от 3 до 15 лиц, сотрудничающих по контракту в качестве основного рода занятий. В то же время оформление пенсий конфидентам в соответствии с ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД производилось всего лишь в двух случаях⁸.

Справедливо отметить, что сегодня приняты правовые и организационные положения, способствующие на практике решению вопросов оформления пенсий гражданам, сотрудничающим по контракту с оперативно-розыскными органами. Однако ситуация такова, что требуется разработка четкого механизма реализации закона. В ином случае провозглашенное законодателем право конфиденентов на пенсионное обеспечение не гарантируется.

Показательным в этом смысле является пример гражданина К., который вынужден был в судебных инстанциях отстаивать свое право на пенсионное обеспечение, закрепленное в Законе об ОРД. Как свидетельствуют судебные документы, с 1 сентября 1994 г. по 31 марта 2014 г. он оказывал содействие органам, осуществляющим ОРД, на основании заключенных с ним контрактов. Руководствуясь ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД, гр. К. обратился в пенсионный орган по вопросу включения указанного периода в его трудовой стаж, в чем ему было отказано со ссылкой на отсутствие в трудовой книжке соответствующей записи. В дальнейшем гр. К. написал заявление на имя начальника УМВД России по г. Ульяновску о просьбе внести в трудовую книжку запись о периоде его работы, в чем ему также было отказано. Посчитав отказ незаконным, гр. К. подал в суд иск к УМВД России по г. Ульяновску о возложении обязанности внести в его трудовую книжку запись о периоде работы по контракту (в качестве основного рода занятий). Представитель ответчика искимые требования не признал, ссылаясь на то, что между УМВД России по г. Ульяновску и гр. К. не возникло трудовых отношений, вследствие чего оснований для внесения соответствующей записи в трудовую книжку истца не имелось.

Действительно ли деятельность лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД, на конфиденциальной основе по контракту в качестве основного рода занятий, не имеет ничего общего с трудовыми отношениями? В свою очередь, контракт, на основании которого указанные лица трудятся, имеет иную правовую природу? Данные вопросы до сих пор являются предметом дискуссий правоведов, теоретиков и практиков⁹. Надо признать, публикаций в открытой печати по исследуемой проблеме, к сожалению, очень мало.

В соответствии со ст. 15 Трудового кодекса РФ трудовые отношения — это отношения, основанные на соглашении между работником и работодателем о личном выполнении работником за плату трудовой функции (работы по должности в соответствии со штатным расписанием, профессии, специальности с указанием квалификации; конкретного вида поручаемой работнику работы) в интересах, под управлением и контролем работодателя, подчинении работника правилам внутреннего трудового распорядка при обеспечении работодателем условий труда, предусмотренных трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями, локальными нормативными актами, трудовым договором.

Камнем преткновения становится применение здесь термина «трудовая функция» в отношении лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД. Содержание трудовой функции раскрывается в той же статье. Это работа по должности в соответствии со штатным расписанием, профессия, специальность с указанием квалификации; конкретный вид поручаемой работнику работы. Однако лица, на конфиденциальной основе содействующие ОРД, не работают по должности в соответствии со штатным расписанием; они работают вне штата. Их нельзя включить в штат в силу специфики оперативно-розыскной деятельности, носящей в основном негласный характер. Все вытекающие из данного факта действия также невозможны, в частности включение в бухгалтерские документы. Раскрытие сведений о лицах, конфиденциально содействующих органам, осуществляющим ОРД, которое неизбежно произойдет, если таких граждан включить в штат оперативного подразделения, сделает невозможным осуществление целей и задач ОРД. Более того, сведения о лицах, конфиденциально содействующих оперативным аппаратам в борьбе с преступностью, отнесены законодательством к сведениям, составляющим государственную тайну, и не могут фигурировать в открытом доступе (п. 4 ст. 5 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»¹⁰).

Кроме того, применительно к лицам, сотрудничающим на конфиденциальной основе, орган, осуществляющий ОРД, не является работодателем, поскольку не создает рабочих мест и не обеспечивает постоянной занятости конфиденентов, а привлекает последних к сотрудничеству в связи с их разведывательными возможностями.

Статья 56 Трудового кодекса РФ раскрывает понятие трудового договора, а ст. 57 — его содержание. Контракт лиц, содействующих ОРД, имеет некоторое сходство с трудовым договором. Он также структурирован и включает ряд обязательных положений: данные договаривающихся сторон; срок, на который контракт заключается; права и обязанности сторон; условия расчетов и иных компенсаций; ответственность сторон за несоблюдение условий договора; иные условия.

Как и в трудовые отношения, в сотрудничество с оперативными подразделениями граждане вступают добровольно. Кроме того, сходный признак — это дли-

тельность, устойчивость отношений между гражданином и органом, осуществляющим ОРД. Гражданин, оказывающий содействие на контрактной основе, также должен отвечать ряду специальных требований, которые определяются ведомственными нормативными актами. К работнику по трудовому договору аналогично предъявляются требования относительно деловых качеств. Сотрудничество с органами, осуществляющими ОРД, и работа по трудовому договору — это всегда личное выполнение функции без возможности поручения.

Контракт, как и трудовой договор, — максимально индивидуализированное соглашение о сотрудничестве органа, осуществляющего ОРД, с отдельным лицом, привлекаемым к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий. Содержание сведений, излагаемых в контракте, носит индивидуальный характер и зависит от личных и деловых качеств конфиденнта, вида выполняемых им заданий, а также реальных возможностей в решении задач ОРД.

Следовательно, органы, осуществляющие ОРД, вступают с отдельными гражданами в специфические отношения, во многом имеющие признаки трудовых, но не являющиеся таковыми в чистом виде. Деятельность по содействию органам, осуществляющим ОРД, может рассматриваться в качестве составной части общественно полезной деятельности, определяемой законодательством как занятость (ведь занятость может быть реализована без вступления в трудовые отношения). Кроме того, нормы о страховом стаже и пенсионном обеспечении ставятся в зависимость от того, выступает сотрудничество основным родом занятия или нет, что также базируется на условиях, вытекающих из занятости.

Неопределенность относительно правовой природы отношений между органами, осуществляющими ОРД, и лицами, им содействующими, порождает на практике трудности в реализации права последних на социальное обеспечение.

Продолжая анализировать пример с гр. К., отметим, что его дело стало впоследствии предметом апелляционного рассмотрения в Верховном Суде РФ. Суд указал, что конфиденциальное сотрудничество по контракту с органом, осуществляющим ОРД, не основывается на нормах трудового законодательства. Ответчик работодателем К. не являлся, поскольку истец не состоял в штате у ответчика, в связи с чем ответчик не производил за него уплату страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации. Следовательно, оснований для внесения в трудовую книжку истца записи о периоде его сотрудничества на контрактной основе с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, не имеется.

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ отметила в мотивировочной части решения, что отношения, возникающие между органом, осуществляющим ОРД, и лицом, ему содействующим, регулируются Законом об ОРД; такой контракт не идентичен ни контракту о прохождении службы в органах внутренних дел, ни трудовому договору. При этом орган, осуществляющий ОРД, не выступает в рамках спорных

правоотношений в качестве работодателя (представителя нанимателя), не обеспечивает постоянную занятость такого гражданина и его зачисление в штат, а возможность включения периода сотрудничества граждан по контракту с органами, осуществляющими ОРД, в трудовой стаж предусмотрена лишь в отношении ограниченного круга лиц, для которых такое сотрудничество выступает в качестве основного рода занятий¹¹.

Последний тезис Судебной коллегии Верховного Суда РФ заставляет задуматься, что если период, указанный гр. К., — с 1 сентября 1994 г. по 31 марта 2014 г. — не был признан соответствующим для основного рода занятия лица, содействующего органу, осуществляющему ОРД, то какой же период будет признан соответствующим?

После того как Верховный Суд не поддержал доводы гр. К., последний обратился в Конституционный Суд РФ. По мнению К., законоположение в той части, в какой оно не позволяет включать в страховой стаж, учитываемый при определении права на трудовую пенсию и влияющий на ее размер, периоды сотрудничества гражданина по контракту с органами, осуществляющими ОРД, в качестве основного рода занятий, неправомерно ограничивает пенсионные права таких граждан, а потому противоречит ст. 1 (ч. 1), 7, 17–19 (чч. 1 и 2), 37 (ч. 1), 39 (чч. 1 и 2), 45 и 55 (ч. 3) Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд РФ ответил гр. К., что право на страховую (до 1 января 2015 г. — трудовую) пенсию имеют граждане Российской Федерации, застрахованные в соответствии с Федеральным законом «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации», при соблюдении ими условий, предусмотренных законодательством. В качестве одного из таких условий законодатель установил наличие у гражданина страхового стажа, определяемого как суммарная продолжительность периодов работы и (или) иной деятельности, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.

По существу анализируемой проблемы было замечено, что положение ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД носит отсылочный характер, и до 1 января 2002 г. оно в полной мере согласовывалось с действовавшим до указанной даты пенсионным законодательством. После вступления в силу (с 1 января 2002 г.) федеральных законов «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» и «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» общий трудовой стаж стал использоваться в механизме обязательного пенсионного страхования только для определения расчетного размера трудовой пенсии при оценке пенсионных прав граждан, приобретенных ими по состоянию на 1 января 2002 г. При этом приобретение права на трудовую пенсию по старости, назначаемую на общих условиях, законодатель связал с наличием статуса застрахованного лица, достижением общеустановленного пенсионного возраста и наличием не общего трудового, а страхового стажа не менее 5 лет.

Что касается страхового стажа, необходимого для приобретения права на обязательное страховое обеспечение в виде трудовой пенсии по старости в рамках

обязательного пенсионного страхования, то положения Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации»¹² и Закона об ОРД (в редакции, действовавшей до вступления в силу Федерального закона от 29 июня 2015 г. № 173-ФЗ) не регламентировали зачета периода сотрудничества граждан по контракту в указанный вид стажа. Однако такие граждане не были лишены права на пенсионное обеспечение в рамках обязательного пенсионного страхования, поскольку законодатель предусмотрел механизм добровольного вступления в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в соответствии со ст. 29 Федерального закона «Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации» в редакции от 1 января 2002 г. Затем в 2008 г. данная статья была дополнена положением о том, что физические лица, постоянно или временно проживающие на территории Российской Федерации, на которых не распространяется обязательное пенсионное страхование, вправе добровольно вступить в правоотношения по обязательному пенсионному страхованию в целях уплаты за себя страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации.

Конституционным Судом РФ было разъяснено, что по действующему законодательству имеется возможность зачета периода сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД, на основании сведений указанных органов в страховой стаж граждан в том случае, если ему предшествовали и (или) за ними следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности), за которые уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации (ч. 6 ст. 18 Закона об ОРД; п. 9 ч. 1 и ч. 2 ст. 12 Федерального закона «О страховых пенсиях»). Тем самым действующее правовое регулирование содержит возможность включения в страховой стаж застрахованных лиц периода их сотрудничества по контракту с органами, осуществляющими ОРД, в качестве основного рода занятий, нестрахового периода, т. е. независимо от начисления и уплаты за него страховых взносов в Пенсионный фонд Российской Федерации¹³.

Учитывая неопределенность складывающихся отношений между органом, осуществляющим ОРД, и лицом, ему содействующим на конфиденциальной основе по контракту, имеется острая необходимость в их правовом уточнении. По-видимому, разъяснения Конституционного Суда РФ недостаточны, поскольку оно представляет собой источник разъяснения права, а не самого права.

О том, что в указанном направлении ведется работа, свидетельствует и издание специальных ведомственных приказов, в частности приказа ФСБ России от 20 сентября 2016 г. № 583 «Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами федеральной службы безопасности в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж»¹⁴. Кроме того, 4 мая 2018 г. в Министерстве юстиции РФ зарегистрирован приказ МВД России от 16 января 2018 г. № 19 «Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан

с органами внутренних дел РФ в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж». Данные приказы регламентируют процедуру передачи сведений о конфиденциальном сотрудничестве с учетом того, что они должны передаваться секретно («в двойном конверте с соответствующим грифом ограничения допуска к документу»), поскольку оформление страхового стажа и пенсии не должно предавать гласности факт сотрудничества граждан с оперативно-розыскными органами. Вместе с тем вопрос о правовой природе такого контракта и возникающих на его основе отношений так и остается открытым.

Включение периода сотрудничества в качестве основного рода занятия с органом, осуществляющим ОРД, в стаж является первоочередной задачей для лиц, претендующих на социальное пенсионное обеспечение. Действующее законодательство использует понятие «страховой стаж» (Федеральный закон «О страховых пенсиях»), в который входят периоды работы и (или) иной деятельности при условии, что за эти периоды уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации (далее — ПФР). Упомянутые выше ведомственные нормативные акты предусматривают лишь порядок передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с оперативно-розыскными органами, но в них не содержатся положения о самостоятельной уплате страховых взносов. Ситуация, когда деятельности по содействию органам, осуществляющим ОРД, в качестве основного рода занятия предшествовали и (или) за ней следовали периоды работы и (или) иной деятельности (независимо от их продолжительности), за которые уплачивались страховые взносы в ПФР, согласуется с установленными ведомствами правилами передачи сведений для зачета в страховой стаж периода сотрудничества граждан по контракту. Однако ситуация, когда лицо, содействующее органу, осуществляющему ОРД, совсем не имело иных периодов работы или иной деятельности (до или после содействия), за которые уплачивались страховые взносы, не охвачена полностью данными ведомственными актами.

Федеральный закон «Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования»¹⁵ регламентирует процедуру самостоятельной уплаты страховых взносов. Однако она неприменима к конфиденциатам, поскольку не обеспечивает сохранения в тайне факта сотрудничества с органами, осуществляющими ОРД.

Таким образом, вопросы теории и практики реализации права на пенсионное обеспечение как законодательно предусмотренной гарантии лицам, содействующим органам, осуществляющим ОРД, требуют дальнейшей научной проработки. С учетом негласного характера сотрудничества граждан имеются проблемы, связанные с определением и включением периода такого сотрудничества в качестве основного рода занятия в страховой стаж и, соответственно, назначением им страховой пенсии по старости.

Нуждается в осмыслении позиция Конституционного Суда РФ, выраженная в определении от 27 сентября

2016 г. № 1751-О, в соответствии с которой отношения, складывающиеся между органом, осуществляющим ОРД, и лицом, ему содействующим по контракту в качестве основного рода занятия, определяются как специфические, а деятельность, связанная с сотрудничеством, — как имеющая особый характер.

В порядке обсуждения предлагаем изложить ч. 6 ст. 18 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» в следующей редакции:

«Граждане, сотрудничающие по контракту с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, имеют право на пенсионное обеспечение в соответствии с законодательством Российской Федерации при отсутствии у них в период сотрудничества иной работы и (или) деятельности, за которые начислялись и уплачивались страховые взносы в Пенсионный фонд Российской Федерации.»

Период такого сотрудничества засчитывается в страховой стаж указанных граждан на основании сведений органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Порядок передачи таких сведений определяется руководителем соответствующего государственного органа, в состав которого входят оперативные подразделения, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность».

Необходимо также дополнить приказ МВД России от 16 января 2018 г. № 19 «Об утверждении Порядка передачи сведений о периодах сотрудничества по контракту граждан с органами внутренних дел РФ в качестве основного рода занятий для зачета в страховой стаж» положением об обязательном направлении запросов в Пенсионный фонд Российской Федерации для проверки фактов возможных начислений и уплаты страховых взносов с других мест работы гражданина в период его сотрудничества по контракту с оперативными подразделениями органов внутренних дел.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

² О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Там же. 2011. № 7, ст. 900.

³ О федеральной службе безопасности : федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ // Там же. 1995. № 15, ст. 1269.

⁴ О внешней разведке : федеральный закон от 10 января 1996 г. № 5-ФЗ // Там же. 1996. № 3, ст. 143.

⁵ Об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации : федеральный закон от 15 декабря 2001 г. № 167-ФЗ // Там же. 2001. № 51, ст. 4832.

⁶ О страховых пенсиях : федеральный закон от 28 декабря 2013 г. № 400-ФЗ // Там же. 2013. № 52, ч. 1, ст. 6965.

⁷ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части пенсионного обеспечения некоторых категорий граждан : федеральный закон от 29 июня 2015 г. № 173-ФЗ // Там же. 2015. № 27, ст. 3964.

⁸ Тамбовцев А. И. Анализ законодательных запретов на конфиденциальное содействие граждан по контракту органам, осуществляющим ОРД // Вестник Омской юридической академии. 2013. № 1(20). С. 91–100.

⁹ Андреева С. Когда нельзя сказать «контракт» // Кадровое дело. 2005. № 2. С. 24 ; Демин А. Контракты в сфере оперативно-розыскной деятельности // Рос. юстиция. 1997. № 6. С. 10–11 ; Давыдов С. И. О проблеме законодательного регулирования содействия граждан органам внутренних дел // Полицейское право. 2007. № 2. С. 144–145 ; Луговик С. В. Особенности правового регулирования труда лиц, конфиденциально сотрудничающих с органами внутренних дел // Рос. следователь. 2007. № 17. С. 30–32.

¹⁰ О государственной тайне : закон Российской Федерации от 21 июля 1993 г. № 5485-1 (ред. от 29.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹¹ Апелляционное определение СК РФ по гражданским делам Верховного Суда РФ от 10 ноября 2014 г. № 80-АПГ14-8. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹² О трудовых пенсиях в Российской Федерации : федеральный закон от 17 декабря 2001 г. № 173-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹³ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кочедыкова Эдуарда Петровича на нарушение его конституционных прав пунктом 1 статьи 10 Федерального закона «О трудовых пенсиях в Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 27 сентября 2016 г. № 1751-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁵ Об индивидуальном (персонифицированном) учете в системе обязательного пенсионного страхования : федеральный закон от 1 апреля 1996 г. № 27-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 14, ст. 1401.

Розыск в сети Интернет

Буряков Евгений Владимирович, кандидат юридических наук, профессор, профессор кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Рассматриваются возможности проведения оперативно-розыскных мероприятий в сети Интернет через специальные поисковые системы в целях розыска скрывшихся преступников, без вести пропавших лиц и других категорий разыскиваемых граждан.

Ключевые слова: сеть Интернет; оперативно-розыскные мероприятия; разыскиваемые лица; розыск.

Проблемы улучшения розыскной работы изучаются на протяжении многих лет. Постепенно совершенствуются организация и тактика деятельности подразделений уголовного розыска по розыску людей. При этом изменения правового регулирования данного направления деятельности явно не соответствуют темпам и тенденциям развития современного общества. Уже четверть века не обновляется Инструкция об организации и тактике розыскной работы органов внутренних дел, а проект новой Инструкции увяз в межведомственных согласованиях. За этот же период жизнь людей преобразилась в связи с появлением технических устройств, повлиявших на уровень общения и доступа к самой различной информации, касающейся исторических событий, новостей, научных знаний, жизнедеятельности людей и т. д. Современные средства связи позволяют без написания писем, телеграмм, заказов (с многочасовыми ожиданиями) на междугородние телефонные переговоры комфортно общаться и получать самые разнообразные сведения из организаций и учреждений.

В повседневную действительность все активнее вмешивается технический прогресс: персональные и сетевые компьютеры, серверы, ноутбуки, сотовые телефоны, смартфоны, планшеты, банкоматы, встроенные и внешние накопители на жестких магнитных дисках, флэш-карты, оптические диски, CD- и DVD-диски, SIM-карты, стационарные и мобильные измерительные устройства, системы геопозиционирования, видеонаблюдения и видеофиксации, радиочастотные идентификаторы, GPS-трекеры и другие «умные» вещи, позволяющие хранить большие массивы информации, мгновенно обмениваться и передавать ее на значительные расстояния.

Кроме того, люди, общаясь через интернет, с помощью сайтов, персональных страниц в социальных сетях, закрытых сетевых форумов и чатов, электронной почты, средств обмена сообщениями, мессенджеров, приложений VoIP (интернет-телефонии — Skype, ICQ, Viber, WhatsApp, Telegram и др.), тем самым оставляют в виртуальном пространстве информацию о себе. Технический прогресс вошел в жизнь многих людей, и лица, совершающие преступления и скрывающиеся от правосудия, не являются исключением, пользуясь средствами связи. При этом уровень современных знаний позволяет уже сейчас выявлять оперативно значимые сведения на сетевых криминогенных объектах благодаря организации их оперативного обслуживания, и, по мнению

А. Л. Осипенко, особое место в этом ряду занимает поиск в информационных ресурсах¹. Имеются возможности осуществлять поиск людей по фотоизображению, адресу электронной почты, номеру мобильного телефона, обнаруживать скрытых друзей в «ВКонтакте», а также «Яндексе», «Одноклассниках», «Google» и др. «Интернет доступен не только через компьютерные сети, но и через спутники связи, радиосигнал, кабельное телевидение, телефон, сотовую связь, специальные оптоволоконные линии и электропровода»².

Что касается использования электронных средств и компьютерной техники в розыскной деятельности, то, как полагает А. С. Игуменов, «основные направления их применения сводятся в большинстве исследованных территориальных розыскных подразделений (86,2%) к однообразным наборам текстовых файлов по организации (составление планов, постановлений, заданий, ориентировок и т. п.) и фиксации результатов розыскных действий, а также к оптимизации различных служебных функций (подготовка справок, отчетов и т. п.)»³. Наше исследование показало, что это далеко не так. Интервьюирование сотрудников розыскных подразделений обнаружило, что первичная проверка поступивших материалов о розыске начинается со сбора сведений о разыскиваемом лице в сети Интернет. Речь идет об использовании компьютерной техники, как правило, при проведении гласных оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), не требующих судебного решения, таких как «опрос», «наведение справок», «сбор образцов для сравнительного исследования», «отождествление личности», «обследование помещений, зданий, сооружений и участков местности». Так, по мнению сотрудников розыскных подразделений, в течение первого месяца розыска скрывшихся преступников наиболее эффективны следующие оперативно-розыскные мероприятия: опрос — 81,9%; наведение справок — 59,0; сбор образцов для сравнительного исследования — 15,7; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств — 13,2; отождествление личности — 8,3; исследование предметов и документов — 6,3%. При проведении негласных ОРМ результаты выглядят следующим образом: снятие информации с технических каналов связи — 45,8% и получение компьютерной информации — 13,2%. В случае длительного розыска скрывшихся преступников к эффективным гласным ОРМ респонденты отнесли: наведение справок — 30,5%; опрос — 28,9; сбор образцов

для сравнительного исследования — 12,7; обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств — 8,6; отождествление личности — 7,1; исследование предметов и документов — 4,7%; а к негласным: снятие информации с технических каналов связи — 65,1% и получение компьютерной информации — 22,9%⁴. Анализируя приведенные данные, следует отметить, что на первоначальном этапе розыска скрывшихся преступников при проведении оперативно-розыскных мероприятий в глобальных компьютерных сетях роль гласных ОРМ превалирует над негласными, а на последующем этапе происходит снижение количества гласных мероприятий и увеличение негласных. По розыску других категорий разыскиваемых лиц проявляется та же самая тенденция.

В последние годы среди населения широкое распространение получили смартфоны (англ. Smartphone — умный телефон) — мобильные телефоны, дополненные функциональностью карманного персонального компьютера, а также коммуникаторы (англ. communicator, PDA phone) — карманные персональные компьютеры, дополненные функциональностью мобильного телефона⁵. В настоящее время не существует какого-либо особого разграничения между смартфонами и коммуникаторами, так как возможности данных устройств примерно одинаковы. Они используются многими людьми в обыденной жизни, с успехом могут применяться и сотрудниками правоохранительных органов в розыскной деятельности. Произвести фотографирование, аудио- или видеозапись оперативные сотрудники, следователи и эксперты могут с помощью смартфона, «важными конструктивными компонентами которого являются фото-видеокамера, считывающая даже QR-код, и диктофон, функции которых расширяются благодаря использованию различных мобильных приложений»⁶. Полученная информация может передаваться заинтересованным сотрудникам и использоваться для поиска разыскиваемых лиц (ориентирования).

В ситуации, когда обнаруживается телефон разыскиваемого лица, существует возможность установить ряд сведений о нем. По мнению О. П. Грибунова, без применения специальных технических средств при осмотре телефона (смартфона) можно овладеть информацией, позволяющей установить личность по множеству прямых и косвенных идентификаторов, к которым относятся: данные об абоненте, следы рук, увлечения и хобби, география и места наиболее частого пребывания, маршруты передвижения, состояние физического и психического здоровья, признаки девиантного поведения, IP-адреса используемых компьютеров и места их нахождения, информация о наиболее частых социальных связях, личной жизни, социальных сетях, образовательном уровне и интеллектуальных способностях лица, имуществе и доходах, банковских счетах и кредитных обязательствах⁷, которые в дальнейшем могут быть использованы в розыскных целях. При анализе материалов, характеризующих современные средства связи: сотовые телефоны, смартфоны, планшеты и т. п., обращает на себя внимание тот факт, что

при их осмотре можно выявить некоторые данные для установления абонентской активности лица. В. Ф. Васюков и Д. Ф. Флоря полагают, что к ним относятся:

- список контактов;
- информация, сохраненная в мессенджерах-приложениях, установленных в средствах сотовой связи (Skype, ICQ, Viber, WhatsApp и др.);
- сведения о геопозиционировании;
- данные об аутентификации (процедуры проверки подлинности) в сети⁸.

Первые две позиции позволяют установить не только контакты абонента, но и длительность и периодичность общения, а третья и четвертая — определить местоположение и маршруты передвижения (геопозиция автоматически фиксируется в электронном устройстве через установленные фирмой-изготовителем навигационные серверы, кроме того, современные смартфоны способны подключаться не только к стандартным базовым станциям, но и к локальным беспроводным сетям передачи данных через микросоты, фемтосоты, сети Wi-Fi).

Сбор сведений, или оперативный поиск, в интернете («интернет-разведка») представляет собой метод сбора, обработки и использования компьютерной информации из открытых источников для проведения различных видов расследований в отношении физических и юридических лиц и осуществляется с помощью четырех основных элементов:

- 1) наличия поисковых машин (систем) Yandex, Rambler, Google и др.;
- 2) использования гиперссылок, по которым поисковые системы находят WEB-страницы;
- 3) умения составлять поисковые запросы (при неправильной формулировке нужная вам страница может оказаться на пятидесятом месте, а при удачной фразе — на первом);
- 4) использования базы данных, в которых хранится компьютерная информация⁹.

Для получения и анализа оперативно значимых сведений, вычленения их из всего объема доступных данных сотрудникам оперативных подразделений органов внутренних дел, как полагают А. Л. Осипенко и А. Н. Лахин, необходимо использовать постоянно обновляющиеся высокопроизводительные информационно-аналитические технологии добыwania и обработки информации. Наиболее перспективными в последнее время считаются технологии, связанные с выявлением закономерностей в структурированных и неструктурированных данных, объединяемые понятием «Большие Данные» (Big Data)¹⁰, под которыми, проще говоря, понимаются хранение и обработка огромных объемов данных, для того чтобы можно было получить конкретные и нужные результаты для их дальнейшего эффективного применения.

При осуществлении интернет-разведки, даже на нулевом уровне, необходимо всегда помнить четыре важных критерия:

- полноты (постараться собрать максимум информации, исходя из имеющихся возможностей, знаний и наличествующих инструментов);

— релевантности (соответствия найденной информации действительности, для чего каждые данные лучше перепроверить по нескольким источникам);

— времени (искать что-то можно бесконечно, поэтому для каждой поисковой задачи нужно жестко устанавливать лимиты времени, которое необходимо потратить);

— удовлетворенности (соответствие результатов поиска первоначальным ожиданиям, которые во многих случаях не достигают 100-процентного результата)¹¹.

Используя интернет, граждане вынуждены предоставлять свои персональные данные, которые могут относиться и к личной, и к семейной тайне. «Какие-то составляющие тайны могут впервые доверяться гражданином средствам автоматизации (например, различные персональные данные при использовании технологий „личных кабинетов“ или пластиковых карт); какие-то — могут впервые регистрироваться новой информационной технологией, как основной или побочный „продукт“ ее функционирования (например, местоположение абонента системы сотовой связи)»¹². Компьютерная информация, по мнению С. П. Евтеева, в открытом доступе может быть получена при оперативно-розыском мониторинге ресурсов интернета с использованием общедоступных поисковых систем: Yandex.ru, Rambler.ru, Aport.ru, Webalta.ru, Nigma.ru и др.¹³

Существуют различные способы поиска человека в социальных сетях, в том числе по номеру телефона. При регистрации аккаунта социальные сети обычно запрашивают либо адрес электронной почты, либо, чаще всего, номер телефона, так как это обеспечивает быстрый доступ к социальной сети, в частности, с мобильного телефона, ноутбука, планшета. Например, для обнаружения человека «ВКонтакте» необходимо в любой поисковой системе набрать его телефонный номер с указанием данной социальной сети. В том случае, если человек имеет аккаунт и в контактах оставил свой номер телефона, поисковик выдаст ссылку на его профиль, который должен быть открыт и доступен для просмотра всем пользователям. Таким же образом можно обнаружить аккаунты пользователя в других социальных сетях¹⁴.

Есть еще несколько способов поиска человека через интернет. Для этого необходимо указать имя, фамилию, возраст, город проживания и другие данные. Но это не всегда гарантирует, что он найдется. Совсем другое дело, если имеется фотография, даже общая. Сейчас существуют сервисы, которые умеют распознавать лица и искать страницы их обладателей. Сначала фотографию нужно обрезать, убрав все лишнее, таким образом уменьшается ее компьютерный размер. Затем происходит поиск по социальной сети «ВКонтакте» (findface.ru — это специальный сервис для поиска людей). Чтобы им воспользоваться, нужно иметь в этой сети страничку, для получения которой необходимо перейти на сайт vk.com и зарегистрироваться. Для поиска через FindFace следует перейти по ссылке и нажать на кнопку «найти одинаковых». Сервис попросит разрешения на доступ к странице в «ВКонтакте», после чего необходимо загрузить фотографию, которую можно переместить внутрь окошка,

и дождаться окончания процедуры поиска. Кроме того, для поиска по картинке есть два специальных сервиса: один — от Google (images.google.com), другой — от Yandex (images.yandex.ru). Пользоваться ими очень легко: нужно просто поместить фотографию в поисковую строку. Часто они выдают разные результаты, дополняя друг друга. Существует еще один популярный иностранный сервис поиска изображений «TinEye» (tineye.com), который работает аналогичным образом¹⁵.

Интернет стремительно развивается, и его возможности пока далеко не все познаны. В настоящее время состояние компьютерной техники способствует идентификации личности по динамическим признакам движения и тембру голоса¹⁶. При этом распознавание предметов и лиц в сети Интернет имеет ряд особенностей, среди которых следует выделить:

1) широкое информационное поле сети Интернет, что осложняет ручной поиск идентифицируемых объектов;

2) автоматизированный поиск и распознавание осуществляются путем компьютерных вычислений;

3) большинство информации, в том числе изображения в интернете, находится в закрытом доступе для обычного пользователя (когда у пользователя в социальной сети закрытый профиль)¹⁷.

В мировой практике уже накоплен положительный опыт этого направления деятельности. В частности, в Синьцзян-Уйгурском автономном районе Китая установлены сканеры идентификации личности, позволяющие распознавать людей при отслеживании событий, происходящих в общественных местах, гостиницах, торговых центрах, банках. Кроме того, при заправке автомобилей водители машин сначала должны предъявить документ, идентифицирующий личность¹⁸. В России на стадионах применяются технические комплексы для установления и недопуска нежелательных болельщиков. Аппаратура при прохождении первого рубежа турникетов в считанные секунды распознает и отождествляет фанатов, которым запрещен вход на спортивные арены, и оповещает службы безопасности о них уже на втором рубеже при предъявлении билета. На наш взгляд, такие технические комплексы необходимо задействовать при установлении информации о том, что разыскиваемое лицо является болельщиком и может посещать соревнования.

В некоторых случаях безвестное исчезновение несовершеннолетних лиц прямо связано с тем, насколько активно они используют ресурсы сети Интернет. В этом случае возможности сотовой связи способны существенно ускорить поиск детей. «В настоящее время подавляющее большинство подростков зарегистрированы в социальных сетях, позволяющих им в той или иной мере реализоваться в обществе»¹⁹, — это дает возможность выявить интересы ребенка, его намерения, круг знакомых.

Другое направление использования сотовой связи — поиск несовершеннолетних через единую федеральную систему оповещения (проходит тестовые испытания), которая позволит оповестить всех граждан в квадрате поиска через SMS-сообщения и мобильные приложения

с указанием примет потерпевшего. Таким образом, многие неравнодушные люди могут оказать помощь в розыске ребенка²⁰.

Использование передового аналитического инструментария для эффективной обработки полученных в процессе оперативно-розыскной деятельности массивов данных, по утверждению А. Л. Осипенко, должно сопровождаться совершенствованием организационных механизмов и технологий объединения информации из многочисленных разрозненных объемных неструктурированных источников. Для создания соответствующих условий для доступа ко всем востребованным информационным источникам необходимо правовое закрепление процедур его представления оперативно-розыскным органам операторами связи, провайдерами интернет-ресурсов, владельцами информационных систем, а также участие негосударственных структур в сборе цифровых данных²¹.

В настоящей статье не рассматриваем вопросы организации проведения оперативно-розыскных мероприятий, основ взаимодействия сотрудников правоохранительных органов с обладателями информационных ресурсов и правового регулирования поиска людей в интернете, так как полагаем, что это тема для отдельной публикации.

На основании изложенного следует констатировать, что необходимо более широкое использование возможностей сети Интернет в целях сбора и анализа информации о разыскиваемых лицах, установления их местонахождения и отождествления личности, а также совершенствование правового регулирования организации розыскной деятельности в глобальных компьютерных сетях.

¹ Осипенко А. Л. Оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел по борьбе с преступностью в глобальных компьютерных сетях : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Омск, 2010. С. 31.

² Молоков В. В., Галушин П. В. Специальные технические знания, необходимые для раскрытия наркопреступлений, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет : учеб. пособие. Красноярск, 2017. С. 11.

³ Игуменов А. С. О некоторых вопросах информационно-аналитического обеспечения розыска без вести пропавших и установления личности неопознанных трупов // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2016. № 1(71). С. 68–69.

⁴ Общая сумма превышает 100%, поскольку респондентам было предложено отметить несколько возможных вариантов ответа.

⁵ URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Смартфон> (дата обращения: 28.04.2018).

⁶ Ищенко Е. П., Крамаренко В. П., Шевченко Е. С. Смартфон как научно-техническое средство следователя // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 3(49). С. 10.

⁷ Грибунов О. П. Средства сотовой связи как источник криминалистически значимой информации // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 4(83). С. 140.

⁸ Васюков В. Ф., Флоря Д. Ф. Некоторые аспекты использования сведений о детализации между абонентами, полученных у операторов сотовой связи, при раскрытии и расследовании преступлений // Проблемы теории и практики оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : межвуз. сб. науч. тр. / под ред. Ю. В. Денисенко. Барнаул, 2016. Вып. 13. С. 33.

⁹ Евтеев С. П. Получение компьютерной информации: нерешенные вопросы и возможности использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном процессе // Вестник ВИПК МВД России. 2017. № 1(41). С. 46.

¹⁰ Осипенко А. Л., Лахин А. Н. Использование информационных технологий в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2016. № 2(37). С. 103.

¹¹ URL: <http://hrazvedka.ru/guru/247.html> (дата обращения: 05.05.2018).

¹² Каретников М. К., Щерба В. В. Личная и семейная тайна и новые информационные технологии // Преступность в сфере информационно-телекоммуникационных технологий: проблемы предупреждения, раскрытия и расследования преступлений : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф., г. Воронеж, 22 апр. 2016 г. / под ред. проф. А. Л. Осипенко. Воронеж, 2016. С. 110.

¹³ Евтеев С. П. Указ. соч. С. 48.

¹⁴ URL: http://www.neumeka.ru/poisk_po_foto.html (дата обращения: 04.06.2018).

¹⁵ URL: <http://v-detalyah.ru/kak-nayti-cheloveka-po-nomeru-telefona-v-sots-setyah> (дата обращения: 15.04.2018).

¹⁶ Об этом см.: Гусев А. Г., Медведева С. Н. Форма криминалистической регистрационно-биометрической карты // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 4. С. 63–66.

¹⁷ Купин А. Ф., Барина О. А., Егорова В. М. Использование современных программных средств распознавания изображений в правоохранительной деятельности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 3(42). С. 106.

¹⁸ Волчков К., Макарычев М. Великую стену-2 сделают из металла // Рос. газета. 2018. 24 янв.

¹⁹ Смагоринский Б. П., Морозова Д. А. Проблемы оперативно-розыскных мероприятий, направленных на розыск лиц, пропавших без вести (по материалам Волгоградской области) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2017. № 1(40). С. 109.

²⁰ Об этом см.: Мисливская Г. Мобильник может спасти // Рос. газета. 2017. 4 дек.

²¹ Осипенко А. Л. Реализация положений доктрины информационной безопасности Российской Федерации при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Воронежского института МВД России. 2017. № 3. С. 113.

Особенности осуществления оперативно-розыскного прогнозирования преступного поведения в деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел

Васильченко Денис Александрович, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Освещается история возникновения и развития оперативно-розыскного прогнозирования преступного поведения как в Российской Федерации, так и на территории зарубежных государств. Выделяются наиболее значимые признаки такого поведения, содержащие информацию, которую можно принять за основу при осуществлении данного вида прогнозирования в практической деятельности оперативных подразделений органов внутренних дел.

Ключевые слова: прогнозирование преступного поведения; оперативно-розыскная деятельность; личность преступника; практическая деятельность оперативных подразделений.

Чудесное пророчество есть сказка.
Но научное пророчество есть факт.

В. И. Ленин¹

Вопрос о возможности оперативно-розыскного прогнозирования преступного поведения до настоящего времени остается дискуссионным как для лиц, осуществляющих научные изыскания в сфере оперативно-розыскной деятельности, так и для практических сотрудников органов внутренних дел. Согласно Александру фон Гумбольдту, всякая истина проходит в человеческом сознании через три стадии, сначала: «Какая чушь!», затем «В этом что-то есть», наконец, «Кто же этого не знает?»². Проведенное нами исследование подтверждает, что проблема оперативно-розыскного прогнозирования проходит сейчас как бы все три обозначенные А. Гумбольдтом стадии одновременно: для некоторых лиц она находится еще в первой стадии, для других — во второй, а для третьих абсолютно очевидно, что оперативно-розыскное прогнозирование противоправного поведения отдельных лиц на территории Российской Федерации необходимо. Полностью поддерживая ученых и практических сотрудников, с уверенностью заявляющих, что проблема оперативно-розыскного прогнозирования должна стать одной из основных проблем науки оперативно-розыскной деятельности, ставим в данной публикации перед собой задачу осветить историю развития оперативно-розыскного прогнозирования как в нашей стране, так и на территории зарубежных государств. Надеемся тем самым внести свой небольшой вклад в укрепление мнения о необходимости дальнейшего совершенствования оперативно-розыскных моделей прогноза антиобщественного поведения отдельных лиц на территории Российской Федерации.

Прогностика как самостоятельная научная дисциплина, изучающая общие принципы и методы прогнозирования развития объектов любой природы, а также закономерности процесса разработки прогнозов, сформировалась в 50–60-е гг. XX в. В это время были определены основные понятия, принципы прогнозирования, выделены виды и параметры прогнозов, методы и этапы

прогнозирования. Формирование прогностики в самостоятельную отрасль науки во многом было обусловлено развитием таких наук, как кибернетика, ядерная физика, экономика, информатика, социология и др. Однако научные прогнозы (от греч. «prognosis» — прогноз, предсказание, предвидение)³ широко применялись и намного ранее. В частности, первые криминологические прогнозы стали систематически разрабатываться А. Кетле в 1865 г., метеорологические — Р. Фицроем в 1854 г., гидрологические — Ф. Э. Бельграном в 1850 г., а медицинские — «отцом медицины» Гиппократом около 460 г. до н. э.

Вместе с тем следует согласиться с мнением И. В. Бестужева-Лады о том, что до самого последнего времени прогнозирование было эмпирическим и строилось главным образом на опыте и интуиции специалистов в той или иной предметной области. И только с развитием отдельных наук, с появлением теории и методического аппарата математического прогнозирования на практике стали применяться научно обоснованные вероятностные методы прогнозирования, разрабатывались методы математического моделирования, теория информации и распознавания образов⁴.

Сказанное в полной мере можно отнести и к осуществлению прогнозирования в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел (далее — ОРД ОВД). По мере становления в середине XX в. теории ОРД как отрасли науки стали обнаруживаться все новые ее закономерности. Являясь, по сути, комплексной наукой, теория ОРД в ходе своего развития использовала достижения теории управления, положения криминологического учения о личности преступника, криминалистики, психологии межличностных отношений и других наук. В результате логика взаимодействия научных знаний выдвинула в качестве актуальной проблемы разработку прикладного прогнозирования в ОРД ОВД⁵.

Еще в 1966 г. П. Закржевский отмечал, что «в настоящее время прогнозирование преступности является

для органов, осуществляющих борьбу с правонарушениями, столь необходимым, очевидным и ясным делом, что отнюдь не может уже быть предметом обсуждения и дискуссии, а может быть лишь исходным пунктом для дальнейших рассуждений»⁶. При этом В. В. Орехов указывает, что «основная цель прогнозирования преступности — это установление наиболее общих показателей, характеризующих развитие (изменение) преступности в будущем, выявление ее отрицательных и положительных тенденций и отыскание на этой основе способов изменения или стабилизации этих тенденций в нужном для общества и государства направлении»⁷.

Отметим, что необходимость увязывания прогнозирования противоправного поведения с иными социальными факторами обуславливается многообразными связями и взаимозависимостью самого объекта прогнозирования — преступности. В такой ситуации чрезвычайно трудно добиться абсолютно точного прогноза в указанной области, и вряд ли это будет, по нашему мнению, возможно в будущем. Так, метеорологические прогнозы, имеющие вековые традиции при мощной технической обеспеченности имеют, по оценкам специалистов, лишь 50–70-процентную степень вероятности⁸. Однако это не говорит о бессмысленности составления оперативно-розыскных прогнозов совершения противоправных деяний на территории Российской Федерации. Так, А. Коэн указывал, что «массовые общественные явления, в том числе и преступность, подчиняются количественным закономерностям. И если существует возможность общественные процессы выражать в количественных эквивалентах, то существует и возможность увеличения точности прогноза этих явлений»⁹. При этом Г. А. Аванесов и С. Е. Вицин, осуществлявшие научные изыскания в области проблем прогнозирования преступности, рекомендовали учитывать и изучать не только данные о преступности, но и сведения, характеризующие изменения социальных явлений, так или иначе влияющих на преступность и противоправное поведение. К таким явлениям они отнесли социально-политические, организационно-правовые, экономические, демографические, социопсихологические и др.¹⁰

Повторим, одним из первых в мире обратил внимание на возможность осуществления оперативно-розыскного прогнозирования преступного поведения франко-бельгийский математик Адольф Кетле, который отмечал: «Мы можем рассчитать заранее, сколько индивидуумов обогреть руки в крови своих сограждан, сколько человек станут мошенниками, сколько станут отравителями, почти так же, как мы заранее можем подсчитать, сколько человек родится и сколько человек умрет»¹¹. Кроме того, проанализировав динамику и состояние преступности за несколько лет, А. Кетле сформулировал фундаментальный вывод о том, что совершаемые в обществе преступления развиваются по определенным законам, и они не являются механической суммой произвольных деяний¹².

Практически одновременно с работами А. Кетле вышли труды из-под пера министра юстиции Франции

Андре-Мишель Герри, в которых были опубликованы установленные им закономерности распределения преступности по возрастным группам, выявленные связи между преступностью и дефектами систем воспитания, аргументированные факты отсутствия связи между бедностью и преступностью; идея окрашивания карты регионов Франции в разные цвета в зависимости от уровня преступности, разработанный классификатор мотивов совершения преступлений и т. д.¹³

Другой французский социолог Э. Дюркгейм отмечал, что задачей науки выступает установление нормального поведения через выявление девиантного поведения, влекущего за собой санкции. Лишь девиантное указывает на то, что всеми считается нормальным. Рассматривая социальный феномен преступности, Дюркгейм подчеркивал, что совершение преступлений — норма для любого общества, т. е. органически присуще обществу и широко распространено. Оценивать социальный факт как норму или патологию на абсолютном уровне нельзя: нормой или патологией его делает исторический тип общества, социальный контекст. Более того, согласно Дюркгейму, наличие преступности свидетельствует о здоровье социального организма¹⁴.

Одну из первых попыток осуществить прогнозирование преступности на территории России предпринял академик К. Ф. Герман. В докладе об убийствах и самоубийствах в России за 1819–1820 гг. («Изыскания на тему смертоубийств и самоубийств в России») он отмечал, что «таблицы преступности за несколько лет позволяют узнать нравственное и политическое состояние народа»¹⁵.

Уделяя внимание личностям, осуществлявшим первые научные изыскания в области оперативно-розыскного прогнозирования преступного поведения, нельзя, по нашему мнению, упустить из виду основателя антропологической (биологической) школы Чезаре Ломброзо, который, проведя исследования личности и организма лиц, совершивших преступления, сформулировал и обосновал так называемую теорию прирожденного преступника. Основные идеи этой теории сводились к следующим положениям: преступником, являющимся особым природным типом, не становятся, а рождаются; причина преступности заложена не в обществе, а в самом преступнике; для врожденного преступника характерны особые физиологические, психологические и даже анатомические свойства. Последние при этом различаются в зависимости от преступной направленности личности на совершение убийств, изнасилований, посягательств на собственность. Подобные взгляды приводили к выводам о необходимости внесудебных процедур выявления и изоляции прирожденных преступников¹⁶. Несмотря на научную несостоятельность данных положений, подтвержденную многочисленными исследованиями, теория прирожденного преступника Ч. Ломброзо в дальнейшем постепенно трансформировалась в иные теории¹⁷.

Таким образом, исследования ученых в области прогнозирования преступности в XIX–начале XX вв., касающиеся возраста, пола, профессии, национальности, физиологических, психологических, анатомических

свойств личности, экономических условий и др., привели к выводу, что сведения по конкретным видам преступлений остаются неизменными не один десяток лет. При этом изучение причин и условий совершения противоправных деяний конкретным человеком являлось важной предпосылкой уяснения сущности мотивообразующих факторов криминогенных качеств. На основании этого считалось возможным осуществлять прогнозирование социальных феноменов и условий внешней среды, вызывающих некоторые противоправные деяния.

Дальнейшее развитие оперативно-розыскного прогнозирования противоправного поведения неразрывно связано с американскими учеными супругами Ш. и Э. Глюк, которые в 1959 г. составили прогностические таблицы для несовершеннолетних правонарушителей, описав в них три группы факторов: так называемый социальный фон (точнее, образ жизни подростка), психологические особенности личности и психиатрические характеристики. Сочетание этих факторов, по мнению Ш. и Э. Глюк, должно свидетельствовать о повышенной вероятности того, что такое лицо встанет на преступный путь¹⁸.

Результаты научных исследований, проведенных супругами Ш. и Э. Глюк, оказались востребованными и в других странах. В частности, польский центр пенитенциарных исследований в 1960 г., изучив группу несовершеннолетних правонарушителей в возрасте от 13 до 17 лет, выделил следующие признаки общественной деморализации подростков, дающие основание предполагать последующее преступное поведение: а) уход из родительского дома; б) алкоголизм в возрасте до 14 лет; в) отставание в учебе в течение более трех лет; г) прежнюю судимость¹⁹.

Подобные изучения групп риска в сфере преступности несовершеннолетних проводились и в России. Так, одним из наиболее полных по числу изученных признаков было исследование, проведенное в 80-х гг. XX в. В. Д. Ермаковым, Н. М. Гуськовым и Е. Н. Савинковой во Всесоюзном институте по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. Данные ученые выделили 121 показатель, характеризующий в 47 случаях негативные условия социальной среды и в 74 случаях негативные личностные особенности, детерминирующие преступное поведение несовершеннолетних²⁰. Однако этот перечень оказался слишком большим и поэтому неопределенным, поскольку практически у каждого подростка можно было найти в биографии хотя бы один из выделенных показателей. В результате группа риска становилась расплывчатой, а прогноз ненадежным. Поэтому авторы позже сузили систему показателей, выделив из нее только те факторы, которые, по мнению специалистов, характеризуются либо повышенной распространенностью, либо особой криминальной значимостью. Основные из них:

1) негативные условия жизни и воспитания: а) антиобщественное поведение родителей; б) алкоголизм, нервно-психические заболевания родителей; в) низкий уровень культуры в семье и др.;

2) негативные особенности личности и поведения: а) прежняя судимость, совершение иных противоправ-

ных поступков, значительное сужение круга интересов и потребностей; б) завышенная оценка собственной личности, высокий уровень притязаний и самооправдания; в) привычка к присвоению чужого, насилие над слабыми товарищами и др.²¹

Несколько иной подход к прогнозированию преступного поведения несовершеннолетних разработали в Киевском филиале ВНИИ МВД СССР в 1988 г. А. П. Закалюк и В. П. Сахно. Ими было выделено восемь групп признаков криминогенного значения и шесть — антикриминогенного²². Самостоятельную группу составляли 87 признаков, характеризующих корыстную (20), корыстно-насильственную (23) и насильственную (44) направленности антиобщественного поведения несовершеннолетних²³.

В 1972 г. исследуя правовые и организационно-тактические проблемы деятельности подразделений уголовного розыска, В. А. Лукашов обратил внимание на крайнюю необходимость проведения в оперативных подразделениях ОВД оперативно-розыскного прогнозирования²⁴.

Другим основоположником теории оперативно-розыскной деятельности С. С. Овчинским в 70-х гг. XX в. был опубликован ряд научных работ, посвященных прогнозированию индивидуального преступного поведения и проблемам информационно-прогностического обеспечения ОРД ОВД²⁵. По мнению ученого, оперативно-розыскное прогнозирование представляет собой «не что иное, как получение информации о явлениях, которые не существуют в момент, когда делается прогноз. Происходит устранение неопределенности, причем это устранение качественно отличается от подобного процесса, характерного для познания прошлого и настоящего. И прошлое, и настоящее имеет свойство отражаться в сознании людей в виде материальных следов или идеальных моделей, в которых многие элементы непосредственно воспринимаются человеком. Будущее же не может быть воспринято по законам отражения и передачи отражаемой информации. Оно представляется как мысленная логическая модель вероятного развития какого-либо процесса или возникновения какого-либо явления»²⁶.

К сожалению, в начале 80-х гг. XX в. при прогнозировании преступности на территории СССР правоохранительные органы в основном стали опираться лишь на учеты, которые ведутся в органах МВД информационными центрами²⁷. Это, в первую очередь статистические карточки²⁸ — форма № 1 (карточка на выявленное преступление); форма № 1.1 (карточка о результатах расследования преступления); форма № 1.2 (карточка об установлении лица, совершившего преступление); форма № 2 (карточка на лицо, совершившее преступление); форма № 3 (карточка о движении уголовного дела); форма № 4 (карточка о результатах возмещения материального ущерба и изъятия предметов преступной деятельности); форма № 5 (о потерпевшем) и форма № 6 (о результатах рассмотрения дела судом первой инстанции)²⁹.

В середине 80-х гг. XX в. в связи с резким ухудшением положения с преступностью на территории СССР³⁰ в де-

тельности оперативных подразделений ОВД возникла острая необходимость разработки частных методик оперативно-розыскного прогнозирования индивидуального противоправного поведения и научно обоснованного отбора лиц, нуждающихся в профилактическом воздействии. По результатам исследования Г. А. Аванесова, в указанный период многие опасные, причиняющие значительный ущерб гражданину и государству противоправные деяния не интересовали правоохранительные органы. Их профессиональная деятельность в подавляющем большинстве была направлена на противодействие очевидным преступлениям, по которым установить лицо (либо группу лиц), совершившее преступление, не представляло особой сложности³¹. Поэтому в целях нормализации криминогенной обстановки на территории СССР многие ученые поднимали вопрос о необходимости, кроме используемого в оперативных подразделениях правоохранительных органов общего прогноза противоправного поведения, ввести в деятельность данных подразделений персональный учет преступников и противоправных деяний, ими совершенных, и создать одновременно единую автоматизированную сеть, способную наиболее вероятно описать ситуацию, охватывая большинство параметров изучаемых объектов для обслуживания подразделений, осуществляющих противодействие преступности³².

При этом необходимо отметить, что в ряде западных государств уже в указанные годы подразделения, занимавшиеся противодействием преступности, осуществляли прогнозы противоправного поведения под отчетного элемента с одновременным осуществлением мер превентивного характера³³.

Так, прогнозы относительно развития индивидуального противоправного поведения поощрялись различными положениями Уголовного кодекса ФРГ и нередко составлялись органами уголовной юстиции. При вынесении приговора, предусматривающего применение превентивных мер в целях исправления преступника и его нейтрализации (§ 63–66 и § 68–70 УК ФРГ)³⁴, суд каждый раз должен устанавливать правонарушителя; в частности, при решении о превентивном заключении (§ 66 УК ФРГ) следует выявлять «склонность преступника совершать серьезные преступления, а именно такие, которые могут вызвать тяжкие телесные повреждения и моральные потрясения или нанести большой экономический ущерб»³⁵.

В октябре 1970 г. Конгресс США одобрил Закон «О контроле за организованной преступностью» — RICO (в отдельных отечественных научных источниках его еще называют «Актом по борьбе с организованной преступностью и коррупцией — РИКО»), который позволил судам Соединенных Штатов при рассмотрении уголовных дел в отношении активных членов и лидеров организованных преступных сообществ (организаций) пользоваться практикой составления прогноза относительно их опасности при вынесении приговора или принятии решения о содержании под стражей до судебного разбирательства³⁶. При этом, несмотря на то что в настоящее время американское общество не пришло к единой позиции по вопросу правомерности и законности осуществления прогнозирования

противоправных деяний в США, поскольку, по мнению отдельных общественных деятелей, применение прогнозов влияет на принятие решений в области уголовной юстиции и ведет к увеличению количества заключенных³⁷, анализ результатов деятельности органов государственной власти в США по установлению контроля над преступностью убедительно свидетельствует о том, что впервые за всю историю существования Соединенных Штатов на протяжении последних 45 лет (практически сразу после принятия Закона RICO) американцам удается неуклонно снижать уровень преступности в стране³⁸.

Прогнозирование преступности в США осуществляется на законодательном уровне довольно продолжительное время, тем не менее интерес к данной области у исследователей не только не пропадает, а, наоборот, усиливается. Так, в 1982 г. П. Гринвуд представил результаты работы, посвященной попытке выявить индивидов, наиболее склонных к совершению повторных преступлений. Для этого он изучил досье 2200 заключенных, отбывающих тюремные сроки за грабеж в Калифорнии, Техасе и Мичигане, акцентируя внимание на следующих характеристиках: 1) был ли правонарушитель ранее осужден за ограбление или кражу с проникновением; 2) находился ли он большую часть времени в течение двух предшествующих лет в тюрьме; 3) был ли он осужден в подростковом возрасте до наступления 16 лет; 4) находился ли он, будучи подростком, в исправительном заведении; 5) употреблял ли он героин и барбитураты в течение двух предшествовавших лет; 6) употреблял ли он героин и барбитураты, будучи подростком; 7) имел ли правонарушитель работу большую часть времени в течение двух лет, предшествовавших совершению преступления.

Для того чтобы оценить, насколько правонарушитель способен в будущем совершить преступление, каждой из семи характеристик присваивается 1 балл. Таким образом, каждый заключенный может получить от 0 до 7 баллов. Используя статистическую модель оценки числа преступлений, предотвращенных с помощью тюремного заключения, П. Гринвуд вычислил, что, если грабители, получившие от 4 до 7 баллов, будут отбывать восьмилетний срок, тогда как все остальные — всего лишь одногодичный, уровень грабежей можно понизить на 20%, не увеличивая при этом число заключенных³⁹.

Отметим, что в США имеется целый спектр проведенных научных исследований, посвященных прогнозированию преступного поведения отдельных категорий граждан на данной территории⁴⁰.

В 2013 г. подразделения полиции графства Кент совместно с Лондонской школой экономики создали прогностическое программное обеспечение, позволяющее на основе анализа 27 параметров оценивать вероятность совершения отдельных преступных деяний в дневное и ночное время на территории графства. С момента начала работы системы число совершаемых преступлений в графстве Кент за счет проводимых профилактических мероприятий сотрудниками полиции ежегодно уменьшается практически на 4%. В настоящее время это лучший показатель по полицейским подразделениям Англии⁴¹.

В свою очередь, несмотря на довольно обширное количество существующих в ряде западных государств методик прогнозирования индивидуального преступного поведения, на территории нашего государства данная деятельность осуществлялась в изучаемый нами период в основном интуитивно⁴². Одними из первых в нашей стране прогнозированием индивидуального преступного поведения занимались А. П. Иващенко, В. А. Минаев и А. П. Закалюк, которые в середине 80-х–90-х гг. прошлого века попытались спрогнозировать рецидив преступлений со стороны лиц, освобождаемых из исправительных учреждений, где они отбывали наказание.

В работе А. П. Иващенко использовалась несложная прогностическая модель:

$$P = \sum_{i=1}^{30} a_i x_i,$$

где x_i — конкретные значения признаков-индикаторов, a_i — коэффициенты информативности этих признаков⁴³.

Признаки-индикаторы составляют семь групп: относящиеся к социально-демографическим характеристикам личности ($i = 1 \div 9$); характеризующие преступное поведение ($i = 10 \div 12$); процесс исправления и перевоспитания ($i = 13 \div 15$); нравственно-психологическая оценка ($i = 16 \div 24$); психическая ($i = 25, 26$) сфера личности в процессе отбывания наказания, степень исправления осужденного и его будущее поведение ($i = 27, 28$); относящиеся к деятельности по обеспечению процесса социальной реадaptации ($i = 29, 30$)⁴⁴.

Из 30 признаков работающими являются 28, так как в данной модели для лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы впервые, $a_i = 0$ при $i = 11, 12$. Таким образом исключаются число судимостей и интенсивность рецидива после освобождения в предыдущий раз. Для рецидивистов $a_i = 0$ при $i = 15; 29$, т. е. нулевая информативность приписывается наличию взысканий за последний год пребывания в исправительной колонии и установлению административного надзора по месту фактического проживания на момент освобождения.

Количественная оценка (в баллах) признаков-индикаторов может быть введена в соответствующую компьютерную программу в виде таблицы, обеспечивающую вычисление итоговой характеристики. Чем меньше число баллов получает обобщенная характеристика, тем больше вероятность рецидива. Экспериментальное апробирование прогностических моделей позволило выделить пять интервалов, определяющих категорию прогноза. В первый интервал попадают до 15% лиц, освобождаемых с итоговой характеристикой в 801–1400 баллов (891–1797 — для рецидивистов) — крайне неблагоприятный прогноз, который оправдывается в более чем 80% случаев (для рецидивистов — в более чем 70% случаев). Следовательно, данные лица должны обязательно попадать под профилактическое воздействие со стороны правоохранительных органов. Следующие интервалы соответствуют неблагоприятному, неопределенному, благоприятному и весьма благоприятному прогнозу. Последний оправдывает себя

в более чем 84% случаев (для рецидивистов — в более чем 87% случаев).

Следующую методику прогнозирования индивидуального поведения ранее судимых и несудимых лиц разработали в середине 80-х гг. прошлого века в Киевском филиале ВНИИ МВД СССР. Эмпирический материал — данные по выборке около 3 тыс. человек, содержащие на каждого информацию по 125 признакам, включающим в себя 735 показателей⁴⁵. Анализ имеющихся многофакторных данных проводился по методу распознавания образов. Для количественной оценки выделенных показателей всех признаков был использован коэффициент детерминации. Балльная оценка каждого показателя признаков получена с помощью стандартного приема округления и увеличения коэффициента в 100 раз. Баллу присваивался знак «+», если значение показателя реализуется на большинстве «своих» образов (совершение преступления), или знак «-», если его реализация охватывает большинство чужих образов (исправление). Крайние значения баллов: + 60, — 40. Показатель рецидива характеризуется значением свыше + 20 баллов. Оценка вероятности подтверждения прогноза не менее 0,88 (или 88%). Модель апробирована на массиве, содержащем 486 человек, ранее судимых и состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел. Ошибка криминального прогноза — 4%. Методика очень проста: карта учета прогностически значимой информации, проведения прогноза, планирования мер и фиксации их выполнения занимает четыре страницы⁴⁶.

В 1991 г. С. С. Овчинским были сформулированы и обоснованы научные положения, согласно которым в ОРД ОВД, наряду с эмпирическим уровнем предвидения, в связи с кардинально меняющейся оперативной обстановкой в настоящее время все большее значение приобретает вероятностное прогнозирование, обозначенное данным ученым как «оперативно-тактическое прогнозирование»⁴⁷. В качестве самостоятельных функций оперативно-тактического прогнозирования С. С. Овчинский выделял следующие его наиболее перспективные направления:

- а) прогнозирование вероятного поведения членов организованных преступных формирований после совершения противоправных деяний;
- б) прогнозирование вероятной ситуации, которая может сложиться в период их оперативной проверки и разработки;
- в) прогнозирование вероятного поведения негласных сотрудников в определенных условиях при выполнении ими заданий оперативных сотрудников;
- г) прогнозирование поведения неформальных групп с антиобщественной направленностью;
- д) прогнозирование индивидуального преступного поведения⁴⁸.

Начало 90-х гг. XX в. ознаменовалось еще одной попыткой комплексного научного исследования вопросов прогностического содержания деятельности сотрудников оперативных подразделений ОВД в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий, а также мер по со-

вершенствованию прогнозирования, использовавшегося данными подразделениями, которую предпринял А. Г. Обложко⁴⁹, ученик С. С. Овчинского. Процесс оперативно-розыскного прогнозирования ему представлялся в виде таких диалектически взаимосвязанных этапов (элементов), как:

- 1) построение оперативно-розыскных версий;
- 2) прогнозирование изменений ситуации, в том числе действий противоборствующей стороны;
- 3) прогнозирование поведения участников оперативно-розыскных мероприятий;
- 4) оценка возможностей оперативного аппарата, а также физических и юридических лиц, оказывающих ему содействие;
- 5) принятие решений о наиболее целесообразном построении, расстановке и использовании имеющихся сил и средств;
- 6) выработка инструктивной информации для программирования конкретного оперативно-розыскного мероприятия;
- 7) прогнозирование результатов оперативно-розыскного мероприятия, выработка параллельных (страховочных) и альтернативных решений⁵⁰.

В середине 90-х гг. XX в. вопросы оперативно-розыскного прогнозирования рассматривались В. И. Елинским, который в ходе исследования методологии теории ОРД ОВД назвал в качестве одного из перспективных направлений в данной области формирование концепции оперативно-розыскного прогнозирования. Ученый отметил, что оперативно-розыскное прогнозирование — категория сложная и многообразная, и именно этим объясняется тот факт, что до сих пор в теории ОРД предпринимались «весьма робкие попытки» обосновать сущность данной категории, определить ее понятие, место и роль в ОРД ОВД. Однако, как он считает, необходимость повышения внимания к проблемам оперативно-розыскного прогнозирования в XXI в. является не отдельным субъективным мнением, а объективной закономерностью прикладного характера, вызванной возрастающими потребностями практики в противодействии преступности⁵¹.

На современном этапе вопросы оперативно-розыскного прогнозирования неоднократно поднимались сыновьями С. С. Овчинского — А. С. Овчинским и В. С. Овчинским — при рассмотрении вопросов, связанных с социальной природой, познанием, получением и использованием оперативно-розыскной информации⁵².

Активное исследование прогностической деятельности при осуществлении аналитической работы в сфере ОРД ОВД проводит и Е. Н. Яковец, который указал, что оперативно-розыскной прогноз представляет собой научно обоснованное суждение о предполагаемых состояниях объектов аналитической работы⁵³. Е. Н. Яковец, взяв за основу результаты ранее проведенного исследования основоположника теории криминалистического прогнозирования Л. Г. Горшенина⁵⁴, описал технологию осуществления прогнозирования в оперативно-розыскной деятельности ОВД, состоящую из трех основных этапов.

На первом этапе осуществляется многофакторный анализ объектов оперативно-розыскного прогнозирования, выделение их признаков, наиболее значимых для проводимых исследований. Второй этап предусматривает использование непосредственно диагностических методов для формирования на основе исходной информации гипотез, основное предназначение которых заключается в установлении связей между явлениями и другими объектами; в объяснении причин их возникновения; в реконструкции картины прошлого и формировании картины будущего. На третьем этапе полученные в результате гипотетического исследования данные интерпретируются с использованием избранных способов прогнозирования. Иными словами, гипотезы посредством прогностических методов облекаются в форму прогнозов. В итоге образуется некоторая система знаний, позволяющая определять возможные последствия наступления каких-либо событий, явлений либо описывать возможные пути и перспективы наступления этих последствий, предсказывать будущие характеристики изучаемых объектов⁵⁵.

Рассмотрев научные изыскания, направленные на разработку теоретических и прикладных аспектов оперативно-розыскного прогнозирования, можно заключить, что преступное поведение не является необъяснимой случайностью, а в подавляющем большинстве случаев отражает устойчивые свойства индивида и особенности внешней среды. При этом важно учитывать, что преобразование антисоциальных качеств индивида, с одной стороны, и общественных условий его деятельности и социально-экономической деятельности — с другой, в конкретный вариант преступного поведения происходит на протяжении какого-либо промежутка времени, т. е. значимые признаки, характеризующие конкретную индивидуальность, также имеют определенные временные границы. Поэтому согласно проведенному нами исследованию наиболее значимыми признаками, содержащими информацию, которую можно принять за основу при осуществлении оперативно-розыскного прогноза преступного поведения, являются:

- 1) личностные данные исследуемого и его связей (пол; возраст; образование; семейное положение и условия жизни в семье; количество судимостей за ранее совершенные преступления и их характер; акцентуация личности; тип характера; имеющиеся психологические и психиатрические расстройства; образ жизни; социальный уровень; отношение к религии; особенности проживания в родительской семье (место проживания (село; поселок городского типа; город районного значения; город областного, республиканского, краевого, окружного значения и др.), структура и тип родительской семьи (нуклеарная семья, пополненная семья, смешанная семья, семья с родителем-одиночкой, патриархальная семья, матриархальная семья, эгалитарная семья); количество родных и сводных братьев и сестер, проживавших совместно в родительской семье, и их взаимоотношения; особенности семейного воспитания в родительской семье; имевшиеся отклонения при обучении в образовательном учреждении среднего неполного и полного общего обра-

зования); характер взаимоотношений с окружающими; состояние здоровья; наличие вредных привычек (употребление наркотиков и (или) алкоголя; табакокурение; беспорядочная половая жизнь; игромания; интернет-зависимость и компьютерные игры и др.); уровень финансового благополучия; наличие огнестрельного оружия; жилищные условия; наличие исполнительного производства (как в роли «взыскателя», так и «должника»); совершенные административные правонарушения; особенности трудовой деятельности (работа по специальности, условия труда, удовлетворенность трудовой деятельностью, рабочий график, условия оплаты труда; уровень оплаты труда и т. д.); наличие кредитных обязательств перед коммерческими банками; форма проведения свободного времени (занятие спортом, чтение, просмотр телепередач, посещение культурно-развлекательных центров и др.); наличие авто-, мото- и водного транспорта; политические убеждения и политическая активность; участие в общественной жизни (деятельность в общественных клубах, волонтерство, иная полезная социальная активность и др.);

2) причины и условия, способствующие совершению конкретного противоправного деяния (складывающаяся социально-экономическая и оперативная обстановка в регионе проживания; миграция населения; изменения половозрастной структуры населения; пробелы в законодательстве и др.);

3) систематизированная (упорядоченная) оперативно-розыскная информация в отношении исследуемого и его связей (результаты проведенных оперативно-розыскных мероприятий; сведения, полученные от лиц, оказывающих негласное содействие или сотрудничество; информация, полученная в ходе взаимодействия как с иными оперативными подразделениями ОВД, так и с другими органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность на территории Российской Федерации, и др.).

Для проведения такого исследования, по нашему мнению, необходимо между личностными данными исследуемого и его связей, причинами и условиями, способствующими совершению конкретного противоправного деяния, и оперативно-розыскной информацией в отношении исследуемого и его связей и совершением исследуемым лицом конкретного преступления установить четкую логическую связь. Для того чтобы проследить такую связь, необходимо осуществить значительное число наблюдений за множеством объектов, имеющих прямое или косвенное отношение к исследуемому лицу, при этом не допуская ограничений и категоричности и используя единый категориальный цифровой справочник.

Поэтому разработка методики оперативно-розыскного прогнозирования в практической деятельности оперативных подразделений ОВД — это процесс длительный, сложный и трудоемкий, требующий использования искусственного интеллекта, способного к поиску, агрегации и задействованию массивов данных при необходимости получения ответа на тот или иной аналитический или прогностический запрос, без учета

мнения отдельного человека. Поскольку, как метко выразился Й. Андерсен, «в тот момент, когда человек касается данных, он их субъективизирует и портит»⁵⁶.

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Изд. 5-е. М., 1974. Т. 36. С. 472.

² Цит. по: Синкевич Ю., Тарас Ф. Бегущая по волнам // Наука и жизнь. 1968. № 6 (июнь). С. 27.

³ Степин В. С., Гусейнов А. А., Семигин Г. Ю., Огурцов А. А. и др. Новая философская энциклопедия : в 4 т. М., 2010. С. 286. Т. 2.

⁴ Рабочая книга по прогнозированию / под общ. ред. И. В. Бестужева-Лады. М., 1982. С. 59.

⁵ Овчинский С. С. О прогнозировании в теории и практике оперативно-розыскной деятельности // Проблемы совершенствования оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел. М., 1981. С. 26.

⁶ Zakrzewski P. Wybrane zagadnienia z dziedziny prognozy kryminologicznej. *Przegląd Penitencjarny*. 1966. No. 3. S. 17.

⁷ Криминология : учебник / под общ. ред. В. Н. Бурлакова и Н. М. Кропачева. СПб., 2002. С. 168.

⁸ См., напр.: Груза Г. В., Ранькова Э. Я. Вероятностные метеорологические прогнозы. Л., 1983. 271 с.

⁹ Коэн А. К. Подход с позиций множественного фактора // Социология преступности. М., 1966. С. 83–84.

¹⁰ Аванесов Г. А., Вицин С. Е. Прогнозирование и организация борьбы с преступностью. М., 1972. С. 29–30.

¹¹ Кетле А. Социальная физика, или Опыт исследования о развитии человеческих способностей : в 2 т. / под ред. А. Русова. Киев, 1911. Т. 1. С. 287.

¹² Кетле А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1866. С. 9.

¹³ Подробнее см.: Герри А. и Дробини В. Нравственная статистика в связи с историей приложения чисел к наукам нравственным : в 2 т. СПб., 1867. Т. 1. 40 с.; Янсон Ю. Направления в научной обработке нравственной статистики. Введение в сравнительную нравственную статистику. Кэтле-Вагнер, Дюфо-Герри. Выпуск первый. СПб., 1871. 284 с.; и др.

¹⁴ Подробнее см.: Дюркгейм Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение / пер. с фр., сост. послесловия и примечания А. Б. Гофмана. М., 1995. 352 с.

¹⁵ Цит. по: Остроумов С. С. Преступность и ее причины в дореволюционной России. М., 1980. С. 134.

¹⁶ Об этом см.: Иниаков С. М. Зарубежная криминология. М., 1997. С. 50–54.

¹⁷ Например, представители теории конституционного предрасположения к преступлению, в основе которой лежит учение немецкого профессора медицины Э. Кречмера, связывали совершение противоправных деяний с работой желез внутренней секреции, влияющей как на внешность (физическую конституцию), так и на психику человека (Кречмер Э. Медицинская психология / пер. с нем., под ред., с предисловием В. Е. Смирнова. М., 1927. 349 с.).

Довольно близки к идеям Ч. Ломброзо оказались и концепции умственной отсталости преступников Х. Годдарда (Goddard H. H. The Kallikak Family: A Study in the Heredity of Feeble-Mindedness. N.-Y., 1912. 121 p.), их наследственной (генетической) предрасположенности Й. Ланге (Блэкборн Р. Психология криминального поведения. СПб., 2004. С. 174–175). В основе этих концепций лежали исследования поведения нескольких

поколений близких родственников; идентичных и неидентичных близнецов; влияния на поведение лишних мужских хромосом и т. д.

¹⁸ Об этом см.: Фокс В. Введение в криминологию. М., 1980. С. 277.

¹⁹ Об этом см.: Намович Г. Исследования форм деморализации и преступности несовершеннолетних // Пенитенциарное обозрение. 1966. № 3. С. 24–25.

²⁰ Об этом см.: Ермаков В. Д., Гуськов Н. М., Савинкова Е. Н. Причины и условия, способствующие преступности несовершеннолетних. М., 1986. 116 с.

²¹ Подробнее см.: Ермаков В. Д., Гуськов Н. М., Савинкова Е. Н. Причинный комплекс, обуславливающий преступность несовершеннолетних. М., 1988. 103 с.

²² Об этом см.: Закалюк А. П., Сахно В. П. Разработки методики профилактики криминологического прогнозирования // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 136–138.

²³ Подробнее см.: Закалюк А. П. Прогнозирование и предупреждение индивидуального преступного поведения. М., 1986. 191 с.

²⁴ Лукашов В. А. Правовые и организационно-тактические проблемы советского уголовного розыска : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1972. С. 121–122.

²⁵ См., напр.: Овчинский С. С. К вопросу о прогнозировании индивидуального преступного поведения // Научная информация по вопросам борьбы с преступностью : сб. науч. тр. Всесоюзного института по изучению причин и разработке мер предупреждения преступности. М., 1972. № 30. С. 74–84 ; Его же. Информационно-прогностическое обеспечение индивидуальной профилактики : науч.-метод. пособие. М., 1979. 80 с. ; и др.

²⁶ Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М., 2000. С. 285.

²⁷ Лунеев В. В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М., 2005. С. 849–850.

²⁸ В нашей стране учет преступлений на основе единой упорядоченной методики ведется с 1961 г. Эта система предусматривает учет преступлений как фактов и учет лиц, совершивших преступление. Преступления в статистических карточках учитываются по моменту возбуждения уголовного дела, а лица, совершившие преступления, — по моменту утверждения обвинительного заключения и направления дела в суд.

²⁹ О едином учете преступлений : приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29 ноября 2005 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁰ Согласно результатам исследования, проведенного авторским коллективом под руководством А. И. Смирнова, в указанный период резко (на 13,3%) возросло количество заявлений и сообщений о преступлениях, на 25,9% больше людей погибло от преступлений. Прирост зарегистрированных преступлений составил 31,8%, а выявленных лиц, совершивших преступления, — 1,4%. Количество наименее латентных преступлений — умышленных убийств и покушений на убийство — возросло на 28,5%, а общее количество тяжких преступлений — на 42,5% и т. д. (Преступность и правонарушения в СССР / под общ. ред. А. И. Смирнова. М., 1989. С. 8–9).

³¹ Аванесов Г. А. Криминология. Прогностика. Управление. Горький—М., 1975. С. 148–152.

³² Алимов С. Б., Антонов-Романовский Г. В., Дашиков Г. В., Ермаков В. Д. и др. Курс советской криминологии. Предупреждение преступности / под ред. И. И. Карпеца, Б. В. Коробейникова и В. Н. Кудрявцева. М., 1986. С. 119–120.

³³ Там Х. Преступность и уровень жизни. М., 1982. С. 124.

³⁴ Подробнее см.: Головенков П. В. Уголовное уложение (Уголовный кодекс) Федеративной Республики Германия (Strafgesetzbuch — StGB) : науч.-практ. комм. и пер. текста закона. 2-е изд. М., 2012. 312 с.

³⁵ Шнайдер Г. Й. Криминология / пер. с нем. Ю. А. Неподаева. М., 1994. С. 190.

³⁶ Мартенс Ф. Т., Руза С. Б. Внедрение РИКО в Восточной Европе: предусмотрительно или безответственно? // Изучение организованной преступности: российско-американский диалог. М., 1997. С. 195–230.

³⁷ Подробнее см.: Уолш Д. Закон о борьбе с организованной преступностью и коррупцией (Закон RICO) // Проблемы борьбы с организованной преступностью : мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 23–25 апреля 1997 г.). М., 1998. С. 32–36 ; и др.

³⁸ Подробнее официальную статистику по уровню преступности на территории США с 1930 г. по настоящее время см.: Официальный сайт Федерального бюро расследований США. URL: <http://www.FBI.gov> (дата обращения: 30.04.2019).

³⁹ Vander Z. J. W. Sociology: the core. 2 ed. N.-Y., 1990. Pp. 147–149.

⁴⁰ Так, в 1997 г. Э. Ван дер Оорд и Д. Роув проанализировали стабильность развития проблемного поведения несовершеннолетних на территории США и пришли к выводу, что определение генетических и общих внешних факторов, вносящих свой вклад в стабильность проблемного поведения, позволит лучше предсказывать, кто же станет лицом, систематически совершающим преступления (Van den Oord E. J. and Rowe D. C. Continuity and Change in Childrens Social Maladjustment: A Developmental Behavior Genetic Study: Developmental Psychology. 1997. 33. Pp. 319–322 ; и др.).

⁴¹ Подробнее см.: Официальный сайт графства Кент Великобритании. URL: <http://www.Kent.gov.uk> (дата обращения: 20.07.2019).

⁴² Минин А. Я. Информатизация криминологических исследований (теория и методология). Екатеринбург, 1992. С. 69.

⁴³ Иващенко А. П. Некоторые вопросы теории индивидуального криминологического прогнозирования // Проблемы профилактики правонарушений в развитом социалистическом обществе. М., 1982. С. 50.

⁴⁴ Иващенко А. П. Индивидуальное криминологическое прогнозирование и профилактика рецидива преступлений. М., 1982. С. 50–51.

⁴⁵ См., напр.: Закалюк А. П. Разработка методики индивидуальной профилактики криминологического прогнозирования // Криминология и уголовная политика. М., 1985. С. 136–138 ; Закалюк А. П., Жарый В. Д., Ковальский В. С. и др. Преступления, совершаемые с особой жестокостью (научный обзор результатов исследования). Киев, 1989. С. 13–33 ; и др.

⁴⁶ Закалюк А. П. Опыт создания и применения методики прогнозирования индивидуального преступного поведения // Вопросы борьбы с преступностью. М., 1985. Вып. 43. С. 14–23.

⁴⁷ Овчинский С. С. Оперативно-тактическое прогнозирование : лекция. М., 1991. 24 с.

⁴⁸ Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского и В. С. Овчинского. М., 2000. С. 284–285.

⁴⁹ Обложко А. Г. Прогнозирование в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1993. 21 с.

⁵⁰ Обложко А. Г. Результаты исследования современного состояния оперативно-тактического прогнозирования // Совершенствование борьбы с организованной преступностью и наркобизнесом : мат-лы всерос. межвед. науч.-практ. конф. 16–17 декабря 1997 г. М., 1998. С. 221–222.

⁵¹ Елинский В. И. Методология теории оперативно-розыскной деятельности (по материалам органов внутренних дел) : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1999. С. 414–416.

⁵² См., напр.: Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. М., 2000.

382 с. ; Овчинский А. С. Информация и оперативно-розыскная деятельность : монография. М., 2002. 196 с. ; Овчинский С. С. Оперативно-розыскная информация / под ред. А. С. Овчинского, В. С. Овчинского. 2-е изд., доп. М., 2017. 415 с. ; и др.

⁵³ Яковец Е. Н. Теоретические основы аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2006. 59 с.

⁵⁴ Горшенин Л. Г. Теории криминалистического прогнозирования : дис. ... д-ра юрид. наук. Минск, 1994. 330 с.

⁵⁵ Яковец Е. Н. Теоретические основы аналитической работы в сфере оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. М., 2005. С. 139–140.

⁵⁶ Цит. по: Обзор отдельных вопросов в области больших данных и искусственного интеллекта / сост. В. Н. Бабич, Е. А. Кириллова / под общ. ред. В. С. Овчинского. М., 2019. С. 33.

Классификация актов правоприменения в оперативно-розыскной деятельности

Десятов Михаил Сергеевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник учебного отдела Омской академии МВД России

Предложена классификация правоприменительных актов, появляющихся и имеющих хождение в оперативно-розыскной сфере. Автор отстаивает идею о том, что не все документы, создаваемые субъектами оперативно-розыскной деятельности, носят правоприменительный характер, что детерминирует необходимость классификации в целях уяснения их природы и дальнейшего использования в сфере борьбы с преступностью. Особый акцент делается на беспрецедентности предложенной им классификации.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; акт правоприменения; классификация правоприменительных актов.

Классифицирование как процесс и метод исследования представляет собой весьма сложное научное явление, тем не менее без которого крайне затруднительно обойтись при исследовании проблем. Первоначальный и важнейший этап классификации — определение и анализ оснований, по которым исследуемые объекты могут группироваться по классам (видам)¹. Справедливости ради отметим, что вопросам, посвященным актам правоприменения вообще и их классификации в частности, в теории права уделено значительное число работ². В то же время в теории оперативно-розыскной деятельности подобной активности не наблюдается, что подталкивает нас к формулированию оснований классификации. К таковым можно отнести следующие:

1. По степени «секретности» содержащихся в актах правоприменения сведений выделяются «секретные» документы, имеющие пометку «для служебного пользования» и несекретные. Прежде всего отметим, что документы с грифом «совершенно секретно» правоприменительными актами не являются. К совершенно секретным сведениям в оперативно-розыскной сфере относятся персональные сведения о лицах, оказывающих конфиденциальное содействие, а также результаты оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий, раскрывающие тактику их получения. На первый взгляд в контексте предмета исследования актами правоприменения с грифом «совершенно секретно» служат контракт о долгосрочном конфиденциальном сотрудничестве, анкета на лицо, оказывающее конфиденциальное сотрудничество на контрактной основе, информационно-поисковая карточка ИПК-С, сводка скрытого наблюдения, сводка прослушивания телефонных переговоров и пр. Вместе с тем, полагаем, названные документы не относятся к правоприменительным актам, поскольку носят, как правило, информационно-справочный характер и являются актами реализации права в форме использования, но не применения.

Гриф «секретно» присваивается документам, содержащим сведения, распространение которых может нанести ущерб интересам предприятия, учреждения или организации. В отличие от совершенно секретных сведений, диапазон секретной информации в оперативно-розыскной деятельности несоизмеримо шире, что, однако, не отменяет того обстоятельства, что лишь отдельные

документы представляют собой акты правоприменения. Руководствуясь данным критерием, к ним можно причислить: постановления (о проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ), о заведении и прекращении дел оперативного учета), рапорты (на проведение ОРМ, на проведение проверочных мероприятий в отношении кандидата на вербовку, на проведение вербовочной беседы, о результатах проведения ОРМ), задания (агентам, на проведение оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий), заключения об исключении из агентурного аппарата. Заметим, что названные документы отнесены нами к правоприменительным актам как воплощение правоприменительного волеизъявления оперативных сотрудников и руководителей оперативных подразделений. Их создание и вступление в юридическую силу порождают или способны породить правовые последствия оперативно-розыскной деятельности как правоприменительной.

В свою очередь, иные документы с грифом «секретно», на наш взгляд, носят организационно-распорядительный (планы проведения ОРМ; планы по делам оперативного учета (далее — ДОУ)) или информационно-справочный характер (справки; агентурные записки и сообщения; записки и сообщения осведомителя). Их оформление, безусловно, необходимо, однако они преследуют иные, нежели правоприменительные акты, цели. В связи с этим ни факт оформления таких документов, ни их содержание не должны восприниматься и оцениваться как правоприменительные акты, порождающие соответствующие правовые последствия. Так, разного рода планы, хоть и включают в себя перечень определенных мероприятий с исполнителями и сроками реализации, резолюциями утверждения и согласования соответствующими руководителями и прочими реквизитами официального документа, не должны восприниматься контролирующими и надзирающими за ОРД органами как форма реализации правоприменительной функции. Потребность в таких планах нами не оспаривается, а, напротив, рассматривается как незаменимый атрибут целенаправленной эффективной правоприменительной деятельности. В то же время, полагаем, целью таких документов является не реализация права с использованием данных государством полномочий, а упорядочение целей и задач, решение которых как раз оформляется правоприменительными актами. Что касается различных справок и сообщений, то их суть —

в передаче некоей информации, которая может быть принята и использована адресатом либо отклонена как недостоверная, несущественная либо не имеющая отношения к решению задач, стоящих перед оперативно-розыскными органами. Сведения, содержащиеся в таких документах, могут иметь ориентирующий характер, однако сами документы даже в случае их рассекречивания (справки) не будут являться правоприменительными актами.

Пометка «для служебного пользования», как показало проведенное исследование, практически не используется в оперативно-розыскной сфере (описи документов и подобные им нами осознанно не упоминаются), что не ограничивает оперативно-розыскные органы создавать и использовать такие документы. Их содержание, хоть и не подвергается столь строгому контролю, как в случаях с документами с грифами «секретно» и «совершенно секретно», доступ к ним также ограничен, а работа с ними регламентирована ведомственным приказом.

Одним из современных «трендов» оперативно-розыскной деятельности является использование открытых (гласных, несекретных) правоприменительных актов. К таковым можно отнести протоколы, акты, распоряжения и др. С одной стороны, это сближает правоприменителей из оперативно-розыскной и уголовно-процессуальной сфер, позволяя представителям последней без каких-либо ограничений анализировать и использовать результаты ОРД. С другой — в открытых правоприменительных актах нашли отражение некоторые особенности оформления оперативно-служебных документов закрытого характера, что, несмотря на сходство с аналогичными по содержанию уголовно-процессуальными документами, создает предпосылки недоверия к результатам ОРД. Это сходство при их безусловной легитимности неоднозначно воспринимается процессуалистами, полагающими, что в этом случае имеет место подмена уголовно-процессуальных мер оперативно-розыскными³. В качестве примера можно привести приказ МВД России № 199⁴, утвердивший порядок проведения гласного обследования нежилых помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств. Все правоприменительные акты, оформляемые при проведении данного ОРМ, имеют открытый характер, и по содержанию указанное ОРМ является оперативно-розыскным аналогом обыска. Тем не менее можно утверждать, что речь в этом случае идет не о подмене, а о самостоятельном правоприменительном процессе, значимость результатов которого безусловна, несмотря на то что Инструкция имеет ряд существенных недостатков⁵.

На наш взгляд, наличие или отсутствие соответствующего грифа секретности (пометки) на том или ином правоприменительном документе не является фактором, ставящим под сомнение его легитимность. Важным обстоятельством служит не наличие ограничительного грифа, а законность и обоснованность принятия того или иного решения, воплощенного в правоприменительном акте. Даже в тех случаях, когда правоприменительный акт носит ограничительный характер, что существенно сужает круг лиц, имеющих право с ним ознакомиться, действующими нормативными правовыми актами

предусмотрены различные формы контроля и надзора, выступающие гарантами законности его вынесения. Вместе с тем следует признать, что ограниченный характер распространения таких документов накладывает определенные запреты на их создание, пересылку, передачу, ознакомление, копирование и прочие действия, которые должны осуществляться в установленном порядке.

2. По сфере использования правоприменительные акты подразделяются на:

а) акты в сфере конфиденциального содействия (контракт, заключение об исключении из агентурного аппарата, рапорт на проведение вербовочной беседы);

б) акты в сфере оперативной проверки/разработки/обеспечения предварительного расследования (постановления на проведение различных ОРМ; ходатайства перед судом о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан; постановления о заведении, продлении и прекращении ДОУ и пр.);

в) акты в сфере проведения проверочных мероприятий (на допуск к сведениям, составляющим государственную тайну; при назначении на государственные должности Российской Федерации и ее субъектов; при назначении на должность судьи; при проверке достоверности сведений о законности происхождения денег, ценностей, иного имущества и доходов от них у близких родственников и близких лиц лица, совершившего террористический акт, и пр.).

3. По субъекту, издавшему правоприменительный акт, различаются документы, подготовленные:

а) исполнителями-сотрудниками оперативных подразделений;

б) руководителями органов, наделенных правом осуществления оперативно-розыскной деятельности;

в) судьями.

Полагаем, что оперативные сотрудники вправе оформлять правоприменительный акт по своему усмотрению в случаях, оговоренных действующими нормативными правовыми актами. При этом необходимо вести речь о персональной ответственности правоприменителя не только за негативные последствия реализации правоприменительного акта (при их наступлении), но и за обоснованность такового. При оформлении правоприменительного акта руководителем органа, наделенного правом осуществления оперативно-розыскной деятельности, имеет место солидарная ответственность исполнителя и руководителя, утвердившего и согласовавшего (при необходимости) правоприменительный акт. Что касается судьи, который формально не участвует в оперативно-розыскной деятельности, а лишь дает разрешение на проведение ОРМ, ограничивающих права граждан, то здесь, на наш взгляд, также налицо солидарная ответственность инициатора мероприятия и соответствующего судьи. Данный тезис вытекает из того обстоятельства, что последний, принимая положительное решение, высказывает тем самым поддержку оперативному сотруднику, одобряет и признает законными его намерения ограничить законные интересы граждан. К сожалению, проведенное исследование показало, что ответственность за ненадлежащее оформление правоприменительного акта возлагается на исполнителя, а не на руководителя органа, наделенного правом осуществления оперативно-розыскной деятельности.

менительных актов, как правило, несет инициатор того или иного мероприятия, при том что документы, представляемые на утверждение, руководителями и судьями практически не изучаются и не оцениваются с позиций обоснованности и законности. Полагаем, что причиной этого является не только высокая загруженность руководителей и судей, не способных порой физически изучить все материалы, но и фактическое отсутствие адекватной ответственности за принимаемые решения.

4. По сроку действия правоприменительные акты могут быть разовыми, длящимися и отсроченными. К первым относятся документы, оформляемые в зависимости от частной оперативно-тактической ситуации, не имеющие срока действия и ограничивающиеся конкретным фактом, действием или объектом воздействия, например рапорт на привлечение к сотрудничеству. Длящиеся правоприменительные акты, прежде всего, имеют срок действия, который может быть конкретным или неопределенным. Длящиеся правоприменительные акты с конкретным сроком действия — документы, содержащие точную дату начала и окончания действия (например, контракты о сотрудничестве) либо только начала, но при наличии нормативно определенного периода выполнения каких-либо мероприятий (например, задания на проведение оперативно-технических и оперативно-поисковых мероприятий). Правоприменительные акты с неопределенным сроком действия содержат только дату начала правоприменительной деятельности без указания сроков ее окончания (например, постановление о проведении ОРМ, постановление о заведении ДОУ). Заметим, что отсутствие сроков окончания действия правоприменительного акта не означает его бесконтрольности во времени и права субъектов ОРД бессрочно проводить мероприятие, выступающее предметом правоприменительного акта. Условный период его действия ограничен объемом закрепленных в правоприменительном акте целей и задач, решение которых предопределяет окончание действия правоприменительного акта. Использование в оперативно-розыскной деятельности правоприменительных актов отсроченного действия обосновано эпизодическим отсутствием у оперативно-розыскных органов возможности прогнозирования сроков его начала и (или) окончания, в результате чего реализация того или иного правоприменительного решения, воплощенного в соответствующем акте, формально не определена во времени. Полагаем, в этом случае уместно рассуждать о подготовке правоприменительного акта, действие которого зависит от складывающейся оперативно-тактической ситуации, оцениваемой по усмотрению правоприменителя (например, при вынесении постановления о проведении ОРМ, связанного с негласным обследованием жилища, целесообразность сроков проведения которого зависит от возможности обеспечения негласности проводимого мероприятия).

5. По характеру сведений, послуживших основанием для подготовки правоприменительных актов, документы можно разделить на первичные и вторичные (достоверные). Под первичными правоприменительными актами нами понимаются документы, в основу которых положена еще не проверенная информация, поступившая

из агентурных и иных субъективных источников, требующая подтверждения иными законными средствами. Первичность правоприменительных актов, на наш взгляд, не должна ассоциироваться с незаконной деятельностью, что следует из анализа оснований проведения оперативно-розыскных мероприятий (ч. 2 ст. 7 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности»), согласно которым не конкретизируется степень достоверности информации, послужившей основанием проведения ОРМ, но указывается, что оперативно-розыскным органам известно о ее наличии относительно признаков противоправной деятельности. Примером такой разновидности правоприменительных актов является постановление о заведении дела предварительной оперативной проверки, которое, будучи не проверенным с позиции достоверности, после надлежащего оформления создает условия для проведения всего комплекса оперативно-розыскных мероприятий в течение 6 месяцев (с возможностью продления до одного года)⁶. Вторичные или достоверные правоприменительные акты, напротив, оперируют проверенными сведениями, что в определенном смысле повышает их значимость с позиции закона.

В то же время проведенное исследование показало, что правоприменительные акты данной категории, как правило, опираются на первичные документы, служат их логическим продолжением. И это вполне оправданно, на наш взгляд, если учесть, что объектами правоприменительной деятельности в данном случае выступают лица, действительно причастные к совершению преступлений, информация о которых приобретает в абсолютном большинстве случаев из первичных источников. Уточним, что нами не противопоставляются первичные и вторичные (достоверные) правоприменительные акты, мы не говорим о конкуренции или противоречии их друг другу. Они находятся в диалектическом единстве, что формирует специфику оперативно-розыскного правоприменительного процесса. Вместе с тем, признавая значимость и незаменимость первичных правоприменительных актов, отметим, что основная сфера их применения — сугубо внутрисистемная организационно-тактическая деятельность, результаты которой довольно редко становятся предметом изучения органов предварительного следствия и суда и используются преимущественно для формирования относительно четкого представления о каком-либо объекте, к которому имеется оперативный интерес.

6. По направленности правоприменительные акты можно разделить на:

- а) обязывающие, в основе которых лежат односторонние или взаимные обязательства сторон оперативно-розыскных правоотношений (контракт о конфиденциальном сотрудничестве, задание на проведение мероприятия и др.);
- б) ходатайствующие, в рамках которых правоприменитель запрашивает разрешение на какое-либо действие (рапорты, постановления-ходатайства перед судом и др.);
- в) уполномочивающие, наделяющие правоприменителя правом принятия решения или проведения мероприятия (постановление о проведении мероприятия, постановление о заведении/прекращении ДОУ);

г) информативные, призванные зафиксировать определенную обстановку, действие в целях последующего использования зафиксированных сведений в оперативно-розыском процессе (протоколы)⁷.

7. По степени сложности правоприменительные акты подразделяются на простые и комплексные. Простые акты направлены на решение одной задачи либо реализацию одного мероприятия. Комплексные акты затрагивают несколько фактов (эпизодов преступной деятельности); предусматривают некоторое количество проводимых (запланированных) мероприятий; адресованы нескольким исполнителям. Примерами комплексных правоприменительных актов являются постановления о заведении ДОУ, акт проверочной закупки и др. На наш взгляд, применительно к данному основанию классификации уместно обозначить два важных аспекта. Во-первых, планы не носят характера правоприменительного акта. Дело в том, что, несмотря на внешнее сходство с иными, образующимися в ОРД документами, план (проведения ОРМ, оперативной разработки, предварительной оперативной проверки) представляет собой организационно-управленческий документ, не порождающий последствий правоприменительной деятельности. Безусловно, его значимость неоспорима, однако запланированные в нем мероприятия с указанием сроков и исполнителей не должны восприниматься участниками оперативно-розыских правоотношений как основания для возникновения правовых последствий. Полагаем, правовые последствия появляются лишь при проведении конкретных мероприятий, но не в результате утверждения какого-либо плана. Во-вторых, дела оперативного учета не относятся к правоприменительным актам. Ранее мы обозначили, что правоприменительный акт — это документ, в то время как дело представляет собой совокупность таких документов, каждый из которых обладает собственной целью и предметом регулирования.

8. По способу фиксации правоприменительные акты можно разделить на рукописные и печатные. В соответствии с действующими нормативными правовыми актами в сфере ОРД правоприменительные акты могут изготавливаться любым установленным способом при условии наличия в них обязательных реквизитов, например: сведений о степени секретности (при наличии), даты, подписи и пр. Полагаем, что факт рукописного оформления правоприменительного акта не является основанием для признания его недействительным при том, однако, что такой способ оформления документов представляется нам устаревшим и крайне незргономичным в современных условиях развития научно-технического прогресса.

Предлагая составленную классификацию правоприменительных актов, считаем, что назрела необходимость систематизировать и унифицировать перечень оформляемых в рамках ОРД правоприменительных актов, в число которых входят:

— постановление (на проведение ОРМ, на заведение/продление/прекращение ДОУ, на привлечение к сотрудничеству, о прекращении сотрудничества, постановления-ходатайства перед судом о проведении ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан,

и др.). Полагаем, иные документы аналогичного свойства должны быть исключены и заменены постановлениями как в полной мере соответствующими назначению правоприменительного акта такой категории;

— рапорт (об обнаружении признаков преступления, о проведении ОРМ, о проведении вербовочной беседы и т. д.);

— протокол (изъятия, проведения ОРМ и др.);

— запрос-задание (на проведение ОРМ, на представление информации и т. д.).

Иные, образующиеся в рамках оперативно-розыскной деятельности документы, на наш взгляд, носят информационный, организационно-распорядительный или обеспечительный характер.

¹ Гусев В. А., Луговик В. Ф. Теория оперативно-розыскных процедур : монография. М., 2019. С. 33–34.

² Веркиенко Л. Ю. Применение права органами исполнительной власти : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 65–67 ; Илясов А. Н. Правоприменительная техника и правоприменительная технология (теоретико-правовой анализ) : дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2008. С. 63–67 ; Лазарев В. В., Левченко И. П. Правоприменительная деятельность органов внутренних дел : учеб. пособие. М., 1989. С. 39–40 ; Литвишко О. В. Правоприменяющие субъекты (общетеоретическое исследование) : дис. ... канд. юрид. наук. Тамбов, 2009. С. 201, 210–211 ; Теория государства и права / под ред. Н. И. Матузова, А. В. Малько. М., 1997. С. 420 ; Чванов О. Л. Механизм правоприменения : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1995. С. 144 ; и др.

³ Обыск и обследование — 5 важных отличий схожих контрольных мероприятий // ГАРАНТ.РУ. URL: <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/tarasov/1101399/#ixzz60Gw7Ggy>; <http://www.garant.ru/ia/opinion/author/tarasov/1101399/> (дата обращения: 22.09.2019).

⁴ Об утверждении Инструкции о порядке проведения сотрудниками органов внутренних дел Российской Федерации гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств и Перечня должностных лиц органов внутренних дел Российской Федерации, уполномоченных издавать распоряжения о проведении гласного оперативно-розыскного мероприятия обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств : приказ МВД России от 1 апреля 2014 г. № 199.

⁵ Подробнее см.: Бакланов Л. А. Гласное обследование помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел : монография. Тюмень, 2015. 126 с. ; Четчин А. Е., Каунов А. В. О правовом регулировании гласного обследования в оперативно-розыскной деятельности // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2018. № 4. С. 140–150.

⁶ В качестве примеров первичных правоприменительных актов можно назвать также задания на проведение оперативной установки, запросы в организации и учреждения, задания агентурному аппарату, рапорт на проведение проверочных мероприятий в отношении кандидата на вербовку и пр.

⁷ Полагаем, что такие часто оформляемые в настоящее время в оперативно-розыскной сфере документы, как справки, сводки, агентурные записки (сообщения) и пр., не являются правоприменительными актами, поскольку не отражают какого-либо волеизъявления и предмета воздействия. Однако они могут служить основой или дополнением к правоприменительному акту. Акты в различных формах также не являются, на наш взгляд, актами правоприменения, поскольку призваны лишь зафиксировать какую-либо обстановку или событие по аналогии со схемой или фото-, видеосъемкой.

Признаки мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности

Шаламов Герман Валерьевич, кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Рассматриваются признаки мер принуждения, используемого в уголовно-процессуальной и административной деятельности органов внутренних дел, и на их основе выделяются возможные признаки, характеризующие принудительные меры, применяемые в оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: признаки; меры принуждения; оперативно-розыскная деятельность; оперативные подразделения органов внутренних дел.

Оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД), являясь неотъемлемой частью правоохранительной деятельности уполномоченных на то государственных органов, по своей сути, есть деятельность принудительная, при осуществлении которой оперативные сотрудники органов внутренних дел, вступая в какие-либо правоотношения с окружающими, оказывают на них определенное давление, вынуждая к взаимодействию с ними. Такие действия со стороны оперативников могут встретить противодействие, выражаемое в широких пределах от пассивного неповиновения до прямого сопротивления, преодолеваемое путем применения каких-либо мер принуждения. Подобная ситуация говорит о том, что в арсенале органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, должны присутствовать некие инструменты, воспользовавшись которыми сотрудники этого органа могут принудить отдельных лиц или группы, а также какие-либо организации или учреждения к выполнению требуемых оперативным органом действий. К такому же выводу приходит и доктор юридических наук, доцент В. А. Гусев, обосновывая, что оперативно-розыскные органы должны быть наделены таким атрибутом государственности, как принудительная сила¹. При этом следует отметить, что иные, сходные с оперативно-розыскной деятельностью виды правоохранительной деятельности, например административная или уголовно-процессуальная, имеют регламентированный в соответствующих нормативных правовых актах² арсенал мер принуждения, а оперативно-розыскная деятельность таким нормативно закрепленным инструментарием не обладает.

В данной статье мы ставим перед собой цель сравнить признаки используемых в уголовно-процессуальной и административной деятельности правоохранительных органов мер принуждения и на основе полученных результатов определить характерные черты принудительных мер, которыми должны обладать меры принуждения, используемые в оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел.

Переходя непосредственно к сути, отметим, что мы, несомненно, знакомы с результатами исследований доктора юридических наук, профессора А. Е. Чечетина, который пришел к выводу о том, что «в современной оперативно-розыскной практике гласное проведение ряда

ОРМ все чаще осуществляется в принудительной форме, ограничивающей права личности»³. Опираясь на достигнутые уважаемым ученым результаты и соглашаясь с его мнением о том, что «существующее правовое регулирование, не предусматривающее оснований, условий и порядка на применение принуждения в ОРД, не создает необходимых законодательных предпосылок для признания допустимости принудительного осуществления гласных ОРМ»⁴, мы сосредоточимся не на принудительном осуществлении гласных ОРМ, а на «принуждении к надлежащему поведению» или «принуждении к миру» при осуществлении оперативно-розыскной деятельности.

Достижение поставленной нами цели предполагает, на наш взгляд, решение таких задач, как:

— краткий анализ применяемых в административной и уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел мер принуждения;

— анализ отдельных аспектов деятельности оперативного сотрудника и их сопоставление с используемыми органами внутренних дел мерами административного и уголовно-процессуального принуждения.

Выбор нами в качестве объекта анализа и сравнения административной и уголовно-процессуальной деятельности органов внутренних дел обусловлен тем, что указанные виды деятельности по своему содержанию, целям и задачам наиболее близки оперативно-розыскной деятельности, осуществляемой оперативными подразделениями органов внутренних дел⁵.

Приступая к решению первой обозначенной нами задачи, сконцентрируем внимание на определениях и признаках мер принуждения, используемых в уголовно-процессуальной и административной деятельности.

Изучив различные имеющиеся в науке понятия мер уголовно-процессуального принуждения, считаем возможным сказать, что меры уголовно-процессуального принуждения — это предусмотренные законом принудительные средства, используемые уполномоченными на то лицами в отношении подозреваемого, обвиняемого, свидетеля, потерпевшего и других участников уголовно-процессуальных правоотношений при наличии к тому достаточных оснований и в порядке, установленном законом, в целях обеспечения процесса доказывания по уголовному делу и осуществления уголовного преследования

и справедливого разрешения уголовного дела, а также собирания доказательств и обеспечения гражданского иска⁶. Данное определение указывает на следующие признаки мер уголовно-процессуального принуждения:

- применяются тем должностным лицом или органом, в производстве которого находится уголовное дело в данный момент;

- применяются не только к лицам, которые подвергаются уголовному преследованию, но и к другим участникам уголовного судопроизводства;

- выражаются в форме каких-либо лишений или ограничений, например лишение свободы, ограничение права собственности и др.;

- могут быть применены на всем протяжении уголовного судопроизводства.

В свою очередь, изучение понятий мер принуждения в административной деятельности органов внутренних дел относительно решения поставленной нами задачи позволяет в качестве таковых определить установленные нормами административного права меры, применяемые субъектами государственной власти в целях предупреждения правонарушений, угроз общественной или личной безопасности либо в чрезвычайных обстоятельствах⁷.

Анализ результатов исследований, полученных другими учеными, позволил выделить ряд признаков мер административного принуждения:

- применяются тем должностным лицом или органом, ведущим административное производство в данный момент;

- могут быть применены не только в связи с противоправным действием, но и в связи с вероятностью его совершения;

- выражаются в форме каких-либо ограничений, применяемых в отношении лица, имущества или прав;

- воздействию могут быть подвергнуты как отдельные физические лица, так и коллективные субъекты, в том числе юридические лица;

- могут быть применены на всем протяжении административной деятельности.

Проводя сравнение мер принуждения, применяемых в уголовно-процессуальной и административной деятельности органов внутренних дел, отметим, что присутствует ряд признаков, которые позволяют говорить об их сходстве.

Первым из них можно назвать специальный субъект применения, в роли которого выступает не просто сотрудник органа внутренних дел или полиции, а должностное лицо правоохранительного органа, осуществляющее соответствующие возложенные на него законом действия, а именно производство по уголовному делу или делу об административном правонарушении или обеспечении охраны общественного порядка.

Вторым выделяемым нами признаком выступает универсальность мер принуждения, которая заключается в том, что им могут быть подвергнуты, во-первых, как отдельные физические лица, так и целые группы людей, а во-вторых, как физические, так и юридические лица, являющиеся участниками определенных правоотношений.

Третий признак — возможность применения мер принуждения в любой момент на всем протяжении осуществления административного или уголовно-процессуального производства в зависимости от необходимости.

И наконец, четвертый — анализ форм используемых органами внутренних дел мер принуждения, регламентированных уголовно-процессуальным или административным законодательством, позволяет говорить о том, что указанные меры имеют форму каких-либо лишений или ограничений, накладываемых на лиц, как физических, так и юридических, их имущество или какие-либо права.

Опираясь на высказанный ранее нами тезис о том, что оперативно-розыскная деятельность органов внутренних дел сходна с уголовно-процессуальной и административной деятельностью ОВД, можно предположить, что и меры принуждения, применяемые оперативными подразделениями органов внутренних дел, могут характеризоваться признаками, указанными выше.

Переходя к решению второй поставленной нами задачи, считаем необходимым сказать, что в качестве результата мы ожидаем не вывод о существовании мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности, а некий умозрительный образ, которому соответствовали бы принудительные меры, находящиеся в арсенале оперативных сотрудников органов внутренних дел и используемые ими в рамках осуществления оперативно-розыскной деятельности. Кроме того, полагаем возможным предложить для обозначения принудительных средств и методов, применяемых при осуществлении оперативно-розыскной деятельности, термин «меры обеспечения оперативно-розыскного производства» (далее — меры обеспечения), используемый доктором юридических наук, профессором В. Ф. Луговиком в своей работе⁸.

В первую очередь обратим внимание на субъекта применения рассматриваемых мер обеспечения. Результаты проведенного выше анализа говорят о том, что это должен быть специальный субъект, в роли которого с учетом требований нормативных правовых актов, регламентирующих оперативно-розыскную деятельность, выступает должностное лицо оперативного органа, осуществляющее возложенные на него законом действия, т. е. непосредственно оперативный сотрудник органов внутренних дел. Конечно, к участию в оперативно-розыскных мероприятиях могут быть привлечены и иные лица (сотрудники не оперативных подразделений ОВД, оказывающие содействие и т. п.), но на них возлагается лишь оказание помощи в выполнении части работы и действуют они исключительно по поручению и под контролем оперативного сотрудника, несущего всю полноту ответственности за совершенные действия и полученный результат.

В рамках изложенного остается дискуссионным вопрос о том, кто именно может выполнить принудительные действия — оперативный сотрудник или иной субъект, участвующий в оперативно-розыскной деятельности по его поручению. Причиной такого сомнения является факт, что в некоторых случаях применение органами внутренних дел мер административного или уголовно-

процессуального принуждения лицами, документально оформляющими применение принуждения, например вынесение соответствующего постановления, и лицами, фактически его реализующими, могут оказаться разные сотрудники. При этом все же необходимо отметить, что все они сотрудники органов внутренних дел либо иных правоохранительных органов или организаций, в соответствии с законом наделенные правом на осуществление этих действий. Основываясь на правоприменительной практике, полагаем допустимой аналогичную ситуацию и в оперативно-розыскной деятельности, т. е. в качестве субъекта фактического применения мер обеспечения может выступать сотрудник оперативного или иного взаимодействующего с ним подразделения органов внутренних дел, действующий по его поручению.

Переходя ко второму возможному признаку мер обеспечения, применяемых в оперативно-розыскной деятельности, укажем, что анализ действующего нормативного регулирования оперативно-розыскной деятельности позволяет сделать однозначный вывод о том, что она (деятельность) может осуществляться как в отношении физического лица либо группы лиц, так и в отношении юридического лица. В качестве демонстрационного образца, наиболее наглядно отражающего универсальность применения принуждения в ОРД, мы предлагаем использовать закрепленное в ст. 15 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»⁹ (далее — Закон об ОРД) право органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, проводить «изъятие документов, предметов, материалов и сообщений, а также прерывать предоставление услуг связи». Упомянутая выше норма процитирована нами не полностью в силу того, что важен сам факт осуществления «изъятия» и «прерывания», а не их конкретные основания.

Анализ правоприменительной практики показывает, что данная статья применяется как к физическим лицам, отдельным гражданам или группам, так и к юридическим лицам, что говорит о ее универсальности в части объекта, на который она направлена. На такую универсальность этого права указывает также предусмотренная в этой же статье обязательность выполнения законных требований должностных лиц органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность, физическими и юридическими лицами, к которым они предъявлены. О том, что данное право является именно принудительной мерой, говорит сама формулировка нормы, допускающая не только отсутствие согласия со стороны объекта применения на реализацию в отношении него оперативным сотрудником органов внутренних дел своего права «изъять» или «прервать», так и в отдельных случаях необязательность уведомления лица о том, что такие действия вообще были проведены.

Что касается третьего признака, то следует сказать, что оперативно-розыскная деятельность, в отличие от уголовно-процессуальной или административной деятельности органов внутренних дел, имеет менее четкие критерии начала и конца осуществления. При этом суть оперативно-розыскной деятельности такова, что

оперативный сотрудник вправе использовать весь ее инструментарий, т. е. предоставляемые законом и подзаконными нормативными актами средства, методы и меры, в любом из условных отрезков ее осуществления. Это напрямую указывает на то, что и такие права, как, например предоставленные ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД, могут быть применены в любой момент.

Рассматривая последний, но не менее важный признак мер обеспечения, мы вновь обратимся к ст. 15 Закона об ОРД. Аргументируя свою точку зрения, обратим внимание на толкование слов «изъять» и «прервать», которые в юридическом смысле фактически означают «конфисковать» и «резко приостановить, прекратить» соответственно. Учитывая сказанное, можно сделать вывод о том, что предоставленные ст. 15 Закона об ОРД права «изъять» и «прервать» в полной мере попадают под критерии «лишения» и «ограничения», претерпеваемые неким лицом, в отношении которого эти меры приняты. Кроме того, о принудительном характере прав, предоставленных оперативным сотрудникам Законом об ОРД, грозящих «лишениями и ограничениями», говорит и последняя часть упомянутой статьи, предусматривающая что «неисполнение законных требований... либо воспрепятствование... влекут ответственность...».

Таким образом, некоторые имеющиеся в арсенале оперативного сотрудника средства и методы осуществления оперативно-розыскной деятельности по своим признакам соответствуют признакам мер принуждения, используемым в иных видах правоохранительной деятельности органов внутренних дел, а значит, мы вправе говорить о де-факто присутствующих в оперативно-розыскной деятельности предусмотренных законом принудительных мерах и отвечающих таким их признакам, как:

- специальный субъект применения;
- универсальность объекта применения;
- возможность применения в любой момент на всем протяжении осуществления производства;
- выраженность в форме каких-либо лишений или ограничений.

Описанные в настоящей статье признаки мер обеспечения в оперативно-розыскной деятельности, конечно, неспособны склонить чашу весов в сторону признания существования мер принуждения в оперативно-розыскной деятельности. Однако, возможно, могут быть полезным инструментом в дальнейшем при более тщательном научном поиске, результатом которого станут не только констатация и фактическое определение понятия таких мер, но и их детальное описание.

¹ Гусев В. А. Параллельная реальность принуждения в оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2015. № 3(44). С. 40.

² См., напр.: Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (в актуальной редакции) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 52, ч. 1, ст. 4921; Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в актуальной редакции) // Там же. 2002. № 1, ч. 1, ст. 1; О поли-

ции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (в актуальной редакции) // Там же. 2011. № 7, ст. 900.

³ Чечетин А. Е. Современная оперативно-розыскная деятельность и принуждение // *Оперативник* (сыщик). 2015. № 1(42). С. 40.

⁴ Там же.

⁵ О соотношении целей и задач оперативно-розыскной, уголовно-процессуальной и административной деятельности органов внутренних дел подробнее см., напр.: Затолокин А. А. Соотношение оперативно-розыскной и административной деятельности полиции при надзоре за дорожным движением // *Вестник Барнаульского юридического института*. 2017. Вып. № 1(32). С. 9–11 ; Зеленская Т. В. Соотношение уголовно-процессуальной и оперативно-розыскной деятельности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Иркутск, 2007. С. 7–10 ; *Теория оперативно-розыскной деятельности* : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, Г. К. Синилова. М., 2006. С. 5–13 ; и др.

⁶ О мерах принуждения в уголовном процессе подробнее см., напр.: Калинина Т. М. Иные меры уголовно-правового

характера: проблемы теории, законодательного регулирования и практики применения : монография. М., 2011 ; Мельников В. Ю. Меры принуждения в уголовном процессе России : монография. М., 2014. С. 5–24 ; Муравьев К. В. Меры процессуального принуждения — особые средства уголовно-правового воздействия: доктрина, применение, оптимизация : монография. Омск, 2017. С. 51–84 ; и др.

⁷ О мерах принуждения в уголовном процессе подробнее см., напр.: Бахрах Д. Н. Административное право Российской Федерации (России) : курс лекций по Общей части административного права. Екатеринбург, 1993. С. 29–32 ; Братановский С. Н. Административное право. Общая часть : учебник. М., 2013 ; Щербакова К. В. Понятие и виды мер административного принуждения // *Молодой ученый*. 2017. № 3. С. 38–41 ; и др.

⁸ Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014. С. 54.

⁹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // *Собрание законодательства Российской Федерации*. 1995. № 33, ст. 3349.

Осуществление органами внутренних дел прерывания предоставления услуг связи

Баженов Сергей Викторович, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Рассматриваются содержание, процедура прерывания органами внутренних дел предоставления услуг связи. Исследуются правовые основания данного мероприятия, предлагаются изменения в законодательство, направленные на повышение эффективности его использования.

Ключевые слова: прерывание; приостановление; ограничение; услуги связи; сети связи; оперативно-розыскная деятельность; контртеррористическая деятельность.

В случае наступления чрезвычайных ситуаций природного или техногенного характера при проведении оперативно-розыскных мероприятий, специальных операций, у сотрудников полиции нередко возникает необходимость предотвратить распространение какой-либо информации, не допустить прохождения какого-либо сигнала по сетям связи. Данные цели достигаются прерыванием предоставления услуг связи.

Данное мероприятие в разных ситуациях имеет значительные отличия по масштабу, субъекту, механизму проведения и т. п. Попытаемся представить наш вариант классификации разновидностей прерывания предоставления услуг связи по этим основаниям. В частности, в зависимости от масштаба это действие можно подразделить на проводимое в отношении:

- конкретного человека или группы лиц;
- неопределенного круга лиц, находящихся на ограниченной территории.

В отношении конкретного человека или группы лиц прерывание предоставления услуг связи обычно проводится, если необходимо обеспечить невозможность передачи ими или получения ими какой-либо информации. Например, для нарушения связи между членами преступной группы при задержании одного из них либо при проведении их силового захвата, если известны номера их абонентских устройств.

Прерывание предоставления услуг связи на определенной территории осуществляется, как правило, в рамках действия чрезвычайного правового режима для предотвращения утечки либо поступления информации, но уже не в отношении отдельных лиц, а на определенной территории. В нормативных правовых актах мероприятия такого рода обычно именуются ограничением использования сетей связи и средств связи.

На наш взгляд, ограничение использования сетей связи и средств связи следует применять в целях недопущения взрыва при обнаружении дистанционно управляемого взрывного устройства; обеспечения режима сохранения тайны при выдвижении спецподразделений к району проведения операции или на исходные позиции для штурма; нарушения связи между членами преступной группы при задержании одного из них либо при проведении их силового захвата, если данные об их средствах связи отсутствуют; предотвращения паники при воз-

никновении чрезвычайной ситуации природного или техногенного характера и т. п.

Причем если приостановление оказания услуг связи одному абоненту серьезных вопросов не вызывает, то при ограничении использования сетей связи и средств связи, охватывающем район проведения контртеррористической операции, могут быть отключены либо заблокированы каналы электрической, сотовой, спутниковой связи, радиосвязи, линии связи интернета (в том числе и локальные компьютерные сети), телеграф и пр.

Большую проблему составляет приостановление или ограничение использования сетей ведомственных АТС (железнодорожных и т. п.), спутниковой связи и кабельных каналов сети Интернет. Было бы целесообразно обязать интернет-провайдеров и руководство ведомственных станций связи предоставлять в подразделения специальных технических операций анкетные данные и адреса конечных пользователей. Так, еще в 2001 г. в ходе одной из операций с участием Интерпола в Испании был временно заблокирован доступ к сети Интернет фигурантов и лиц, подозреваемых в связях с ними, в целях исключения утечки информации и предупреждения ими друг друга¹. Следует отметить, что и в нашей стране для осуществления специальных технических мероприятий (СТМ) в рассматриваемой сфере в структуре БСТМ МВД России создано специализированное управление.

Ограничение предоставления услуг связи может быть полным и частичным, так как в некоторых случаях допускается использование средств связи на прием, чтобы довести до их хозяев информацию о вводимых ограничениях при полном отключении их передающей функции. Кроме того, одна из российских компаний предлагает даже «интеллектуальные глушилки», точнее, блокираторы или подавители сигнала. Это устройство не излучает помехи постоянно, а ловит момент, когда включенный сотовый телефон пытается выйти в эфир. В это мгновение подавитель излучает сверхкороткую небольшую помеху, не позволяя телефону выйти на связь. Аппарат остается на обслуживании в сети, но сигнал вызова абонента не проходит. Радиус действия такой аппаратуры более 30 м, причем она может быть совмещена с системой идентификации абонента².

Если основанием классификации избрать субъект осуществления, то выделяется прерывание, осуществ-

вляемое непосредственно оперативным сотрудником или лицом, содействующим органам внутренних дел; подразделениями специальных технических мероприятий; иными подразделениями органов внутренних дел; операторами связи.

Непосредственно оперативным сотрудником прерывание осуществляется в случае крайней необходимости в отношении проводной связи, а также в случае наличия аппаратуры глушения радиосигнала типа «Пелена». Кроме того, возможна ситуация, когда сотрудник или лицо, ему содействующее, могут изъять или вывести из строя устройство связи преступника. БСТМ, как правило, привлекается, если необходимость в прерывании предоставления услуг связи возникла при проведении специальных технических мероприятий. При использовании изделия «Пелена» и сходных с ним по действию могут быть привлечены подразделения связи МВД. И наконец, для отключения абонентов или базовых станций на определенной территории органы внутренних дел могут прибегнуть к услугам сотовых операторов или интернет-операторов.

В зависимости от механизма прерывания можно выделить механическое повреждение или разукрупнение абонентских устройств или сетей связи, изъятие (в том числе негласное) абонентских устройств, создание помех на сетях связи и отключение аппаратуры оператора связи.

Правовую основу осуществления этого мероприятия составляют в первую очередь федеральные законы «Об оперативно-розыскной деятельности»³ (далее — Закон об ОРД) и «О противодействии терроризму»⁴. В соответствии с ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД при решении задач оперативно-розыскной деятельности органы, уполномоченные ее осуществлять, имеют право прерывать предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Пункт 7 ч. 3 ст. 11 Федерального закона «О противодействии терроризму», раскрывающий правовой режим контртеррористической операции, регламентирует приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи на территории (объектах), в пределах которой (на которых) введен правовой режим контртеррористической операции, в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации, на период проведения контртеррористической операции.

В соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 895⁵ во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера при приостановлении использования сетей связи и средств связи разрешается полное прекращение их использования другими пользователями на период проведения работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций, а при ограничении использования любых сетей связи и средств связи возможно сокращение их

использования другими пользователями (изменение режимов работы средств связи, объемов оказываемых услуг связи и т. д.) на период проведения работ по ликвидации чрезвычайных ситуаций. Иными словами, приостановление оказания услуг связи допускает полное прекращение использования услуг связи. Ограничение использования сетей связи и средств связи осуществляется в отношении неопределенного круга лиц и допускает возможность отключения отдельных функций связи. Например, в случае обнаружения взрывного устройства со взрывателем, инициирующимся с помощью мобильной связи, будут отключены базовые станции, через которые можно передать сигнал на подрыв устройства.

Из содержания ч. 3 ст. 64 Федерального закона «О связи» следует, что оказание услуг связи юридическим и физическим лицам приостанавливается операторами связи «на основании мотивированного решения в письменной форме одного из руководителей органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами»⁶. Причем в ст. 15 Закона об ОРД введение правового режима контртеррористической операции в списке оснований для приостановления оказания услуг связи отсутствует, хотя контртеррористическая операция часто проводится уже после совершения террористического акта, когда непосредственная угроза жизни и здоровью граждан уже миновала.

Интерес представляет также ст. 65 Закона «О связи», согласно которой при введении чрезвычайного положения могут быть образованы временные специальные органы управления, которым передаются соответствующие полномочия федерального органа исполнительной власти в области связи и которые могут организовать приостановление и ограничение использования сетей связи и средств связи.

Приостановление и ограничение использования сетей связи и средств связи при введении правового режима контртеррористической операции в Федеральном законе «О связи» не предусмотрено, что, на наш взгляд, является еще одним пробелом в праве.

Следует отметить, что в результате анализа перечня временных мер и ограничений, приведенного в Федеральном конституционном законе «О чрезвычайном положении»⁷, установлено, что в нем ничего не говорится о приостановлении оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничении использования сетей связи и средств связи. В целях устранения этого пробела считаем необходимым дополнить список мер и временных ограничений, используемых при применении правового режима чрезвычайного положения, новациями, указанными в Федеральном законе «О противодействии терроризму», включив в ст. 11 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» пункт «л) следующего содержания:

«л) приостановление оказания услуг связи юридическим и физическим лицам или ограничение использования сетей связи и средств связи».

Еще одна проблема заключается в недостаточном нормативном регулировании процедуры проведения рассматриваемых мероприятий подразделениями специальных технических мероприятий органов внутренних дел. В частности, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации «Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств»⁸ ограничение использования сетей связи и средств связи и контроль телефонных переговоров должны проводиться оперативно-техническими подразделениями ФСБ. При отсутствии у органов ФСБ на объектах связи необходимых оперативно-технических возможностей они осуществляются органами внутренних дел, в то время как нормативными актами МВД России эти мероприятия не предусмотрены.

В Законе об ОРД о проведении вышеуказанных мероприятий речи также не идет, что является одним из главных препятствий для их внедрения в практику. Считаем целесообразным для регламентации процедуры прерывания предоставления услуг связи при осуществлении оперативно-розыскного обеспечения контртеррористических операций п. 1 ч. 1 ст. 15 Закона об ОРД изложить в следующей редакции: «... прерывать по постановлению начальника органа, осуществляющего оперативно-розыскную деятельность, предоставление услуг связи в случае возникновения непосредственной угрозы жизни и здоровью лица, а также угрозы государственной, военной, экономической или экологической безопасности Российской Федерации либо в случае введения правового режима контртеррористической операции или чрезвычайного положения».

Аналогичное предложение выдвинул В. Ф. Луговик в своем проекте Оперативно-розыскного кодекса Российской Федерации⁹.

Подводя итог, мы хотели бы акцентировать внимание на том, что прерывание предоставления услуг связи

является эффективной мерой в борьбе с преступностью, однако требует дополнительного правового регулирования и научного исследования.

¹ Фурманов П. А. Профильные проекты Интерпола в борьбе с транснациональной преступностью, международным терроризмом и преступлениями, совершаемыми с использованием Интернета // Информационный бюллетень национального центрального бюро Интерпола при МВД Российской Федерации. 2007. Вып. 2. С. 24.

² Зайцева С. Абонент временно недоступен // РБК. 2007. № 8. С. 112–114.

³ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О противодействии терроризму : федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Об утверждении Положения о приоритетном использовании, а также приостановлении или ограничении использования любых сетей связи и средств связи во время чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера : постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2004 г. № 895 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 1, ч. 2, ст. 132.

⁶ О связи : федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ (в ред. от 6 июля 2016 г.) // Рос. газета. 2003. 10 июля.

⁷ О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об упорядочении организации и проведения оперативно-розыскных мероприятий с использованием технических средств : указ Президента Российской Федерации от 1 сентября 1995 г. № 891. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Луговик В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации (авторский проект Федерального закона) // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2015. № 1. С. 109.

Допуск участников негласных оперативно-розыскных мероприятий к государственной тайне

Бакланов Леонид Анатольевич, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Анализируются нормы федеральных законов «Об оперативно-розыскной деятельности» и «О государственной тайне» в части допуска граждан, не являющихся сотрудниками органов внутренних дел, к государственной тайне в процессе их участия в подготовке и проведении негласных ОРМ. Делается вывод о невозможности соблюдения норм закона относительно допуска таких лиц к государственной тайне. Предлагается устранить имеющуюся проблему путем перевода сведений об организации и тактике негласных ОРМ из сведений, составляющих государственную тайну, в сведения конфиденциального характера.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; участники оперативно-розыскной деятельности; государственная тайна; сведения конфиденциального характера.

Согласно ст. 1 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — Закон об ОРД) оперативно-розыскная деятельность (далее — ОРД) — «вид деятельности, осуществляемой гласно и негласно оперативными подразделениями государственных органов, уполномоченных на то настоящим Федеральным законом, в пределах их полномочий посредством проведения оперативно-розыскных мероприятий в целях защиты жизни, здоровья, прав и свобод человека и гражданина, собственности, обеспечения безопасности общества и государства от преступных посягательств». Статьей 17 Закона об ОРД предусмотрено, что отдельные лица могут с их согласия привлекаться к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) с сохранением по их желанию конфиденциальности содействия органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в том числе по контракту. Эти лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе подготовки или проведения ОРМ. Данное положение корреспондирует со ст. 12 Закона об ОРД, в которой закреплено, что сведения об используемых или использованных при проведении негласных оперативно-розыскных мероприятий силах, средствах, источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности, а также об организации и о тактике проведения оперативно-розыскных мероприятий составляют государственную тайну.

Устанавливая необходимость и обязанность сохранения государственной тайны при осуществлении негласных ОРМ, Закон об ОРД не содержит норм, регламентирующих основания, условия и порядок непосредственного ознакомления участников негласных ОРМ со сведениями, составляющими государственную тайну.

Согласно ч. 1 ст. 2 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»² (далее — Закон о гостайне) санкционированное полномочным должностным лицом ознакомление конкретного лица со сведениями, составляющими государственную тайну, именуется доступом к государственной тайне. Доступ к государственной тайне может быть обеспечен лицу, имеющему доступ к соответствующим сведениям. Следовательно, доступу к государственной тайне в обязательном порядке должна

предшествовать процедура допуска. Статья 21 Закона о гостайне регулирует общий порядок допуска должностных лиц и граждан к государственной тайне, который содержит несколько последовательных элементов:

- принятие на себя обязательств перед государством по нераспространению доверенных им сведений, составляющих государственную тайну;
- согласие на частичные, временные ограничения их прав в соответствии со ст. 24 Закона о гостайне;
- письменное согласие на проведение в отношении них полномочными органами проверочных мероприятий;
- определение видов, размеров и порядка предоставления социальных гарантий, предусмотренных данным Законом;
- ознакомление с нормами законодательства Российской Федерации о государственной тайне, предусматривающими ответственность за его нарушение;
- принятие решения руководителем органа государственной власти, предприятия, учреждения или организации о допуске оформляемого лица к сведениям, составляющим государственную тайну.

Анализ изданных в развитие указанной нормы постановления Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63 «Об утверждении инструкции о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне» и приказа МВД России от 20 августа 2010 г. № 600 «Об утверждении инструкции о порядке допуска сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников органов внутренних дел, военнослужащих органов внутренних дел и гражданского персонала к государственной тайне» позволяет сделать вывод, что руководитель органа внутренних дел может принять решение о допуске к государственной тайне только в отношении находящегося в его подчинении сотрудника или работника органа внутренних дел. Иными словами, допускаемое к государственной тайне лицо должно быть либо сотрудником ОВД, либо работником, состоящим с ним в официальных трудовых отношениях.

Статья 21.1 Закона о гостайне предусматривает особый порядок допуска к государственной тайне отдельных категорий граждан. Члены Совета Федерации, депутаты

Государственной Думы, судьи на период исполнения ими своих полномочий, а также адвокаты, участвующие в качестве защитников в уголовном судопроизводстве по делам, связанным со сведениями, составляющими государственную тайну, допускаются к сведениям, составляющим государственную тайну, без проведения проверочных мероприятий. Указанные лица предупреждаются о неразглашении государственной тайны, ставшей им известной в связи с исполнением ими своих полномочий, и о привлечении их к ответственности в случае ее разглашения, о чем у них отбирается соответствующая расписка. Среди лиц, допускаемых к государственной тайне в особом порядке, участники негласных ОРМ не упоминаются.

Соблюдение установленного порядка допуска и доступа к сведениям, составляющим государственную тайну, является обязательным элементом ее защиты. В свою очередь, соблюдение государственной тайны при осуществлении ОРД выступает неотъемлемой составляющей закрепленного ст. 3 Закона об ОРД принципа законности.

Отсутствие регламентированной Законом о гостайне и подзаконными нормативными правовыми актами процедуры допуска и доступа участников негласных ОРМ к государственной тайне и неминуемое их ознакомление с такими сведениями ставят под сомнение правомерность проведения проверочной закупки, оперативного эксперимента, контролируемой поставки, отдельных видов оперативного внедрения, осуществляемых с участием граждан, не находящихся в трудовых либо служебных отношениях с ОВД. Решение о начале проведения указанных ОРМ принимает руководитель органа, осуществляющего ОРД, путем утверждения постановления об их проведении. Утверждая данный документ, руководитель одновременно допускает лицо к такому ОРМ, т. е. к государственной тайне. Это может навести на мысль о формальном соблюдении порядка допуска и доступа к государственной тайне, что противоречит вышеупомянутой инструкции, положения которой обязательны для исполнения³. Нарушение установленного постановлением Правительства РФ порядка не позволяет сделать вывод о соблюдении принципа законности в данном вопросе.

Анализируя правомерность доступа участников негласных ОРМ к сведениям, составляющим государственную тайну, невозможно обойти вниманием разрешаемое Законом об ОРД и широко используемое в практической деятельности привлечение сотрудников оперативного подразделения граждан к проведению не санкционируемых руководителем ОРМ, таких как опрос, наведение справок и т. д., осуществляемых в негласной форме. Заметим, что решение о привлечении граждан к негласным ОРМ и, соответственно, о допуске к государственной тайне принимается сотрудником оперативного подразделения, что даже теоретически не допускается нормативными правовыми актами в сфере защиты государственной тайны.

Полагаем, что причиной столь резкого расхождения законодательства в области защиты государственной тайны с оперативно-розыскной практикой является некачественное нормативное правовое регулирование. Под-

пункт 1 п. 4 ч. 1 ст. 5 Закона о гостайне сведения о силах, средствах, об источниках, методах, планах и результатах оперативно-розыскной деятельности относит к государственной тайне. Данная норма закона фактически игнорирует гласную оперативно-розыскную деятельность. Используемый в Законе о гостайне подход, по нашему мнению, фактически спровоцировал логическую ошибку в ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД. Указанная норма, состоящая из одного предложения, в начале к государственной тайне относит сведения о силах, средствах, планах и т. д. негласных ОРМ, а в конце государственной тайной признает организацию и тактику проведения ОРМ без учета возможности их осуществлять в гласной форме. Такое грубое нормативное правовое регулирование защиты государственной тайны в ОРД привело к возникновению множества проблем, одной из которых является доступ к государственной тайне участников негласных ОРМ.

В теории ОРД проблему ознакомления участников ОРМ со сведениями, составляющими государственную тайну, предлагается решать путем принятия от участников ОРМ расписок о неразглашении таких сведений⁴. Реализация приведенного предложения позволит придать видимость соблюдения законности при осуществлении ОРД, но не решит проблему, поскольку наличие перечня лиц, допускаемых к государственной тайне в особом порядке, не предполагает его произвольного дополнения в процессе правоприменения.

Представляется, что проблему допуска к государственной тайне участников негласных ОРМ можно решить посредством включения их в перечень лиц, допускаемых к государственной тайне в особом порядке. При этом другие вопросы, связанные с защитой государственной тайны в ОРД, останутся нерешенными. Кроме того, вероятность включения участников негласных ОРМ в перечень лиц, допускаемых к государственной тайне в особом порядке, незначительна. Анализируя имеющийся перечень, замечаем, что входящие в него лица имеют один общий и, на наш взгляд, принципиально важный признак, наличие которого обуславливает их допуск к государственной тайне в особом порядке. В особом порядке к государственной тайне допускаются не в силу случайно сложившихся обстоятельств, а в силу обязательного элемента, обеспечивающего выполнение ими трудовых обязанностей. Указанный признак участникам негласных ОРМ не присущ, в связи с чем необходимо иное решение.

В сложившейся ситуации считаем возможным внести предложение, которое не только упразднит нарушение законности при допуске граждан к участию в негласных ОРМ, но и другие проблемы, связанные с защитой государственной тайны в ОРД. Суть предложения состоит в существенном пересмотре объема сведений, подлежащих засекречиванию в ОРД. Полагаем целесообразным сведения об организации и тактике проведения ОРМ, составляющие в настоящее время государственную тайну, перевести в сведения конфиденциального характера, тем самым снизив уровень их защищенности.

На наш взгляд, нынешняя редакция ч. 1 ст. 12 Закона об ОРД является логическим развитием ч. 6 ст. 6 Зако-

на Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1 «Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации»⁵, которая содержала следующее положение: «Организация и тактика проведения оперативно-розыскных мероприятий составляет государственную тайну». Данная норма изначально входила в логическое противоречие с другими статьями этого же закона, закреплявшими право проведения ОРМ гласно. По нашему мнению, организация и тактика проведения гласных ОРМ не могут представлять собой государственную тайну. Документ, создаваемый в процессе и по результатам гласных ОРМ, изначально не должен быть секретным. Именно по этой причине объекты и участники гласных ОРМ беспрепятственно знакомятся с документами и расписываются в них. Думаем, что такую логическую ошибку законодатель допустил умышленно, поскольку на момент принятия первого Закона об ОРД в Российской Федерации отсутствовало даже нормативно закрепленное понятие сведений конфиденциального характера, не говоря уже о работоспособном механизме их защиты. Отнесение организации и тактики проведения ОРМ к государственной тайне на тот момент было разумным решением, поскольку иного способа защиты сведений в области ОРД объективно не существовало.

В настоящее время в России сформирован механизм защиты информации конфиденциального характера, и перевод рассматриваемых нами сведений из секретных в конфиденциальные не нанесет вреда ОРД. Конфиденциальность сведений об организации и тактике проведения ОРМ сможет в должной мере обеспечивать внезапность проведения негласных ОРМ и соблюдение правил конспирации на подготовительном этапе. Сведения о предстоящем обыске не составляют государственной тайны. Нам не удалось найти ни одного предложения

по засекречиванию сведений об организации и тактике его проведения. Считаем, что сведения о предстоящем следственном действии или ОРМ должны иметь один правовой режим защиты — сведения конфиденциального характера.

Решение проблемы доступа к государственной тайне участников негласных ОРМ путем перевода сведений об организации и тактике проведения ОРМ в иной правовой режим будет иметь и другие позитивные последствия правового, организационного и экономического характера.

¹ *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1995. № 33, ст. 3349.

² *О государственной тайне* : федеральный закон от 21 июля 1993 г. № 5485-1-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Там же. 1997. № 41, ст. 8220–8235.

³ *Инструкция о порядке допуска должностных лиц и граждан Российской Федерации к государственной тайне* (п. 1), утв. постановлением Правительства РФ от 6 февраля 2010 г. № 63.

⁴ Дружук Д. С., Томилина А. С. Проблемы изъятия предметов, материалов и сообщений при проведении обследования помещений, зданий, сооружений, участков местности и транспортных средств // Современность и творчество начинающего исследователя : сб. мат-лов всерос. науч.-практ. конф. молодых ученых. Иркутск, 2017. С. 109–113 ; Ворсбехер И. А. Права и обязанности граждан, участвующих в проведении оперативно-розыскных мероприятий // Преемственность и новации в юридической науке : мат-лы всерос. науч.-практ. конф. адъюнктов, аспирантов и соискателей. Омск, 2018. Вып. 14.

⁵ *Об оперативно-розыскной деятельности в Российской Федерации* : закон Российской Федерации от 13 марта 1992 г. № 2506-1. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

Проблемы обеспечения прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий

Поправко Анна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Отражены отдельные проблемы соблюдения субъектами оперативно-розыскной деятельности прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий, сделан акцент на том, что сущность оперативно-розыскной деятельности такова, что она неизбежно затрагивает права и свободы личности, вовлекаемой в процесс ее осуществления. Ограничение отдельных прав и свобод граждан в процессе оперативно-розыскной деятельности обусловлено необходимостью решения задач борьбы с преступностью, защитой интересов каждого гражданина в отдельности и общества в целом.

Ключевые слова: права и свободы человека и гражданина; законность проведения оперативно-розыскных мероприятий; прокурорский надзор; судебный контроль.

Конституция Российской Федерации провозгласила человека, его права и свободы высшей ценностью, а признание, соблюдение и защиту прав и свобод человека и гражданина объявила обязанностью государства (ст. 2). В Конституции Российской Федерации также утверждается необходимость всемерного уважения и соблюдения прав и свобод человека и гражданина (ст. ст. 2, 17, 18).

Законодательные акты Российской Федерации предоставляют органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), полномочия на действия и решения, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Такая возможность предусмотрена ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации и обусловлена необходимостью защиты конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов граждан, обеспечения обороны и безопасности страны. При этом наиболее часто законному ограничению подвергаются право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну; право на неприкосновенность жилища; право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений¹.

Гарантией законности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права и свободы человека и гражданина, выступают прокурорский надзор и судебный контроль.

Практика показывает, что в процессе проведения ОРМ оперативные подразделения нередко допускают нарушения законности, которые могут быть связаны с нарушением конституционных прав и свобод граждан. Специфика ОРД такова, что ОРМ, ограничивающие конституционные права граждан, в основном проводятся негласно. Это лишает граждан возможности самим оценивать законность и обоснованность ограничения своих прав и свобод в тех случаях, когда им из каких-либо заслуживающих доверия источников не стало достоверно известно о проведении в отношении них ОРМ. Грамотная организация проведения ОРМ предполагает безусловное сохранение в тайне от проверяемого субъекта

действия оперативных сотрудников. Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) предусматривает право лица, полагающего, что действиями органов, осуществляющих ОРД, были нарушены его права и свободы, обжаловать эти действия в вышестоящий оперативно-розыскной орган, прокурору или в суд (ч. 3 ст. 5 Закона об ОРД). Но для реализации этого права нужно, чтобы лицо было осведомлено о проведении в отношении него ОРМ. В большинстве случаев только уполномоченный прокурор может выявить факт нарушения оперативно-розыскного законодательства при проведении ОРМ, поскольку возможности института судебного контроля в этой сфере объективно ограничены². Предметом нашего внимания выступают вопросы обеспечения прав и свобод человека и гражданина при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Порядок проведения ОРМ предопределяется действием норм-принципов Конституции Российской Федерации, в общем виде предусматривается Законом об ОРД, иными федеральными законами, а также нормативными правовыми актами федеральных органов государственной власти и органов, осуществляющих ОРД, принятыми в развитие этих законов (ст. 4 Закона об ОРД)³.

При проведении любых ОРМ должны быть соблюдены основания и условия их проведения, определенные Законом об ОРД (ст. 7). По сути основания (поводы) для проведения ОРМ подразделяются на фактические и юридические. К фактическим основаниям можно отнести сведения, ставшие известными органам, осуществляющим ОРД:

— о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, а также о лицах, его подготавливающих, совершающих или совершивших, если нет достаточных данных для решения вопроса о возбуждении уголовного дела;

— о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации;

— о лицах, скрывающихся от органов дознания, следствия и суда или уклоняющихся от уголовного наказания;

— о лицах, без вести пропавших, и об обнаружении неопознанных трупов.

Таким образом, в соответствии со ст. 7 Закона об ОРД оперативно-розыскные мероприятия (далее — ОРМ) могут проводиться до возбуждения уголовного дела либо вне рамок уголовного судопроизводства.

Юридическими основаниями (поводами) проведения ОРМ являются:

— наличие возбужденного уголовного дела;

— поручения следователя, руководителя следственного органа, дознавателя, органа дознания или определения суда по уголовным делам и материалам проверки сообщений о преступлении, находящимся в их производстве;

— запросы других органов, осуществляющих ОРД, по основаниям, указанным в ст. 7 Закона об ОРД;

— постановление о применении мер безопасности в отношении защищаемых лиц, осуществляемых уполномоченными на то государственными органами в порядке, предусмотренном законодательством Российской Федерации;

— запросы международных правоохранительных организаций и правоохранительных органов иностранных государств в соответствии с международными договорами Российской Федерации.

В настоящее время ОРМ, ограничивающие конституционные права и свободы человека и гражданина, могут проводиться только при условии вынесения судебного решения, разрешающего проведение таких ОРМ. Судья принимает это решение путем вынесения специального постановления⁴.

Основанием для рассмотрения судом оперативно-розыскного материала и принятия решения по вопросу о проведении ОРМ, ограничивающего конституционные права граждан, является мотивированное постановление одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД. Значение постановлений, выносимых руководителями оперативно-розыскных органов при подготовке и проведении ОРМ, заключается в осуществлении дополнительного превентивного внутриведомственного контроля за законностью производства ОРМ. Перечень категорий таких руководителей устанавливается ведомственными нормативными актами⁵.

Законность ОРМ предполагает, что постановление о его проведении вынесено надлежащим должностным лицом. Судья должен иметь возможность проверить это обстоятельство, и потому его следует ознакомить с ведомственными нормативными актами, устанавливающими перечни должностных лиц, правомочных принимать решения в ОРД. Невыполнение этого требования не позволяет принять законное судебное решение об ограничении конституционных прав граждан. Например, постановлением Президиума Верховного Суда Республики Татарстан от 11 мая 2005 г. были отменены решения нижестоящих судебных инстанций и прекращено производство по уголовному делу по причине нарушения

процедуры рассмотрения ходатайства об ограничении конституционного права гражданина. До возбуждения уголовного дела в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, было проведено такое ОРМ, как обследование жилого помещения. При этом ходатайство о даче разрешения на его проведение было возбуждено перед судом старшим оперуполномоченным отдела МВД Республики Татарстан. Принимая такое решение, Президиум Верховного Суда Республики Татарстан указал, что с ходатайством о даче разрешения на проведение ОРМ в соответствии с Законом об ОРД может обращаться только один из руководителей органа, осуществляющего ОРД. Таким образом, судья рассмотрел ходатайство, возбужденное неправомочным лицом, поскольку старший оперуполномоченный не относится к категории руководителей соответствующего органа⁶.

К ОРМ, которые проводятся только при наличии постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, и судебного решения, разрешающего проведение такого ОРМ, относятся:

— контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений;

— прослушивание телефонных переговоров;

— снятие информации с технических каналов связи;

— наблюдение с проникновением в жилое помещение;

— обследование жилого помещения против воли проживающих в нем лиц.

Проведение любых ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, допускается на основании судебного решения и только при наличии информации:

— о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния, по которому производство предварительного следствия обязательно;

— о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно;

— о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации⁷.

В случаях, которые не терпят отлагательства и могут привести к совершению тяжкого или особо тяжкого преступления, а также при наличии данных о событиях и действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, на основании мотивированного постановления одного из руководителей органа, осуществляющего ОРД, допускается проведение указанных ОРМ с обязательным уведомлением суда (судьи) в течение 24 часов. В течение 48 часов с момента начала проведения ОРМ орган, его осуществляющий, обязан получить судебное решение о проведении такого ОРМ либо прекратить его проведение.

Прослушивание телефонных и иных переговоров допускается только в отношении лиц, подозреваемых или обвиняемых в совершении преступлений средней тяжести, тяжких или особо тяжких преступлений, а также лиц, которые могут располагать сведениями об указанных преступлениях.

Согласно ч. 3 ст. 6 Закона об ОРД в ходе проведения ОРМ могут использоваться информационные системы, видео- и аудиозапись, кино- и фотосъемка, а также другие технические и иные средства, не наносящие ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющие вреда окружающей среде. Следует учитывать, что в постановлении Европейского суда по правам человека от 10 марта 2009 г. «Дело Быков против России» (жалоба № 4378/02) сделан вывод: на проведение негласного ОРМ (оперативный эксперимент) с использованием для фиксации его результатов скрытого радиопередатчика не было получено разрешение суда, чем властями Российской Федерации нарушены положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод. В решении Европейского суда по правам человека предлагается в подобных случаях органам, осуществляющим ОРД, получать судебные решения.

В то же время согласно правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации, если применение технических средств, в том числе устройств аудиозаписи, осуществляется строго в рамках проведения ОРМ, это само по себе не предопределяет необходимости вынесения о том специального судебного решения. Интерпретируя положения Закона об ОРД, Конституционный Суд Российской Федерации указывает, что судебное решение признается обязательным условием для проведения отдельных ОРМ, ограничивающих конституционные права человека и гражданина, а не для фиксации их хода и результатов. Соответственно, предусмотренное Законом об ОРД использование при проведении ОРМ аудиозаписи не является самостоятельным ОРМ, так как имеет целью фиксацию хода и результатов проведения собственно ОРМ.

Кроме того, по мнению Конституционного Суда Российской Федерации, ст. 8 Закона об ОРД регулирует порядок проведения ОРМ, ограничивающих конституционное право граждан на тайну сообщений, и в силу этого подлежит применению лишь в тех случаях, когда лица, передающие или принимающие сообщение, предполагают его конфиденциальный характер и не желают доступа к передаваемой информации каких-либо сторонних лиц и органов. Однако, исключая возможность ознакомления указанных органов и лиц с содержанием передаваемого сообщения без судебного решения и помимо воли граждан, его передающих или принимающих, Закон об ОРД не препятствует распространению информации о переданном сообщении кем-либо из этих граждан.

Процедура рассмотрения судьей материалов об ограничении конституционных прав граждан органами, осуществляющими ОРД, в законе четко не прописана. Нормы Закона об ОРД (ст. 9) определяют порядок судебного рассмотрения оперативных материалов в самом общем виде. Многие в этой процедуре отнесено на усмотрение судей

и представителей органов, являющихся инициаторами проведения ОРМ [7, с. 101].

По общему правилу рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав граждан при проведении ОРМ осуществляется судом по месту проведения таких мероприятий или по месту нахождения органа, осуществляющего ОРД и ходатайствующего об их проведении. В целях конкретизации законодательных положений Пленум Верховного Суда Российской Федерации в постановлении от 24 декабря 1993 г. № 13 «О некоторых вопросах, связанных с применением статей 23 и 25 Конституции Российской Федерации» более четко определил порядок дачи разрешений на проведение оперативно-розыскных мероприятий и круг судей, наделенных этим правом. К числу уполномоченных судей отнесены: судьи верховных судов республик, краевых и областных судов, Московского и Санкт-Петербургского городских судов, судов автономной области и автономных округов, военных судов округов, групп войск, флотов и видов Вооруженных Сил, а в качестве исключения такие полномочия предоставлены судьям районных, городских судов, военных судов армий, флотилий, соединений и гарнизонов. Если материалы и ходатайства о необходимости проведения ОРМ представляются в суды районного звена, последние не могут отказать в их рассмотрении.

Оперативные материалы изучаются уполномоченным судьей единолично и незамедлительно. Такое рассмотрение проводится вне рамок судебного разбирательства и в тайне от лиц, чьи конституционные права подлежат ограничению. Указанная особенность подобной судебной процедуры признана правомерной Конституционным Судом Российской Федерации. В частности, в определении от 14 июля 1998 г. № 86-О «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“ по жалобе гражданки И. Г. Черновой» И. Г. Черновой прямо указано, что «наделение суда полномочием по осуществлению процедуры независимого одобрения оперативно-розыскных мероприятий, связанных с ограничениями конституционных прав граждан, не ущемляет этих прав, а, напротив, создает дополнительную гарантию их защиты. Вместе с тем это не судебное разбирательство и даже не подготовительные действия к судебному заседанию. В данных правоотношениях еще нет сторон, что характерно для уголовного процесса в тех случаях, когда, например, уголовное дело возбуждено по факту и неизвестно, можно ли считать деяние преступлением, кто его совершил или совершает. В процедуре, в которой испрашивается судебное разрешение на проведение оперативно-розыскных мероприятий, проверяемое лицо — не участник процесса, и знать о нем не должен. Открытости, гласности и состязательности сторон в этом процессе быть не может, ибо в противном случае негласные по своему характеру оперативно-розыскные мероприятия стали бы просто невозможны, а сама оперативно-розыскная деятельность утратила бы смысл. Именно поэтому судебное решение выдается органу — инициатору проведения оперативно-розыскных мероприятий и не выдается проверяемому лицу».

В дальнейшем эта позиция получила подтверждение в определении Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 1999 г. № 18-О «По жалобе граждан М. Б. Никольской и М. И. Сапронова на нарушение их конституционных прав отдельными положениями Федерального закона „Об оперативно-розыскной деятельности“», где к тому же указывалось, что «если... лицо, в отношении которого проводятся оперативно-розыскные мероприятия, узнало об этом и полагает, что его права и законные интересы ущемлены, то оно имеет право на обжалование и судебную защиту и может обращаться в суд общей юрисдикции в соответствии с установленной подсудностью».

Неучастие проверяемого лица в принятии решения о проведении оперативно-розыскного мероприятия, сопряженного с ограничением конституционных прав и свобод, не освобождает суд от обязанности в полном объеме проверить наличие оснований и условий для проведения такого мероприятия, в том числе путем истребования у органа, осуществляющего ОРД, дополнительных материалов. В силу ч. 4 ст. 9 Закона об ОРД принимаемое судом решение должно быть мотивированным, содержащим ссылки на конкретные обстоятельства, подтверждающие как наличие признаков подготавливаемого, совершаемого или совершенного тяжкого или особо тяжкого преступления либо события или действия (бездействия), создающего угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации, так и причастность лица, в отношении которого планируется проведение ОРМ, к данному преступлению или событию. При принятии такого решения подлежат оценке и учету также иные обстоятельства, обуславливающие необходимость производства того или иного мероприятия.

Поскольку в этой процедуре суд общей юрисдикции действует непосредственно в силу требований ч. 2 ст. 23 и ст. 25 Конституции Российской Федерации и в рамках, определяемых ст. ст. 46, 118 и 126, его решения, их содержание и форма должны отвечать общим требованиям, предъявляемым к любым процессуальным решениям, а именно законности, обоснованности и мотивированности. Таким образом, судья выносит мотивированное постановление, заверенное печатью, которое выдается инициатору проведения ОРМ. Каких-либо предписаний, освобождающих суд от выполнения требования о мотивированности вынесенного решения, оспариваемая норма не содержит.

В постановлении судьи должно быть указано, какое конкретно мероприятие разрешается к проведению, какие материалы представлены и можно ли на их основе сделать вывод о правомерности проведения ОРМ. В постановлении судьи обязательно определяется срок, в течение которого оперативная служба вправе реализовать судебное решение.

Судебное решение на право проведения ОРМ и материалы, послужившие основанием для его принятия, хранятся только в органах, осуществляющих ОРД (ч. 3 ст. 12 Закона об ОРД). Данное правило не означает запре-

та на приобщение копии такого решения к материалам уголовного дела, в котором в качестве доказательств используются результаты ОРД. Более того, результаты ОРМ, проводимых на основании судебных решений, должны представляться следователю или в суд именно вместе с копиями этих судебных решений. Данное правило нашло закрепление в Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд, утвержденной приказом МВД России, ФСБ России, ФСО России, ФТС России, СВР России, ФСИН России, ФСКН России, Минобороны России и Следственного комитета России от 27 сентября 2013 г. № 776/703/509/507/1820/42/535/398/68, п. 12 которой прямо предписывает в случае представления уполномоченным должностным лицам (органам) результатов ОРД, полученных при проведении ОРМ, которые ограничивают конституционные права человека и гражданина на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, прилагать к ним копии судебных решений о проведении ОРМ.

Однако презюмируя законность, обоснованность и мотивированность таких судебных решений, законодатель не разработал процедуру обжалования и пересмотра судебных решений, таким требованиям не отвечающих. В связи с этим даже явно незаконные и необоснованные судебные постановления не могут быть отменены, так как вышестоящие суды отказывают в принятии и рассмотрении жалоб на подобные решения. Например, в ходе ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного следствия гражданину М. стало известно о проведении в отношении него оперативно-розыскных мероприятий, разрешение на которые было дано постановлением судьи Волгоградского областного суда. Данное постановление, будучи подписанным не тем судьей, который был назван во вводной части постановления, и принятым с другими нарушениями закона, обжаловано М. в Верховный Суд Российской Федерации, откуда жалоба вернулась без рассмотрения, со ссылкой на то, что Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» не оговаривается возможность обжалования такого рода судебных решений.

В настоящее время уполномоченный прокурор не обладает правом согласовывать обращения оперативно-розыскных органов с ходатайствами о проведении ОРМ в суд. Более того, в законе не установлено правило обязательного информирования уполномоченного прокурора о факте такого обращения. Закон об ОРД не регламентирует также возможности опротестования (обжалования) прокурором судебных решений о даче разрешения на проведение ОРМ по представляемым в суд оперативным материалам, даже в тех случаях, когда прокурор полагает их несоответствующими закону. Не предоставлены указанные полномочия прокурору и нормами Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации». Итак, законность судебных решений о даче разрешения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные

права граждан, не входит в предмет прокурорского надзора за законностью ОРД.

Вместе с тем вопрос об исполнении органами, осуществляющими ОРД, требований закона об обязательном обращении в суд при необходимости производства ОРМ, предусмотренных ст. 8 Закона об ОРД, о своевременном уведомлении суда о случаях неотложного проведения данных ОРМ, о сроках проведения ОРМ и т. д. к компетенции судебных органов не относится, а входит в предмет прокурорского надзора⁸.

Таким образом, сторон в уголовно-процессуальном значении слова при судебном санкционировании ОРМ, действительно, не имеется, лицо, в отношении которого испрашивается разрешение суда, — не участник процесса, но при решении вопроса о даче разрешения на их проведение присутствует (участвует) заинтересованное лицо — инициатор проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, при принятии решения также оцениваются представленные последним документы (материалы).

Отсутствие сторон при судебном санкционировании ОРМ, ограничивающих конституционные права, не означает, что лица, в отношении которых проводятся ОРМ или испрошено судебное разрешение, не являются участниками оперативно-розыскных правоотношений. Они участники (объекты), но до определенного времени не знают об этом в силу негласного проведения ОРМ⁹. Поэтому в качестве участников оперативно-розыскных отношений они могут реализовать право на обжалование действий субъектов ОРД, когда им станет об этом известно.

В заключение отметим, что при осуществлении проверки законности проведения ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан, прокурор должен обращать внимание на следующие обстоятельства:

- наличие постановления о возбуждении ходатайства перед судом о даче разрешения на проведение ОРМ, вынесенного надлежащим должностным лицом оперативно-розыскного органа;

- наличие законных оснований для вынесения такого постановления;

- наличие судебного постановления, разрешающего проведение ОРМ;

- наличие в судебном постановлении установленного срока проведения ОРМ;

- соблюдение срока проведения ОРМ, указанного в судебном постановлении;

- соблюдение процедуры продления срока проведения ОРМ при необходимости его проведения свыше шести месяцев;

- соблюдение порядка проведения ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства, и процедуры уведомления об этом суда;

- соблюдение срока уведомления суда о проведении ОРМ в случаях, не терпящих отлагательства.

¹ Лейкин Р. И. Ограничения прав и свобод человека и гражданина при осуществлении оперативно-розыскной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2010. № 3. С. 25.

² Подмарев А. А. Ограничение прав и свобод человека при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: правовые позиции Конституционного Суда России // Антинаркотическая безопасность. 2015. № 1(4). С. 33.

³ Железняк И. Н. О возможности оперативно-розыскного ограничения права граждан на неприкосновенность частной жизни // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 305. С. 106.

⁴ Сумин А. А. Судебное рассмотрение материалов об ограничении конституционных прав личности при проведении оперативно-розыскных мероприятий до возбуждения уголовного дела: проблемы теории и практики // Адвокат. 2012. № 12. С. 22.

⁵ Сайфутдинов Т. И. Характеристика оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2011. Т. 11, № 10. С. 131.

⁶ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2006. № 1. С. 31–32.

⁷ Гусев В. А. Проблемы законодательного регулирования процедуры проведения оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права и свободы личности // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2011. № 1(20). С. 47.

⁸ Ковалев А. В. Актуальные вопросы организации оперативно-розыскных мероприятий, ограничивающих конституционные права граждан // Проблемы применения уголовного закона при осуществлении оперативно-розыскной деятельности: мат-лы регион. круглого стола / под ред. Е. Н. Билюса, Г. С. Шкабина. М., 2015. С. 68–73.

⁹ Бедарев К. В. Общественность и права человека в современной Европе // Вестник Барнаульского юридического института МВД России. 2012. № 2. С. 17–20.

Конфиденциальное содействие лиц в оперативно-розыскной деятельности: перспективы совершенствования правового регулирования

Лахтиков Дмитрий Николаевич, кандидат юридических наук, доцент, начальник кафедры правовой информатики Академии Министерства внутренних дел Республики Беларусь

Проводится анализ правового положения лиц, оказывающих конфиденциальное содействие органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, в Республике Беларусь. Выносятся предложения по законодательному закреплению прав таких лиц.

Ключевые слова: лицо, оказывающее конфиденциальное содействие; оперативно-розыскная деятельность; конфиденциальность; правовое регулирование; Республика Беларусь.

В противодействии преступности значимая роль отводится применению мер оперативно-розыскного характера, направленных как на выявление и привлечение к уголовной ответственности виновных лиц, так и на предупреждение преступлений. Актуальность оперативно-розыскных мер обусловлена тайным характером совершаемых преступлений, а применение негласных возможностей позволяет решать стоящие перед органами внутренних дел задачи, которые гласными способами выполнить невозможно. При осуществлении противодействия преступности возникает необходимость в высокой осведомленности оперативных подразделений, что, как показывает многолетний опыт оперативно-розыскной деятельности (далее — ОРД), осуществить без помощи граждан затруднительно. Необходимость дальнейшего научного исследования проблем, связанных с содействием граждан оперативным подразделениям ОВД, продиктована потребностями практики. Оперативно-розыскное законодательство позволяет использовать возможности лиц, оказывающих содействие на конфиденциальной основе, в целях установления сути преступления, детализации особенностей преступной деятельности и решения других задач.

В настоящее время в Республике Беларусь сформирована комплексная правовая база, основанная на Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ и ведомственных нормативных правовых актах, определившая правовое поле конфиденциального содействия, субъектов такой деятельности, организационную составляющую. Другими словами, создана и функционирует система конфиденциального содействия лиц в ОРД, которая нуждается в постоянном совершенствовании.

Законом Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» определены лица, которые относятся к конфиденциально содействующим, закреплены их права и обязанности. Отдельная глава закона посвящена содействию граждан, в ней содержатся общие положения, правовая и социальная защита, а также меры по обеспечению безопасности и порядок их применения. Названным Законом к лицам, оказывающим или оказывавшим содействие на конфиденциальной основе органу, осуществляющему ОРД, отнесены:

— граждане, привлеченные органом, осуществляющим ОРД, к сотрудничеству на конфиденциальной основе;

— граждане, которые, не являясь должностными лицами органа, осуществляющего ОРД, участвуют или участвовали на конфиденциальной основе в оперативно-розыскных мероприятиях либо содействуют или содействовали на конфиденциальной основе его подготовке и (или) проведению. Такое сотрудничество осуществляется либо на основании контракта, либо заявления.

Научное обеспечение вопросов конфиденциального содействия в ОРД представляет определенный теоретико-прикладной интерес, а также может способствовать снижению остроты возникающих проблемных вопросов. Данная тематика привлекает все большее внимание исследователей различных отраслей научного знания, ее рассматривают с позиций психологии, оперативно-розыскной психологии, уголовного права, оперативно-розыскной деятельности. Однако научный поиск не исчерпал круга теоретико-прикладных проблем, при этом отдельные положения носят дискуссионный характер и требуют продолжения научной разработки. Традиционные подходы к правовому регулированию и организационному обеспечению содействия граждан в ОРД требуют дальнейшего развития с учетом социально-экономических и других изменений.

В теории ОРД и при осуществлении правоприменительной деятельности выделяется анонимное содействие. Отдельные ученые относят его к разновидности конфиденциального, другие — к самостоятельному виду содействия субъектам ОРД, отмечая, что анонимное содействие — это вид содействия оперативным подразделениям ОВД, которое осуществляется путем анонимного представления информации, когда лицо, ее представляющее, не желает раскрывать свои персональные данные.

Анализ научной литературы позволяет выделить различные виды содействия граждан в сфере ОРД. Так, некоторые ученые обозначают гласное, конфиденциальное (негласное) и анонимное содействие граждан, полагая необходимым на законодательном уровне уточнить цели привлечения лиц к содействию органами, осуществляющим ОРД². Обосновывается необходимость развития отдельных видов содействия в ОРД, в частности аноним-

ного содействия³. Необходимо отметить, что в основе негласного содействия лежат доверительные отношения, которые могут быть разовыми, эпизодическими или систематическими, образуя две соответствующие формы негласного содействия — контактную и бесконтактную. Для граждан, содействующих ОВД на бесконтактной основе, особым признаком является их желание и возможность осведомлять анонимно оперативные подразделения о ставших известными им сведениях о преступлениях и угрозе их совершения. Такое осведомление построено на добровольном волеизъявлении, в том числе гражданском долге лиц и других мотивах⁴.

Анализируя ранее действовавшие нормативные акты, необходимо отметить, что Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 февраля 1988 г. № 8422-XI «О внесении дополнений в Указ Президиума Верховного Совета СССР „О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан“» закреплялось понятие анонимного обращения и устанавливался запрет на работу с анонимными письмами. Можно предположить, что сотрудники ОВД должны были игнорировать анонимную информацию о преступлениях. Однако, несмотря на официальные запреты, анонимная информация широко использовалась в борьбе с преступностью⁵. В инструкции о порядке приема, регистрации, учета и разрешения в органах и учреждениях внутренних дел заявлений, сообщений и другой информации о преступлениях и происшествиях, утвержденной в 1990 г., впервые был определен порядок действий сотрудников ОВД при получении анонимных писем, которые не регистрировались, а подлежали уничтожению. Исключение составляли анонимные письма, содержащие сведения о готовящихся (совершенных) преступлениях, они без регистрации передавались в оперативные подразделения для использования в борьбе с преступностью.

В соответствии со ст. 23 Закона Республики Беларусь «Об обращениях граждан и юридических лиц»⁶ к анонимным относятся обращения заявителей, в которых не указаны фамилия, собственное имя, отчество либо инициалы гражданина, адрес его места жительства (пребывания), наименование юридического лица или его место нахождения, либо эти данные не соответствуют действительности. Такие обращения не подлежат рассмотрению, если они не содержат сведений о готовящемся, совершаемом или совершенном преступлении. Однако в ст. 2 Закона закреплено, что при поступлении в государственные органы обращений действие названного нормативного акта не распространяется на те из них, которые подлежат рассмотрению в соответствии с уголовно-процессуальным законодательством, законодательством, определяющим порядок административного процесса, законодательством об административных процедурах, а также иные обращения, в отношении которых законодательными актами установлен иной порядок их подачи и рассмотрения.

Из содержания анонимного обращения не всегда возможно установить наличие признаков преступления, тем не менее такая информация может представлять

оперативный интерес. При проверке и подтверждении информации о преступлении, содержащейся в анонимном заявлении, может быть возбуждено уголовное дело, при этом поводом будет непосредственное обнаружение ОВД сведений, указывающих на признаки преступления, а не анонимное заявление.

С учетом повсеместной информатизации общества, активного развития информационно-коммуникационных технологий анонимное содействие граждан в ОРД имеет определенный интерес для повышения осведомленности оперативных подразделений. Гражданин, не привлекая внимания, может с помощью находящегося при нем смартфона зафиксировать какое-либо событие и в минимальные сроки передать информацию, представляющую интерес для решения задач ОРД, соответствующим субъектам, например, в органы внутренних дел, либо с помощью специально созданного канала в распространенных мессенджерах.

В целях активизации данного направления деятельности и упорядочения возникающих отношений не исключается возможность законодательного регламентирования анонимного содействия, для чего следует внести изменения и дополнения в Закон Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности», закрепив в отдельной статье указанный вид содействия граждан — «анонимное содействие», предусмотрев на законодательном уровне сохранение во всех случаях анонимности лица, представившего информацию, а также гарантии получения денежного вознаграждения.

Наличие такой возможности и ее нормативное закрепление не обуславливают ее активное использование в оперативно-розыскной практике, так как в определенной степени присутствует пассивность граждан в предоставлении необходимой информации ОВД. Для успешного использования подобного содействия требуется и его активная информационная пропаганда. С этой целью следует использовать средства массовой информации и другие возможности, необходимо развивать имеющиеся способы активации, а также задействовать новые. К способам активации можно отнести не только телефоны доверия, но и рекламные технологии этой возможности; потенциал сети Интернет как для осведомления о такой возможности (в том числе размещение информации о наиболее резонансных преступлениях с гарантией денежного вознаграждения за содействие в получении данных о них), так и для получения сообщений о готовящихся либо совершенных преступлениях.

В свою очередь, повсеместное использование информационных технологий в различных сферах жизнедеятельности общества изменило представление о месте и роли информации, средствах ее обработки. Повышение роли информационных технологий является объективной тенденцией современного общества и влечет не только увеличение числа межличностных контактов, но и появление новых способов связи, особое место среди которых занимает интернет, где аккумулируются огромные возможности в сфере взаимодействия людей, где сформирован особый тип коммуникационной среды, тесно

связанной с повседневной жизнью. Смещение акцентов информационной работы в интернете расширяет поле противодействия преступности. Большинство людей, особенно молодежь, имеют страницы в социальных сетях, активно пользуются различного рода мессенджерами.

Интересен отечественный опыт. В Республике Беларусь с 2012 г. существует интернет-сайт «Перехват», предназначенный для размещения пользователями сообщений о совершенных правонарушениях. Указанный ресурс не является официальным сайтом организации, и при наличии в сообщении сведений о признаках правонарушения администратором сайта материалы направляются в органы внутренних дел. Существуют и ограничения в предоставлении информации пользователями. В соответствии с правилами проекта не принимается информация о преступлениях и правонарушениях, имеющих большой общественный резонанс, или о противоправном поведении должностных лиц⁷. В настоящее время передать информацию о происшествиях можно при помощи мессенджера Telegram, канала «@perehvat_bot», в котором выделены самостоятельные направления для анонимной информации об административных правонарушениях и иных незначительных происшествиях: нарушении правил дорожного движения, брошенном бесхозном автомобиле; объявлений о находке или утере номерных знаков транспортных средств.

В сети Интернет функционирует информационный ресурс Министерства внутренних дел Республики Беларусь⁸, и обеспечение на его платформе возможности предоставления анонимной информации может способствовать организации непосредственного взаимодействия между оперативными подразделениями ОВД (в лице администрации сайта) и гражданами (в лице пользователей сайта). Именно наличие такой возможности в первую очередь свидетельствует о том, что оперативные подразделения ОВД открыты для диалога с гражданами, готовы как для предоставления (информация, размещающаяся на сайте и в средствах массовой информации), так и для восприятия информации, но уже на другом, более высоком уровне. При этом коммуникация выстраивается с учетом простоты пользования, экономии времени за счет возможности предоставления информации в различном виде: фото, видео, звук, текст. Интересна организация такого канала в разнообразных мессенджерах, которыми активно пользуются граждане (например, Telegram, Viber и др.).

Потребность оперативных подразделений органов внутренних дел в информационном обеспечении обусловлена, прежде всего, необходимостью повышения эффективности в противодействии преступности. Анонимность же выступает как фактор, имеющий решающее значение при обращении граждан в органы внутренних дел. Мотивы оказания анонимного сотрудничества могут быть различными: боязнь мести руководства при гласном обращении, возникновение конфликта с соседями или коллегами, опасение за свою безопасность, близких, имущества и т. п., а использование информационного ресурса позволяет сохранять «инкогнито».

Стремительная скорость процессов, отсутствие границ в виртуальном пространстве, высокая степень анонимности отличают поведение людей от поведения в реальном мире. Все эти факторы значительно повышают вероятность анонимного содействия граждан, особенно молодых, являющихся самыми активными участниками виртуального пространства. Изучение международного опыта показывает эффективность подобного взаимодействия. Так, на сайте Департамента полиции г. Лос-Анджелеса⁹ существует возможность анонимного предоставления информации. После отправки сообщения пользователю присваивается уникальный идентификационный номер, который используется при получении вознаграждения. В Великобритании также существуют интернет-ресурсы с возможностью анонимного сообщения в правоохранительные органы информации¹⁰.

Без сомнения, изучение указанного опыта является полезным при формировании канала предоставления анонимной информации, который должен быть предназначен для передачи гражданами информации о подготавливаемых, совершаемых, совершенных преступлениях ОВД. Анонимное предоставление информации оперативным подразделениям ОВД посредством интернет-ресурса или специального канала в мессенджерах и последующая ее проверка должны осуществляться в рамках Закона Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» и иных нормативных правовых актов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность. Такая информация должна поступать во внутреннюю часть ресурса, закрытую для доступа посетителей сайта, и не должна публиковаться. После отправки интернет-сообщения должно поступать в систему электронного документооборота Министерства внутренних дел Республики Беларусь, после чего работа с сообщением осуществляется в соответствии с делопроизводством и режимом секретности, установленными ведомственными нормативными актами. Все поступающие сообщения должны подлежать обязательной регистрации.

Таким образом, в сфере анонимного содействия граждан ОВД в решении задач ОРД заложены определенные резервы повышения эффективности оперативно-розыскных мер.

В свою очередь, в Законе Республики Беларусь «Об оперативно-розыскной деятельности» предусмотрены меры по обеспечению безопасности граждан, оказывающих и оказывавших содействие на конфиденциальной основе органам, осуществляющим ОРД. К таким мерам относятся: обеспечение конфиденциальности сведений; личная охрана, охрана жилища и имущества; переселение на другое место жительства, временное помещение в безопасное место; перевод из одного места содержания под стражей или отбывания наказания в другое и пр. Одним из перспективных направлений совершенствования правового регулирования в сфере содействия граждан в ОРД в рамках интеграционных процессов Союзного государства можно определить расширение возможности реализации мер по обеспечению безопасности, применяемых в отношении лиц, конфиденциально со-

действующих ОВД, в частности, помещение в безопасное место, изменение места учебы, переселение на другое место жительства.

Таким образом, определяя пути совершенствования деятельности по повышению осведомленности оперативных подразделений ОВД, необходимо отметить максимальное использование различных возможностей поиска носителей информации, а не ограничиваться уже известными алгоритмами получения оперативной информации. Правовое регулирование в указанной сфере позволяет упорядочить деятельность по анонимному содействию граждан ОВД, предусмотреть правовые гарантии, способные активизировать данную деятельность.

Возможность предоставления гражданами анонимной информации, в том числе с использованием информационных технологий, должна способствовать совершенствованию информационного обеспечения оперативных подразделений ОВД, что позволяет создать новый канал получения оперативной информации, а также задействовать имеющиеся резервы повышения эффективности оперативно-розыскных мер в борьбе с преступностью.

¹ *Об оперативно-розыскной деятельности* : закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З : текст Закона по состоянию на 25 января 2016 г. Минск, 2015. 59 с.

² *Владимиров С. И.* Содействие граждан оперативным подразделениям органов внутренних дел (сравнительный анализ

законодательных актов) // Труды Академии управления МВД России. 2013. № 4. С. 103–106.

³ *Басецкий И. И.* Сысскология в Республике Беларусь: нужно творчески осмыслить и обсудить // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2013. № 25. С. 183–187.

⁴ *Нагиленко Б. Я., Кузьмин А. В., Косарева Т. В.* О кризисном состоянии правового регулирования оперативно-розыскной деятельности полиции и мерах по его совершенствованию // Научный портал МВД России. 2013. № 1. С. 40–46.

⁵ *Рукавишников Г. А.* К вопросу о порядке приема, регистрации, рассмотрения и проверки анонимных сообщений граждан в органах внутренних дел Российской Федерации // Там же. 2014. № 3. С. 105–110.

⁶ *Об обращениях граждан и юридических лиц* : закон Республики Беларусь от 18 июля 2011 г. № 300-З : в ред. Закона Респ. Беларусь от 15.07.2015. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ *Интернет-проект «Перехват»* Минск, 2012. URL: <http://https://archive.ph/p9yWk> (дата обращения: 11.09.2019).

⁸ *О министерстве* // Министерство внутренних дел Республики Беларусь. URL: <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=1051>. (дата обращения: 27.09.2019).

⁹ *Report a Crime*. The Los Angeles Police Department. URL: http://www.lapdonline.org/report_a_crime (дата обращения: 19.10.2019).

¹⁰ *Report a benefit thief online form*. Department for Work & Pension. URL: <https://www.dwp.gov.uk> (дата обращения: 19.09.2019).

Законодательное закрепление правового положения участников оперативно-розыскных правоотношений — направление совершенствования правового регулирования оперативно-розыскной деятельности

Лугович Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Лаврентьев Владимир Александрович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Рассматриваются особенности правового статуса участников оперативно-розыскных правоотношений, приводится их классификация, представлена авторская позиция относительно развития правового регулирования оперативно-розыскной деятельности посредством законодательного закрепления их правового положения.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; участники оперативно-розыскных правоотношений; правовое положение.

Подвергнув контент-анализу положения оперативно-розыскного законодательства, мы пришли к выводу, что ни законодатель, ни авторы ведомственных нормативных правовых актов, регулирующих оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), не уделяют должного внимания регламентации правового положения участников оперативно-розыскных правоотношений. Нормы, регулирующие их возникновение, развитие и прекращение, а также формирующие правовой статус участвующих в них лиц, носят опосредованный, фрагментарный характер или вообще отсутствуют. Не определены четко категории должностных лиц органов, правомочных на осуществление ОРД, граждан, которые могут вступать в данные правоотношения, порядок, основания и условия реализации полномочий и т. д.

Принятый еще в 1995 г. и действующий по сей день Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности»¹ (далее — Закон об ОРД) давно уже не отвечает потребностям практики и достаточно часто подвергается критике в профессиональной среде. При этом авторы научных публикаций не стесняются в выражениях и используют емкие, но в то же время точные словесные обороты, рассуждая о попытках законодателя хоть как-то привести нормативный правовой акт в надлежащее состояние. Например, В. Ф. Луговик считает, что нынешний Закон об ОРД напоминает «лоскутное одеяло» и регулирует лишь фрагменты правоотношений, возникающих в ходе осуществления ОРД². В. А. Гусев констатирует, что правовое регулирование ОРД находится в зачаточном состоянии, а законотворческий подход больше напоминает «латание прорех в обветшалом и морально устаревшем кафтане закона» и в большинстве случаев не оказывает существенного влияния на процесс реализации оперативно-розыскных полномочий и складывающихся правоотношений³. Действительно, лучше и не скажешь.

Общие недостатки правового регулирования ОРД, несомненно, отражаются и на вопросах регламентации статуса участников оперативно-розыскных правоотношений. Учеными неоднократно отмечалась важность четкого нормативного регулирования их правового положения. Сама по себе проблема не является новой, однако авторы заостряли свое внимание в основном на необходимости формулирования и закрепления прав и обязанностей должностных лиц органов, осуществляющих ОРД⁴.

Однако, помимо должностных лиц, в оперативно-розыскные правоотношения вступает множество граждан, каждый из которых занимает отдельное место и степень участия которых существенно различается. Прежде всего, это зависит от того, кем выступает то или иное лицо, от его компетенции в сфере оперативно-розыскных правоотношений, степени ограничения прав этого лица и т. д., т. е. от его правового положения. Поэтому выглядит вполне обоснованным включение В. Ф. Луговиком в текст авторского проекта Оперативно-розыскного кодекса соответствующей главы «Участники оперативно-розыскной деятельности»⁵. Представляется уместным формулирование положений проекта по аналогии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, содержащего отдельный раздел, именуемый «Участники уголовного судопроизводства». К сожалению, автор не включил в проект положения, раскрывающие правовой статус граждан, заподозренных в совершении преступлений, в том числе проходящих по делам оперативного учета (далее — ДОУ), их связей, иных лиц, вовлекаемых в оперативно-розыскный процесс по воле должностных лиц органов, осуществляющих ОРД.

Как справедливо заметил А. А. Маслов, оперативно-розыскные правоотношения, возникающие между оперативными подразделениями и лицом, в отношении которого проводятся ОРМ, представляют наибольшую

сложность для анализа с позиции теории права, потому что в них, как правило, отсутствует сознательное волеизъявление лица, выступающего объектом ОРД. В связи с этим требуют ответов следующие вопросы: имеются ли отношения между органом, осуществляющим ОРД, и таким лицом? Каков вид этих отношений и какими правовыми нормами они должны регулироваться?⁶

Следует констатировать, что в теории правовое положение таких лиц практически не исследовано. Так, в процессе подготовки статьи нами обнаружены всего два источника, в которых фрагментарно рассматривается данный вопрос⁷. Все это свидетельствует о необходимости скорейшего законодательного решения обозначенных проблем.

Любопытно, что в 2009 г., т. е. не менее 10 лет назад, в докладе Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации «О состоянии законодательства в Российской Федерации. Мониторинг правового обеспечения основных направлений внутренней и внешней политики» также отмечалась необходимость издания нового федерального закона об ОРД, который содержал бы нормы, регулирующие права и обязанности, социальную и правовую защиту субъектов ОРД⁸. Однако в профессиональной среде нет четкого понимания, кого следует считать субъектом и (или) участником ОРД, а кого участниками оперативно-розыскных правоотношений. Анализ различных научных источников приводит к выводу о том, что эти термины нередко отождествляются.

В настоящей статье мы не будем приводить полемику ученых по данному вопросу, ограничимся лишь тем, что выскажем свою позицию. На наш взгляд, А. Е. Чечетин четко разграничил понятия «субъект» и «участник» ОРД⁹. По его мнению, понятие субъекта ОРМ следует рассматривать не только с юридической, но и с философской точек зрения, когда под субъектом понимаются носитель предметно-практической деятельности и познания, источник активности, направленной на объект. В праве субъект выступает как лицо, обладающее по закону способностью иметь и осуществлять права и юридические обязанности. Таким образом, сочетая оба подхода, ученый выделяет отличительные признаки субъекта: обладание правами и юридическими обязанностями, активную роль в их осуществлении, к нему (субъекту) относит того, кто имеет необходимые полномочия, выступает их инициатором, организатором, непосредственным исполнителем и несет ответственность за законность и обоснованность предпринимаемых действий.

К участнику, основываясь на толковании этого слова, следует относить того, кто участвует в чем-нибудь, а не выступает его организатором или инициатором. Данный термин подразумевает пассивное начало, в отличие от субъекта. Участники ОРМ действуют лишь в пределах полученных от субъектов заданий.

Относительно иных участников ОРМ, наделенных определенной правоспособностью в сфере ОРД, таких как судьи, прокуроры и следователи, необходимо сказать, что они выступают субъектами правоотношений в сфере ОРД, но в самом процессе ОРМ не участвуют. Что

касается судьи и прокурора, то их основной функцией является осуществление контроля и надзора за ОРД. В свою очередь, следователь уполномочен давать поручение на проведение ОРМ, но непосредственного участия ни с организационной, ни с тактической точек зрения в них не принимает. Таким образом, придерживаясь позиции А. Е. Чечетина, полагаем, что понятие «участник» шире понятия «субъект». Другими словами, любой субъект является участником ОРД, но не любой участник есть ее субъект.

Стоит заметить, что участники ОРД вступают в определенные правоотношения с иными лицами, чьи интересы так или иначе затрагиваются в процессе ее осуществления. К таким лицам следует относить проходящих по делам оперативного учета, заподозренных в совершении преступлений; их родственные, преступные и иные связи; адвокатов (защитников); лиц, вовлекаемых в оперативно-розыскные отношения по воле субъектов ОРД (например, свидетели и очевидцы при их опросе и т. п.). Данные лица не выступают участниками ОРД, но являются участниками оперативно-розыскных правоотношений.

Кроме того, в оперативно-розыском законодательстве практически полностью отсутствуют нормы, определяющие правовой статус лиц, обладающих оперативно-розыскным иммунитетом. Анализ положений нормативных правовых актов, регламентирующих ОРД, позволил определить, что к таким лицам следует отнести Президента Российской Федерации, бывшего Президента Российской Федерации, Уполномоченного по правам человека Российской Федерации, членов Совета Федерации и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, судей различных уровней, адвокатов и др. При этом под оперативно-розыскным иммунитетом нами понимается законодательно урегулированный охранительный механизм для отдельных категорий лиц, обладающих специальным статусом, выполняющих важные государственные и иные социальные функции, выражающийся в особом порядке осуществления в отношении них оперативно-розыскной деятельности и привлечения их к конфиденциальному содействию с оперативно-розыскными органами¹⁰.

В связи с этим актуальным представляется вопрос о том, кого же следует считать участниками оперативно-розыскных правоотношений и как их классифицировать. Основными критериями классификации, на наш взгляд, должны выступать особенности их правового статуса (права и обязанности, правовые гарантии деятельности, ответственность, пределы самостоятельности при принятии решений, порядок их вступления в оперативно-розыскные правоотношения и т. д.). Ранее мы предлагали следующую классификацию: субъекты ОРД (руководитель органа, осуществляющего ОРД, руководитель оперативного подразделения, должностные лица оперативного подразделения), осуществляющие ОРД в полном и ограниченном объеме; участники ОРД (лица, принимающие участие в ОРМ по воле субъектов ОРД: конфиденциальные сотрудники, присутствующие, специалисты и т. п.);

лица, обладающие определенной правоспособностью в ОРД (судья, прокурор, начальник следственного отдела, следователь, начальник подразделения дознания, дознаватель); лица, заподозренные в совершении преступлений, в том числе проходящие по делам оперативного учета, их связи; адвокаты (защитники); иные лица, вовлекаемые в оперативно-розыскные правоотношения субъектами ОРД (свидетели, очевидцы и т. п.)¹¹.

Считаем целесообразным введение в Закон об ОРД дополнительных статей, регулирующих правовое положение всех участников оперативно-розыскных правоотношений посредством закрепления норм, раскрывающих содержание указанных элементов их правового статуса. Полагаем, что в данном случае будет уместным формулирование положений соответствующих статей по аналогии с нормами Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, который содержит отдельный раздел, именуемый «Участники уголовного судопроизводства», как это предложил ранее В. Ф. Луговик в проекте Оперативно-розыскного кодекса¹².

Приведем причины, которые вызывают необходимость такого шага.

С позиции субъектов ОРД:

— они вынуждены действовать в ситуациях правовой неопределенности, часто в условиях оперативного риска, когда отсутствуют четкие правовые критерии проведения отдельных ОРМ, в том числе порядка и процедуры их проведения в отношении отдельных категорий граждан, обладающих оперативно-розыскным иммунитетом, пределов организационно-тактического усмотрения, и обязательно в процессе негласной деятельности (в связи с этим возможно наступление неблагоприятных последствий, привлечение к ответственности, отказ от проведения ОРМ, пассивность и т. д.);

— завышен уровень руководителей, санкционирующих принятие определенных оперативно-розыскных решений (при заведении ДОУ, при проведении ОРМ, при работе с конфиденциантами и т. д.); нередко руководитель оперативного подразделения отстранен от принятия решений и т. д.

Следует четко определить полномочия руководителя органа, осуществляющего ОРД, руководителя оперативного подразделения, оперуполномоченного. При этом, по нашему мнению, в компетенцию руководителя органа, осуществляющего ОРД, должны входить функция ведомственного контроля за законностью ОРД; санкционирование проведения ОРМ, таких как проверочная закупка, контролируемая поставка предметов, веществ, свободная реализация которых запрещена либо оборот которых ограничен, оперативный эксперимент, оперативное внедрение; утверждение расходования финансовых средств; возбуждение перед судом ходатайства о получении разрешения на проведение ОРМ, ограничивающих конституционные права граждан; осуществление координации деятельности оперативных подразделений и иных служб.

В свою очередь, руководитель оперативного подразделения, на наш взгляд, должен быть нацелен на выполнение функций руководства оперативным подразделе-

нием, обучения и воспитания личного состава, развития у подчиненных сотрудников профессиональных навыков. Кроме того, представляется целесообразным на законодательном уровне проработать вопрос о расширении полномочий руководителя оперативного подразделения в части, касающейся санкционирования проведения отдельных ОРМ, заведения ДОУ и др. В данном случае мы солидарны с мнениями авторов о необоснованности наличия в ведомственных нормативных правовых актах, регулирующих ОРД, некоторых ограничений, не предусмотренных Законом об ОРД, и неадекватности установленного законодателем уровня принимаемых решений различным оперативно-розыскным ситуациям.

Полагаем, что вопросы тактики проведения ОРМ и привлечения граждан к конфиденциальному содействию с органами, осуществляющими ОРД, организации работы по материалам предварительной оперативной проверки и ДОУ законодательству следует отнести к ведению оперуполномоченного. При этом в случаях самостоятельного проведения ОРМ руководителем органа, осуществляющего ОРД, или руководителем оперативного подразделения они должны быть наделены полномочиями оперуполномоченного, а при условии проведения ОРМ в составе группы, состоящей из нескольких сотрудников оперативных и (или) иных подразделений, руководить ее деятельностью.

По нашему мнению, четкое закрепление и разграничение компетенций между указанными субъектами ОРД позволят устранить имеющиеся пробелы оперативно-розыскного законодательства относительно нормативного правового регулирования их правового положения, обеспечить большую оперативность принятия оперативно-розыскных решений и своевременность реагирования на нарушение прав граждан.

С позиции иных участников оперативно-розыскных правоотношений:

— представляется, что потребности правоприменительной практики вызывают необходимость в закреплении на законодательном уровне положений, раскрывающих формы, виды и содержание понятий «содействие» и «сотрудничество», а также элементы правового положения лиц, оказывающих содействие органам, осуществляющим ОРД. Не совсем понятно, как гражданин должен узнать, каким образом он может реализовать свое право на оказание помощи правоохранительным органам в борьбе с преступностью. Изучения положений Закона об ОРД явно недостаточно, а ознакомиться с ведомственными нормативными правовыми актами органов, осуществляющих ОРД, которые регламентируют ее проведение, для него недоступно по понятным причинам.

При этом, по нашему мнению, регулирование вопросов организации и тактики работы с гражданами, оказывающими содействие, а также оформления, проверки и использования полученной от них информации, безусловно, является прерогативой органов, осуществляющих ОРД, и должно быть в рамках соответствующих предписаний ведомственных нормативных правовых актов, носящих закрытый характер;

— объем и совокупность прав и обязанностей, правовые гарантии деятельности, ответственность лиц, обладающих правосубъектностью в ОРД, также требуют дополнительного правового регулирования (представляется явно недостаточным наличие, например, одной статьи о прокурорском надзоре и т. д.);

— нет четкого понимания правового положения граждан, заподозренных в совершении преступлений, вовлекаемых в оперативно-розыскные правоотношения по воле субъектов ОРД, нормы, регулирующие их правовой статус, носят разрозненный и отрывочный характер (мы не высказываемся о необходимости увеличения объема прав таких граждан и их равенстве с правами субъектов ОРД, а ведем речь лишь об их соотношении) и др.;

— не определен исчерпывающий перечень категорий лиц, обладающих иммунитетом, а также не указан его объем, отсутствует механизм реализации оперативно-розыскных мероприятий в отношении и с участием лиц, обладающих иммунитетом; нет четкого понимания возможности привлечения лиц, наделенных иммунитетом, к конфиденциальному содействию и др.

Без сомнения, приведенные нами суждения могут носить спорный характер, не претендуют на исключительность и требуют дальнейшего научного осмысления.

¹ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Интервью с профессором В. Ф. Луговиком // Оперативно-розыскная деятельность. 2016. № 1(1). С. 4.

³ Гусев В. А. Новации проекта оперативно-розыскного кодекса в сфере конфиденциального содействия лиц органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность // Там же. С. 11.

⁴ См., напр.: Ахмажитов В. М., Бобров В. Г. Об основных направлениях дальнейшего развития теории оперативно-

розыскной деятельности органов внутренних дел // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : тр. Академии управления МВД России. М., 2001. С. 16–18 ; Бобров В. Г. О некоторых вопросах законодательного регулирования оперативно-розыскной деятельности // Проблемы формирования уголовно-розыскного права (десять лет российскому оперативно-розыскному закону) : вневед. сб. науч. раб. М., 2002. Вып. 5. С. 44 ; Ахмажитов В. М., Бобров В. Г. К вопросу о законодательном регулировании оперативно-розыскной деятельности // Гос-во и право. 2004. № 11. С. 26–27 ; Лугович В. Ф. Современные подходы к правовому регулированию оперативно-розыскной деятельности: инициативные проекты Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» / сост. В. Ф. Лугович. Омск, 2006 ; Лугович В. Ф., Давыдов С. И., Пономаренко О. Н. Оперативно-розыскное обеспечение государственного обвинения : монография. Барнаул, 2007 ; и др.

⁵ Лугович В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014. С. 44–52.

⁶ Маслов А. А. Необходимость Дорожной карты для развития оперативно-розыскной отрасли права // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. / под общ. ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского. М., 2017. С. 252.

⁷ Бакланов Л. А., Бражников Д. А. Правовой статус лица, вовлекаемого в оперативно-розыскные мероприятия // Актуальные вопросы теории и практики оперативно-розыскной деятельности : мат-лы III всерос. науч.-практ. конф., 21 ноября 2014 г. Краснодар, 2015. С. 8–11 ; Маслов А. А. Указ. соч.

⁸ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Четчин А. Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий : монография. М., 2006. С. 52.

¹⁰ Подробнее об оперативно-розыском иммунитете см.: Лаврентьев В. А. Иммунитеты в оперативно-розыскной деятельности : дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2018. 177 с.

¹¹ Лугович С. М. Правовой статус участников оперативно-розыскных правоотношений как основной критерий их квалификации // Журнал юридических исследований. 2018. Т. 3, № 2(33). С. 97–104.

¹² Лугович В. Ф. Оперативно-розыскной кодекс Российской Федерации : авторский проект. Омск, 2014. С. 44–52.

Правовая основа получения информации сотрудниками оперативных подразделений от операторов сотовой связи при проверке сообщений по фактам пропажи мобильных телефонов

Лугович Сергей Михайлович, кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России

Карпенко Дарья Александровна, слушатель Омской академии МВД России

Рассмотрены особенности получения информации от операторов сотовой связи при проведении сотрудниками оперативных подразделений проверки сообщений по фактам хищений мобильных телефонов, в случаях когда усматриваются признаки составов преступлений, по которым производство предварительного следствия необязательно либо неизвестны обстоятельства утраты.

Ключевые слова: мобильный телефон; оперативно-розыскные мероприятия, доследственная проверка.

В настоящее время жизнь современного человека сложно представить без использования мобильных телефонов. С их помощью люди научились не только общаться, но и совершать покупки, хранить важную информацию, использовать интернет и многое другое. Причем это относится не только к гражданам среднего возраста, но и к пожилым людям, подросткам и даже детям. Но, к сожалению, мобильный телефон остается и одним из самых распространенных предметов преступного посяательства¹. Проведенное нами исследование позволило выявить основные причины хищений мобильных телефонов:

- 1) популярность данного объекта как средства связи;
- 2) материальная ценность мобильного телефона;
- 3) высокая вероятность сбыта похищенного телефона.

Данные обстоятельства обуславливают выделение в одно из приоритетных направлений деятельности подразделений уголовного розыска раскрытие хищений мобильных телефонов.

Мобильный телефон отличается от большинства предметов преступного посяательства тем, что обладает наличием технических возможностей его поиска. Для этого, как правило, оперативному сотруднику необходимо у оператора сотовой связи получить информацию об IMEI-коде² мобильного телефона, используемых с ним после хищения телефона SIM-картах, анкетные данные их владельцев, сведения о входящих и исходящих соединениях, СМС-сообщениях, о географическом положении аппарата.

Такую информацию можно получить путем проведения оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ) «снятие информации с технических каналов связи», «наведение справок» или следственного действия «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами». При осуществлении таких ОРМ и следственных действий необходимо наличие

судебного разрешения согласно ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации, так как при этом ограничивается право граждан на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений.

В части 2 ст. 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД)³ также закреплено условие, что ОРМ, которые ограничивают конституционные права граждан на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, передаваемых по сетям электрической и почтовой связи, а также право на неприкосновенность жилища, проводятся только при наличии судебного разрешения и информации о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного противоправного деяния либо о лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших противоправное деяние, по которому производство предварительного следствия обязательно, либо о событиях или действиях (бездействии), создающих угрозу государственной, военной, экономической, информационной или экологической безопасности Российской Федерации.

Следственное действие «получение информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами» проводится после возбуждения уголовного дела согласно ст. 186⁴ Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

В случаях когда по факту хищения мобильного телефона возбуждается уголовное дело и (или) усматриваются признаки состава преступления, по которому обязательно предварительное следствие, проблем с обозначенными ОРМ и следственными действиями нет. Однако часто складывается такая ситуация, что перед возбуждением уголовного дела по факту хищения нужно проверить, присутствует ли в каждом конкретном случае состав преступления или телефон утерян владельцем не при криминальных обстоятельствах. Отсюда возникает правомерный вопрос: как же поступать оперативникам, когда

по материалам проверки сообщения о преступлении данной категории в порядке ст. 144 УПК РФ (далее — доследственная проверка) четко не определяются факт хищения мобильного телефона либо признаки состава преступления, по которому обязательно производство предварительного следствия? К сожалению, ответ на этот вопрос вряд ли устроит сотрудников оперативных подразделений: если в материалах доследственной проверки состав или событие преступления четко не просматриваются и (или) деяние предварительно будет квалифицироваться по «дознавательской» статье, оперативно-розыскные мероприятия судебного санкционирования, ограничивающие конституционное право на тайну переписки, телефонных переговоров и иных сообщений, проводить нельзя. Получается, что похищенный или потерянный телефон надлежит искать иными способами, что, как правило, не всегда бывает эффективным.

Почему практика идет по такому пути? Причинами этого, на наш взгляд, являются следующие обстоятельства.

В определении Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 345-О «Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Советского районного суда города Липецка о проверке конституционности части четвертой статьи 32 Федерального закона от 16 февраля 1995 года „О связи“» отмечено, что право каждого на тайну переговоров по конституционно-правовому смыслу предполагает комплекс действий по защите информации, получаемой по каналам телефонной связи, независимо от времени поступления, степени полноты и содержания сведений, фиксируемых на отдельных этапах ее осуществления. В силу этого информацией, составляющей охраняемую Конституцией Российской Федерации и действующими на территории Российской Федерации законами тайну телефонных переговоров, считаются любые сведения, передаваемые, сохраняемые и устанавливаемые с помощью телефонной аппаратуры, включая данные о входящих и исходящих сигналах соединения телефонных аппаратов конкретных пользователей связи; для доступа к указанным сведениям органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность, необходимо получение судебного решения⁴.

Следовательно, для получения у оператора сотовой связи указанной информации необходимо обратиться с соответствующим ходатайством в суд. Затем судебное решение нужно направить оператору сотовой связи, который после этого может выдать интересующую информацию в течение неопределенного времени. Но ограничение конституционных прав человека и гражданина допускается не только на основании судебного решения, но и при обязательном наличии информации о противоправном деянии, по которому предварительное следствие обязательно. Однако перед нами ситуация, когда необходима информация по материалам доследственной проверки по признакам составов преступлений, предварительное следствие по которым производится в форме дознания.

Кроме того, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 июня 2017 г. № 19 «О прак-

тике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)» содержит разъяснение, что согласно п. 24¹ ст. 5 УПК РФ по ходатайству о получении информации о соединениях между абонентами и (или) абонентскими устройствами в соответствии со ст. 186¹ УПК РФ судьей может быть дано разрешение на получение сведений о дате, времени, продолжительности соединений между абонентами и (или) абонентскими устройствами (пользовательским оборудованием), номерах абонентов, других данных, позволяющих идентифицировать абонентов, а также сведений о номерах и месте расположения приемопередающих базовых станций. К другим данным, позволяющим идентифицировать абонентов, относят, в частности, сведения о IMEI-коде абонентского устройства или о местонахождении телефонного аппарата относительно базовой станции⁵.

В своей деятельности правоприменители опираются на эти и другие аналогичные судебные решения. К сожалению, приходится констатировать, что при проверке сообщения о преступлении в порядке ст. 144 УПК РФ оперативно-розыскные мероприятия, направленные на получение информации от операторов сотовой связи для установления и регистрации номера IMEI-кода средства связи, можно проводить, если имеется судебное разрешение и в материалах предварительной проверки усматриваются признаки состава преступления, по которому производство предварительного следствия обязательно.

В связи с этим интересную точку зрения при обсуждении данного вопроса высказал профессор В. Ф. Луговик. Он отметил, что ч. 6 ст. 8 Закона об ОРД разрешает прослушивание телефонных переговоров без судебного решения в случаях возникновения угрозы жизни, здоровью или собственности граждан по их заявлению или с их согласия в письменной форме. Такое прослушивание осуществляется на основании постановления, утвержденного руководителем органа, осуществляющего ОРД, с обязательным уведомлением судьи в течение 48 часов. Опираясь на определение Конституционного Суда Российской Федерации от 2 октября 2003 г. № 345-О, правомерно считать, что данное право распространяется и на проведение оперативно-розыскных мероприятий для установления и регистрации номера IMEI-кода средства связи. Форма уведомления судьи о проводимом прослушивании телефонных переговоров в тексте указанного закона не закреплена, однако представляется вполне очевидным, что она должна быть письменной. В заявлении или письменном согласии гражданина должно быть указано, на какой срок он разрешает поставить свой телефон на прослушивание. Опираясь на данную позицию, можно сделать вывод, что проведение оперативно-розыскных мероприятий, требующих судебного разрешения, по мнению В. Ф. Луговика, возможно без получения такового, по заявлению лиц или с их письменного согласия.

Следует обратить внимание и на то, что Закон об ОРД конкретно прописывает условия, при наличии

которых возможно проведение ОРМ, ограничивающего рассматриваемые конституционные права граждан, без судебного решения, это наличие угрозы их жизни, здоровью или собственности. Возникает вопрос, присутствует ли такая угроза собственности при хищениях мобильных телефонов.

Здесь, возможно, стоит говорить о времени, в течение которого может присутствовать такая угроза. Ведь не случайно законодатель оговаривает срок в 48 часов. Вероятнее всего, угроза собственности при хищениях мобильных телефонов может присутствовать как раз в течение данного срока, но уже в ближайшем будущем телефон может быть реализован и приобретен добросовестными покупателями, которые к хищению не имеют никакого отношения. В данный момент изложенная точка зрения, к сожалению, не нашла воплощения на практике, скорее всего, она требует некоторого осмысления и правового закрепления.

Выражая собственную позицию, отметим, что наиболее подходящий путь решения создавшейся проблемы — это изменение правовых норм, регулирующих оперативный и своевременный поиск похищенного мобильного телефона. Совершенствование правового регулирования рассматриваемого вопроса, полагаем, может происходить как минимум по одному из двух направлений: либо необходимо усеченно понимать тайну телефонных переговоров, т.е. относить к этому понятию только непосредственно содержание разговоров и SMS-сообщений между абонентами, а всю остальную информацию предоставлять без судебного решения; либо необходимо корректировать норму ч. 2 ст. 8 Закона об ОРД в том плане, что рассматриваемые нами мероприятия допустимо будет проводить не только по преступлениям, предварительное следствие по которым обязательно. В данном случае мы не видим причин, по которым законодатель запрещает проведение ОРМ судебного санкционирования по делам, послед-

ственным дознанию, тем самым ограничивая потенциал правоохранительных органов в восстановлении прав потерпевших по преступлениям указанной категории. В связи с этим мы солидарны с А. А. Масловым в том, что, несмотря на конкретно сформулированные цели ОРД (ст. 1 Закона об ОРД), заключающиеся в противодействии всем без исключения преступным посягательствам, имеет место искусственное необоснованное сужение ее сферы, что ведет к ослаблению возможностей ОРД в обеспечении национальной безопасности⁶.

Таким образом, принятие изложенных мер может способствовать обеспечению своевременной и эффективной возможности поиска похищенного мобильного телефона и, соответственно, повышению раскрываемости таких преступлений.

¹ Так, в 2018 г. на территории Омской области отмечался рост количества уголовных дел, возбужденных по фактам хищений сотовых телефонов. Всего по статьям 158–168 УК РФ зарегистрировано 2178 преступлений, и 1219 из них, т.е. почти половина, остались нераскрытыми.

² International Mobile Equipment Identifier — международный идентификатор мобильного оборудования. В большинстве случаев IMEI наносится на упаковочную коробку телефона под надписью штрих-кода и на корпусе телефона в аккумуляторном отсеке. В случае отсутствия либо умышленного затирания IMEI-кода его можно определить, набрав на клавиатуре мобильного телефона *#06#.

³ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Там же.

⁶ Маслов А. А. Необходимость Дорожной карты для развития оперативно-розыскной отрасли права // Актуальные проблемы теории оперативно-розыскной деятельности : сб. науч. тр. М., 2017. С. 247.

Актуальные вопросы определения круга участников при организации проведения оперативно-розыскных мероприятий

Арсеньев Дмитрий Валентинович, преподаватель Тверского филиала Московского университета МВД России

Рассматриваются вопросы определения круга участников при организации проведения оперативно-розыскных мероприятий. Предлагается оперативным сотрудникам тщательно изучать кандидатов на привлечение к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность; оперативно-розыскные мероприятия; оперативный сотрудник; содействие; сотрудничество.

В современных условиях роста преступности, отличающейся высокой степенью организованности, вооруженности и профессионализма, эффективность работы правоохранительных органов по выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений во многом зависит от должной организации оперативно-розыскной деятельности и взаимодействия с общественностью.

В соответствии со ст. 6 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее — Закон об ОРД) оперативные подразделения государственных органов, уполномоченных на проведение оперативно-розыскной деятельности, для решения задач борьбы с преступностью могут проводить 15 оперативно-розыскных мероприятий.

Органы, осуществляющие оперативно-розыскную деятельность (далее — ОРД), вправе привлекать отдельных лиц с их согласия к подготовке или проведению оперативно-розыскных мероприятий (далее — ОРМ). Данные лица обязаны сохранять в тайне сведения, ставшие им известными в ходе указанных действий, что закреплено в ст. 17 Закона об ОРД.

Рассмотрим некоторые вопросы терминологического характера, возникающие в связи с этим.

Отдельные лица, привлекаемые к решению задач ОРД, — это совершеннолетние, дееспособные лица, выступающие в качестве как экспертов или специалистов при исследовании и оценке интересующей оперативных сотрудников проблемы, так и представителей общественности, оказывающих помощь при проведении некоторых оперативно-розыскных мероприятий (проверочная закупка, наблюдение, наведение справок, отождествление личности и др.), результаты которых могут использоваться гласно, а данные лица выступать в качестве свидетелей по уголовному делу¹.

Под привлечением понимается побуждение лица принять участие в ОРД². Отсюда следует, что предложение принять участие в ОРД должно исходить, как правило, от оперативных сотрудников, а окончательное решение о возможности использования данного лица в ОРД остается только за ними.

Выделяются два вида привлечения граждан:

1) привлечение к содействию — получение оперативными сотрудниками определенной помощи от кон-

кретного лица в решении какой-либо задачи или нескольких задач;

2) привлечение к сотрудничеству — совместная деятельность оперативных сотрудников и такого лица, за которую последний, как правило, получает вознаграждение.

Пунктом 34 ч. 1 ст. 13 Федерального закона «О полиции» закреплено право полиции привлекать граждан с их согласия к внештатному сотрудничеству; устанавливать негласное сотрудничество с гражданами, изъявившими желание конфиденциально оказывать содействие полиции на безвозмездной или возмездной основе³.

Таким образом, под привлечением отдельных физических лиц к участию в ОРД понимается «содействие граждан органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность».

Содействие гражданам органам, осуществляющим ОРД, есть установление оперативно-розыскных отношений между сотрудником (должностным лицом, наделенным правом участвовать в процессе ОРД) и конкретным физическим лицом, привлекаемым для оказания определенной помощи в решении задач борьбы с преступностью.

В связи с этим *по длительности содействия* (в зависимости от срока решения конкретной задачи ОРД) различаются:

1) разовое, кратковременное содействие (например, участие лиц в оперативно-розыском обеспечении производства по какому-либо уголовному делу);

2) долговременное содействие (сотрудничество (на конфиденциальной) возмездной или безвозмездной основе (как правило, в качестве агента, резидента и др.)).

В то же время содействие *по форме оказания* может быть *гласным*, когда в ходе подготовки и проведения оперативно-розыскных мероприятий лицо не требует сохранения в тайне своего участия, а в последующем при необходимости оно может дать свидетельские показания по уголовному делу (лица, привлекаемые к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий, специалисты, переводчики и др.). Содействие может осуществляться и *в негласной форме* (конфиденциальное, от лат. *confidentia* — доверие), когда лицо, привлекаемое к проведению ОРМ, выразило желание засекретить свои отношения с оперативно-розыскными органами, а также когда сам этот орган в лице должностных лиц по так-

тическим соображениям или для обеспечения безопасности принимает решение о том, что содействие не подлежит огласке (это касается агентов, резидентов и др.). Последний формат содействия — *анонимное* (от греч. *анопутос* — безымянный), когда лицо, представляющее информацию, не называет своего имени, не желает себя раскрывать и быть в дальнейшем участником уголовного судопроизводства по каким-либо причинам. При получении анонимной информации запрещается понуждать лицо, ее представляющее, к раскрытию установочных данных (фамилии, прописки, места проживания) и требовать от него предъявления документов.

Далее обратимся к вопросу участия граждан в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, а именно гласному участию граждан. В таком случае лицо не требует (или этого не требуется) сохранения в тайне своего участия в подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий, и в будущем, если возникнет необходимость, оно будет являться полноправным участником уголовного процесса, в том числе пользоваться всеми правами и наделяться обязанностями, предусмотренными законодательством. Однако даже при участии указанных лиц на гласной основе содержание конкретного оперативно-розыскного мероприятия должно носить скрытый характер. Иначе будет нарушен принцип конспирации, а следовательно, и оперативности, вследствие чего подозреваемое в совершении преступления лицо может принять контрмеры, затрудняющие поиск доказательств и установление истины по уголовному делу.

При этом оперативные сотрудники, привлекая лицо к участию в подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий, часто не уверены, до какой степени это лицо заслуживает доверия, поскольку нельзя исключить возможности утечки информации. Необдуманный поступок оперативного сотрудника может привести к провалу спланированных мероприятий, и, соответственно, далее в процессе предварительного расследования все собранные доказательства вины подозреваемого и обвиняемого будут признаны недопустимыми, а виновный избежит ответственности. Например, в ходе осуществления оперативно-розыскного мероприятия «проверочная закупка» в отношении оружия в качестве лиц, участвующих в подготовке и проведении оперативно-розыскного мероприятия, были приглашены совершеннолетние студенты одного из учебных заведений. В процессе документального оформления нарушений допущено не было, однако мероприятие сорвалось. В дальнейшем сотрудниками оперативного подразделения было установлено, что один из студентов являлся родственником подозреваемого.

По нашему мнению, остается нерешенным вопрос определения статуса и предъявления требований к участникам, привлекаемым к подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий. Функции рассматриваемого института граждан можно определить по аналогии с таким участником уголовного судопроизводства, как понятой (ст. 60 УПК РФ). В качестве понятого при-

влекается лицо, не заинтересованное в исходе уголовного дела, для удостоверения факта производства следственного действия, его содержания, хода и результатов.

Уголовно-процессуальное законодательство допускает производство следственных действий без участия понятых, с обязательным условием применения технических средств фиксации всего процесса, по усмотрению лица, осуществляющего расследование. Процесс действий по подготовке и проведению оперативно-розыскных мероприятий возможно зафиксировать с использованием технических средств. Однако без привлекаемых гражданских лиц это не будет полностью отображать происходящее, что может вызвать у ряда участников уголовного судопроизводства сомнения в проведении ОРМ без нарушений и подозрения в его фальсификации. Используя технические средства, вряд ли получится сохранить в тайне участие лица, оказывающего содействие оперативно-розыскным органам в документировании преступных действий подозреваемого. Это может привести к расшифровке, что в целом недопустимо, так как одна из основных задач оперативно-розыскных органов — обеспечение безопасности лиц, оказывающих содействие в борьбе с преступностью.

При использовании содействия граждан при подготовке и проведении оперативно-розыскных мероприятий не только возникает проблема раскрытия негласных участников рассматриваемых мероприятий в силу визуального контакта, но и подвергаются опасности их жизнь и здоровье. В дальнейшем полные данные негласного участника оперативно-розыскных мероприятий сохраняются в тайне, а сведения об оказывающих содействие в гласной форме становятся известными широкому кругу лиц, занятых в процессе уголовного судопроизводства, в том числе и подозреваемым. У подозреваемых, а также лиц, поддерживающих их, появляется реальная возможность повлиять на таких участников ОРМ.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что оперативным сотрудникам в целях результативности оперативно-розыскных мероприятий, исключения возможности утечки информации, обеспечения безопасности всех их участников и недопущения расшифровки последних необходимо тщательно изучать кандидатов для привлечения к содействию.

Благодаря совместной деятельности правоохранительных органов и населения возможно достижение целей выявления, предотвращения и раскрытия преступлений, документирования преступных действий и в целом успешной борьбы с преступностью.

¹ *Оперативно-розыскная деятельность* : учебник / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского, А. Ю. Шумилова. М., 2010.

² *Оперативно-розыскная деятельность* : учебник / под ред. Ю. С. Блинова, О. А. Вагина, А. С. Вандышева, Н. П. Водько. М., 2012.

³ *О полиции* : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Блокировка банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа как мера оперативно-розыскного принуждения

Дорош Егор Юрьевич, адъюнкт адъюнктуры Омской академии МВД России

Рассматривается вопрос блокировки банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа в качестве меры оперативно-розыскного принуждения в целях решения задач оперативно-розыскной деятельности.

Ключевые слова: оперативно-розыскные мероприятия; оперативно-розыскное принуждение; блокировка счетов, вкладов.

Анализ современного состояния криминогенной ситуации в России показывает, что преступления в экономической сфере, совершенные как против собственности, так и в сфере экономической деятельности, являются одной из наиболее острых проблем и характеризуются негативной тенденцией. Так, последние годы отличаются взрывным ростом преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий. Только в 2019 г. в России было зарегистрировано 294,4 тыс. таких преступлений, что на 68,5% больше, чем за аналогичный период прошлого года, из которых почти половина (142,7 тыс.) относятся к категориям тяжких и особо тяжких (прирост + 149,0%), 157,0 тыс. преступлений было совершено с использованием сети Интернет (+ 45,4%), 116,2 тыс. — средств мобильной связи (+ 89,5%), 34,4 тыс. — расчетных (пластиковых) карт (+ 109,3%). 235,5 тыс. преступлений, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, составляют в основном кражи или мошенничества (+ 83,2%), в том числе с помощью платежных карт (ст. 159³ УК РФ) — 16,1 тыс. (+ 280%). Практически все такие преступления (98,4%) выявляются органами внутренних дел, а их раскрываемость достигает лишь 32,3%. Помимо того, за указанный период правоохранными органами выявлено 104,9 тыс. преступлений экономической направленности, причинивших материальный ущерб на сумму 447,2 млрд рублей¹. Не снижается количество преступлений, связанных с незаконной предпринимательской деятельностью, уклонением от уплаты налогов, совершаемых в кредитно-финансовой сфере, и т. д.

Рост преступлений в области информационно-телекоммуникационных технологий, в том числе хищений денежных средств, вызван стремительным распространением безналичных платежей. По данным за 2019 г., 88% жителей России пользуются безналичной оплатой товаров и услуг, а доля безналичных платежей в розничной торговле превышает 61% (для сравнения: в 2014 г. этот показатель равнялся 25%). Банками России выдано более 270 млн карт. Различные финансовые и платежные инструменты используют и злоумышленники в целях как совершения хищений и иных преступлений, так и сокрытия похищенного и легализации доходов, полученных преступным путем.

Высокий уровень латентности таких преступлений, огромный имущественный вред, причиняемый гражданам

и юридическим лицам, постоянно разрабатываемые, развивающиеся и видоизменяющиеся способы совершения определяют серьезность сложившейся ситуации и требуют совершенствования форм и методов оперативно-розыскной деятельности, направленных на их выявление и раскрытие.

Практика деятельности оперативных подразделений, а также интервьюирование сотрудников уголовного розыска и ЭБиПК показывают, что одним из эффективных инструментов при выявлении, пресечении и раскрытии преступлений в экономической сфере могла бы стать блокировка банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа как мера оперативно-розыскного принуждения.

Необходимо отметить, что блокировка банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа не подменяет и не является аналогом предусмотренной уголовно-процессуальным законодательством такой меры принуждения, как наложение ареста на имущество. Согласно ч. 1 ст. 115 УПК РФ арест на имущество, в том числе на денежные средства, находящиеся на счете, во вкладе или на хранении в банках и иных кредитных организациях, налагается для обеспечения исполнения приговора в части гражданского иска, других имущественных взысканий или возможной конфискации имущества.

Блокировка банковских счетов направлена на решение задач ОРД, определенных в ст. 2 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»² (далее — Закон об ОРД), прежде всего на выявление, предупреждение, пресечение и раскрытие преступлений. Поэтому указанная мера оперативно-розыскного принуждения могла бы способствовать пресечению преступлений в виде хищений, в том числе с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, банковских карт, расчетных счетов организаций и др., незаконной банковской деятельности (особенно связанной с так называемым обналичиванием денежных средств), совершения валютных операций по переводу денежных средств в иностранной валюте или валюте России с использованием подложных документов, а также легализации доходов, полученных преступным путем, и др.; повышению эффективности подрыва экономической основы преступности; реализации одной из важнейших функций, стоящих перед правоохранными органами, — установления имущества в целях обеспечения

исполнения приговора в части гражданского иска, взыскания штрафов, иных имущественных взысканий, а также конфискации и т. д.

При это необходимо предоставить возможность совершения блокировки как отдельных операций, так и счетов, карт, принадлежащих лицам — возможным потерпевшим, помимо их воли, например с целью не допустить хищения с банковского счета, когда информирование их о совершении преступления невозможно или нецелесообразно. Результатом блокировки счета может быть последующая отмена совершенной транзакции.

Применение меры уголовно-процессуального принуждения в виде наложения ареста на имущество возможно лишь по возбужденному уголовному делу и на основании решения суда. Оперативные же подразделения часто выявляют преступления в режиме «онлайн» и имеют возможность пресечь преступление на стадии подготовки или совершения, при этом минимизируя негативные последствия для собственников имущества и денежных средств, не допустив их безвозвратной утраты. Как правило, возбуждение уголовного дела и возможное принятие процессуальных мер, связанных с наложением ареста, требуют значительного времени, тогда как банковские транзакции осуществляются в короткий срок (не более 2–3 рабочих дней).

Изучение уголовных дел и дел оперативного учета показало, что часто оперативным сотрудникам в ходе ОРМ, а также из полученной оперативной информации становится известно о заведомо незаконных сделках и банковских транзакциях, но по различным причинам не представляется возможным установить потерпевших лиц и, соответственно, получить от них заявления. Следовательно, отсутствует возможность возбудить уголовное дело, так как уголовным и уголовно-процессуальным законодательством установлены особенности порядка рассмотрения сообщения о преступлении и возбуждения уголовных дел ряда преступлений против собственности, а также в сфере экономической деятельности³. Так, УЭБиПК УМВД России по Омской области в ходе проведенных ОРМ было пресечена деятельность организованной преступной группы, совершившей хищение денежных средств подконтрольной страховой компании ООО «Страховая инвестиционная компания», сферой деятельности которой являлось страхование гражданской ответственности застройщиков в сумме 1,7 млрд рублей. В ходе проведенных ОРМ установлено, что в феврале 2016 г. члены ОПГ, предварительно сменив учредителей компании, которые, в свою очередь, на место генерального директора поставили лицо, ранее неоднократно судимое, осуществили списание денежных средств с расчетных счетов под видом предоставления займов сторонним организациям, выплаты дивидендов, оплаты агентского вознаграждения по фиктивным договорам, покупки ценных бумаг и недвижимого имущества, передачи векселей в пользу третьих лиц и по иным фиктивным основаниям. Денежные средства в сумме 353 млн рублей из страховых резервов были переведены по фиктивному основанию на расчетный счет подконтрольной фирмы-«однодневки»

в один из коммерческих банков г. Кемерово. По имевшейся информации, указанные деньги были похищены в целях последующей легализации. Вместе с тем установить признаки состава преступления, достаточные для возбуждения уголовного дела, на тот момент не удалось, прежде всего, в связи с отсутствием заявления от возможно пострадавших лиц. В целях недопущения дальнейшего хищения денежных средств в адрес коммерческого банка было направлено письмо, которое им проигнорировано. Законных оснований заблокировать указанные суммы на расчетном счете не имелось, денежные средства были легализованы посредством перевода на счета подконтрольных организаций под видом гражданских сделок. В последующем, в ходе ОРМ, были выявлены потерпевшие лица-инвесторы, которые пострадали от недобросовестных застройщиков и у которых наступил страховой случай, но ввиду хищения страхового резерва выплаты осуществлены не были. Членов ОПГ привлекли к уголовной ответственности, однако местонахождение части денежных средств не обнаружено и ущерб потерпевшей стороне не возмещен.

Следует рассмотреть вопрос о применении меры в виде блокировки счетов в целях обеспечения проведения оперативных комбинаций и ряда ОРМ, таких как проверочная закупка, оперативный эксперимент и т. д. (например, с целью избежать вывода и возможной утраты денежных средств при проведении проверочной закупки, осуществленной в безналичной форме, путем денежного перевода и др.). При этом необходимо отметить, что на сегодняшний день законодательно разрешено блокирование (замораживание) банковских счетов в досудебном порядке. Соответствующими полномочиями наделены Федеральная служба по финансовому мониторингу (Росфинмониторинг) и кредитные организации в соответствии с Федеральным законом «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма»⁴. Указанным законом предусмотрена возможность блокировки, т. е. приостановки проведения операций по счету, сроком на 30 дней по решению Росфинмониторинга в случае, если лицо, на которое этот счет открыт, подозревается в нарушении указанного закона либо может быть причастно к деятельности террористических или экстремистских организаций. В то же время достаточно большими полномочиями наделяются и кредитные учреждения, которые самостоятельно внедряют автоматизированные системы контроля над транзакциями клиентов, выявляют признаки совершения подозрительных операций и на этом основании могут приостановить обслуживание счета. Перечень признаков, по которым банки могут классифицировать операции по счету как сомнительные или не имеющие экономического смысла, установлен ЦБ России⁵. Кроме того, правом приостановления операций по счетам в банках, а также переводов электронных денежных средств организаций и индивидуальных предпринимателей в целях обеспечения исполнения решения о взыскании налогов, сборов и др. обладает ФНС России, основанием для этого выступает решение руководителя

налогового органа в порядке, установленном ст. 76 Налогового кодекса Российской Федерации.

Изучая вопрос внесудебной блокировки счетов, нельзя не упомянуть вступивший в силу в сентябре 2018 г. Федеральный закон, который внес изменения в ряд действующих законодательных актов «в части противодействия хищению денежных средств»⁶. Цель указанных изменений — защитить клиентов кредитных организаций от мошеннических действий и хищений. Так, банкам разрешено на срок до двух рабочих дней замораживать карты, систему «банк–клиент», корпоративные карты физических и юридических лиц, а также операции по ним при подозрении на совершение хищений.

В категорию сомнительных подпадают операции по счету, потенциально совершаемые без ведома клиента, признаки которых определены ЦБ России. Это операции, когда получатель средств или устройство для проведения платежа внесены в базу данных ЦБ России, где фиксируются попытки хищений, которые не соответствуют финансовому поведению конкретного клиента, в том числе необычные операции, о чем свидетельствуют время, место, сумма, периодичность осуществления перевода, операции с «нестандартным» назначением платежа и др.⁷ При подозрении на мошеннические действия кредитные организации должны незамедлительно связаться с клиентом по телефону или по электронным каналам связи. Если после идентификации клиент сообщит банку, что не совершал ту или иную операцию, то будет произведена ее отмена. В том случае, если связаться с клиентом не удалось, все операции по карте приостанавливаются на два рабочих дня, в течение которых клиент может отменить платеж. По истечении этого срока операция будет проведена. При этом закон не требует блокировать карты и другие средства платежа, а предписывает банкам выявлять операции, несущие риск совершения без согласия клиента. Такие операции банк обязан приостанавливать, а затем предпринять незамедлительные действия для выяснения обстоятельств платежа.

В соответствии с требованиями законодательства все участники платежных систем обязаны реализовывать комплекс мероприятий по противодействию мошенническим операциям, а также оценивать риски несанкционированных платежей по картам и счетам. Однако, как выявлять указанные операции, каждый банк решает сам. Осуществляя такие функции, финансовые учреждения создают антифрод-системы (от англ. anti-fraud «борьба с мошенничеством») — системы онлайн-мониторинга и оценки финансовых транзакций в интернете на предмет подозрительности с точки зрения мошеннических действий, с использованием моделей машинного обучения, которые являются базовой компонентой технологий искусственного интеллекта. Многокомпонентная система позволяет обеспечивать противодействие мошеннической активности при обнаружении подозрительных транзакций уже на этапе их совершения.

Необходимо отметить, что закон не предусматривает обязанность кредитных организаций, ЦБ России информировать правоохранительные органы о фактах

мошенничества или иных противоправных действиях. При установлении попыток хищений и приостановлении операций клиента вся ответственность по обращению в правоохранительные органы должна лежать на нем. Разумеется, правоохранительным органам не стоит всецело полагаться на системы банковского финансового мониторинга, так как операции не всегда могут обладать признаками «сомнительности», а постоянно совершенствующиеся и изменяющиеся схемы, применяемые злоумышленниками, могут остаться без внимания.

Как отмечают специалисты, действия изложенных изменений часто связаны с нарушением прав добросовестных клиентов, чьи платежи и переводы неправомерно блокируются. Возможна и другая ситуация, когда операция действительно окажется мошеннической, но из-за «молчания» клиента банк спустя два рабочих дня будет вынужден ее провести.

Таким образом, законодательство России допускает внесудебную блокировку банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа, отдельных операций, в том числе связанных с подозрением на совершение противоправных действий в виде хищений.

В настоящее время, в отсутствие законодательного регулирования указанного вопроса, в целях решения задач ОРД при возникновении необходимости в приостановлении операций по счету практика оперативных подразделений часто идет по пути направления в кредитные организации информационных писем, в которых перечисляются признаки совершения преступления, а также возможной легализации денежных средств, добытых преступным путем, с тем чтобы побудить банк воспользоваться положениями Федерального закона «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма» и приостановить банковские операции. Вместе с тем при получении подобных писем у банковских структур отсутствует обязанность исполнить рекомендации, содержащиеся в них, и далеко не всегда они реагируют на сообщения. Реакция банковских структур понятна: они опасаются негативных последствий в виде судебных разбирательств и репутационных потерь.

Вместе с тем предпринимаются попытки изменить ситуацию, в том числе путем инициативной подготовки и внесения для рассмотрения нормативных правовых актов. Так, МВД России во исполнение поручения Президента Российской Федерации от 28 декабря 2018 г. был подготовлен проект указа «О стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года», в котором говорится о принятии нормативной базы по введению внесудебного механизма блокировки банковских счетов (вкладов) и электронных средств платежа по инициативе субъектов оперативно-розыскной деятельности в целях недопущения использования доходов, полученных от незаконного оборота наркотиков, в экономической сфере, а также подрыва экономических основ наркопреступности⁸. В апреле 2019 г. Росфинмониторинг представил законопроект, вносящий изменения в ряд федеральных законов (в том числе в Фе-

деральный закон «О полиции») и наделяющий органы внутренних дел и Федеральную службу безопасности России правами по внесудебной блокировке операций по банковским счетам (вкладам)⁹. В частности, предлагается предоставить руководителю территориального органа внутренних дел либо лицу, его замещающему, право в случаях, не терпящих отлагательства, и при наличии достаточных, предварительно подтвержденных и задокументированных сведений об использовании банковских счетов (вкладов) или электронных средств платежа в целях финансирования экстремистской деятельности, а также незаконного оборота наркотических средств и др. принять решение о приостановлении операций, связанных со списанием денежных средств с таких банковских счетов (вкладов) или с уменьшением остатка электронных денежных средств при использовании подобных электронных средств платежа, на срок до 10 рабочих дней с письменным уведомлением прокурора в течение 24 часов, а по решению суда на основании заявления указанных руководителей — бессрочно до отмены данного решения в соответствии с законодательством России.

Несмотря на то что приведенные предложения напрямую не касаются прав оперативно-розыскных подразделений и в них ничего не говорится о внесении изменений в Закон об ОРД, толкование выражения «при наличии достаточных, предварительно подтвержденных и задокументированных сведений» позволяет заключить, что такие сведения могут быть получены и в результате проведенных ОРМ.

При определенных положительных шагах в данном вопросе необходимо отметить, что указанные предложения относятся исключительно к противодействию финансированию терроризма, экстремистской деятельности, а также незаконного оборота наркотических средств и психотропных веществ. Борьба с иными видами преступлений, в том числе экономической направленности, пока осталась за скобками.

Подводя итог, отметим, что вопрос о наделении органов, осуществляющих ОРД, дополнительными правами по обеспечению решения задач, которые можно отнести к мерам оперативно-розыскного принуждения, назрел давно. Блокировка банковских счетов физических и юридических лиц и электронных средств платежа необходима для решения стоящих перед оперативными

подразделениями задач. Поэтому в дальнейшем предлагается разработать механизм применения указанной меры, которая может быть реализована на основании правового акта руководителя, уполномоченного на осуществление оперативно-розыскной деятельности, и обеспечена ведомственным, судебным контролем и прокурорским надзором, в целях инициирования внесения изменений в Закон об ОРД, а также в иные нормативные правовые акты.

¹ *Состояние преступности в России* // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр МВД России». URL: <https://мвд.рф/reports/item/16945572/> (дата обращения: 09.07.2020).

² *Об оперативно-розыскной деятельности* : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (ред. от 2 августа 2019 г. № 311-ФЗ). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

³ В соответствии с ч. 3 ст. 20 УПК РФ по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 159–159³, 159⁵, 159⁶, 160, 165 УК РФ (если эти преступления совершены в сфере предпринимательской деятельности), а также ст. ст. 170², 171–174, 174¹, 176–178, 180–183, 185–185⁴, ч. 1 ст. 185⁶, ст. ст. 190–199² УК РФ, уголовные дела частного-публичного обвинения возбуждаются не иначе как по заявлению потерпевшего или его законного представителя.

⁴ *О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма* : федеральный закон от 7 августа 2001 г. № 115-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ *Методические рекомендации о подходах к управлению кредитными организациями риском легализации (отмывания) доходов, полученных преступным путем, и финансирования терроризма*, утв. Банком России 21 июля 2017 г. № 18-МР.

⁶ *О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части противодействия хищению денежных средств* : федеральный закон от 27 июня 2018 г. № 167-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

⁷ *Признаки осуществления перевода денежных средств без согласия клиента* : метод. рекомендации, утв. приказом Банка России от 27 сентября 2018 г. № ОД-2525.

⁸ URL: <https://regulation.gov.ru/p/98716> (дата обращения: 01.04.2020).

⁹ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=90349> (дата обращения: 01.04.2020)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

1. Общие правила

Научные статьи и материалы, предлагаемые для публикации в журнале «Оперативно-розыскное право», должны иметь научно-практический характер, являться оригинальными, не опубликованными ранее и содержать следующие обязательные элементы: постановку проблемы в общем виде и ее связь с актуальными научными и практическими задачами; анализ новейших исследований и публикаций, положивших начало исследованию проблемы, на которые опирается автор; формулировку целей статьи (постановку задачи); изложение основного материала исследования с обоснованием полученных научных результатов; выводы исследования и перспективы последующих изысканий в данном направлении, и обладающими очевидной научной новизной.

Ответственность за точность количественных данных, цитат, фамилий, имен собственных лежит на авторах.

Направление в редакцию работ, опубликованных или предложенных в другие издания, не допускается.

2. Авторы представляют в редакцию:

- сведения об авторе (Ф. И. О. (полностью), ученые степень и звание, должность), телефоны, адрес электронной почты;
- аннотацию, в которой следует кратко и емко выразить суть статьи. Объем аннотации — до 500 знаков, включая пробелы;
- ключевые слова (не более семи речевых единиц);
- объем рукописи не должен превышать 0,5 авт. л., включая рисунки, графики и таблицы;
- рукописи представлять на бумажном и электронном носителях в соответствии с требованиями делопроизводства и режима секретности в органах внутренних дел;
- рукописи подписывать автором, рукописи адъюнктов — также и научными руководителями. Визы располагать на лицевой стороне последнего листа статьи и каждого приложения.

3. Требования к оформлению библиографического аппарата в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008:

- в списке литературы источники упоминаются в порядке цитирования (включая ссылку на официальный источник опубликования), в список следует включать и произведения зарубежных авторов;
- при ссылке на книгу указываются фамилия, инициалы автора; название книги; город; год издания; страница (либо общее количество страниц). В повторной ссылке приводят фамилию, инициалы автора; название книги (в случае, если данной ссылке предшествуют ссылки на другие работы этого автора); страницу. В повторной ссылке, не следующей за первичной, указывают фамилию, инициалы автора, а заглавие и последующие элементы заменяют словами «Указ. соч.» (Указанное сочинение), «Op. cit.» (Opus citato — цитируемый труд) — для документов на языках, применяющих латинскую графику;
- в статьях из сборников, журналов и периодических изданий выходные данные указываются в следующем порядке: фамилия и инициалы автора, название статьи, название источника, редактор (ответственный редактор, редколлегия) и город — для сборников, год, том (номер), страницы. Название статьи отделяется от источника двумя косыми чертами;
- при оформлении ссылок на материалы, извлеченные из интернета, следует указать сведения, необходимые для их поиска (полный адрес в интернете, включая название сайта и дату обращения), а также

использовать для обозначения электронного адреса аббревиатуру «URL» (Uniform Resource Locator — унифицированный указатель ресурса). Например:

1. *О противодействии терроризму*: федеральный закон от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ (ред. от 06.07.2016), принят Государственной Думой Федерального Собрания Российской Федерации 26 февраля 2016 г. // Рос. газета. 2006. 10 марта; Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 11, ст. 1146.
2. *Борков В. Н.* Должностные преступления: квалификация, система и содержание уголовно-правовых запретов: монография. Омск, 2010. 272 с.
3. *Бабурин В. В.* Концепция риска в уголовном праве. Омск, 2012. С. 51.
4. *Борков В. Н.* Указ соч. С. 51.
5. Bolle P. H. La police de proximite: notion, institution, action. *Equzklore*. 1998. № 12. P. 172.
6. *Железняк Н. С.* О необходимости судебного санкционирования оперативно-розыскных мероприятий, проводимых в неотложном порядке // *Полицейский сыск*: сб. науч.-практ. ст. Хабаровск, 2016. Вып. 5. С. 130–132.
7. *Зенкин А. Н.* Подмена уголовно-процессуальных действий оперативно-розыскными мероприятиями // *Законность*. 2017. № 1. С. 61–63.
8. *Право*. Журнал Высшей школы экономики: электронный журнал. 2017. № 3. URL: <http://law-journal.hse.ru/2017-3.html> (дата обращения: 20.08.2017).

4. Технические требования к представляемым материалам:

- статьи принимаются в формате doc, docx, rtf; шрифт Times New Roman, кегль 14, межстрочный интервал 1,5;
- параметры страницы: верхнее, нижнее, правое поле — 2 см, левое поле — 3 см;
- иллюстративный материал для черно-белой печати в формате растровой графики TIFF или JPEG, разрешение 300 dpi (пиксели на дюйм). Графики, схемы, диаграммы, изготовленные в Excel.

Журнал является рецензируемым. В рецензии оцениваются актуальность темы статьи, степень научной обоснованности положений, их новизна и значимость, отмечаются как положительные, так и обнаруженные спорные или отрицательные моменты рукописи, дается рекомендация о публикации (отказе в публикации) статьи или возвращении ее автору для доработки. Редакционная коллегия оставляет за собой право направлять на рецензирование, дополнительное рецензирование или отклонять предлагаемые к публикации работы. Предпочтение отдается работам, направленным на совершенствование профессиональной деятельности сотрудников правоохранительных органов. Точки зрения редакции и автора могут не совпадать.

Статьи и оптические носители, принятые к опубликованию, а также отклоненные по различным основаниям, авторам не возвращаются, хранятся и уничтожаются в установленном порядке.

Контакты:

- заместитель главного редактора *Луговик Виктор Федорович* 8 (3812) 75-14-00, 8 (913) 976-8996; vlug@yandex.ru
- ответственный секретарь *Васильченко Денис Александрович* 8 (3812) 75-14-27, 8 (913) 971-2773; vda.com@mail.ru

Редакция приглашает Вас к сотрудничеству

